

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ №1 NEW YORK TIMES

ЛЕДЯНАЯ КОЛЫБЕЛЬ

В КАКОЙ ЧАСТИ МИРА СОКРЫТА
ТАЙНА АПОКАЛИПСИСА?

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Джеймс Роллинс
Ледяная колыбель
Серия «Книга-загадка,
книга-бестселлер»
Серия «Павшая луна», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70359571
Ледяная колыбель: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199697-0

Аннотация

Урт – мир, возвращенный Матерью Снизу под ликом Отца Сверху. Одна его половина выжжена солнцем, вторая погружена в вечную стужу. Здесь можно жить лишь на узкой полосе между мертвыми полушариями, именуемой Венцом. Сегодня эта суровая планета в опасности.

Но в какой части мира сокрыта тайна его уничтожения?

Юная ясновидящая. Принц-в-чулане. Проклятый Рыцарь. Беглый каторжник. Их объединила грядущая катастрофа, и только они могут спасти планету. Для этого им пришлось разделиться. Ибо сияющий призрачный шар, разбуженный знаниями Древних, указал, что ключи к предотвращению апокалипсиса могут находиться в разных местах.

Первая группа отправилась в Студеные Пустоши, погруженные во тьму и промерзшие насквозь земли, о которых практически ничего не известно. Вторая оказалась в огромной столице жестокой южной империи, где расположено таинственное хранилище мудрости – Кодекс Бездны. Время на исходе – со всех сторон света собираются армии, готовые начать Великую войну. А между тем спасители мира обнаруживают: кто-то из них – не тот, кем его считают. А кто-то – и вовсе не тот, кем считает себя сам...

Продолжение новейшего фантастического цикла Джеймса Роллинса – автора с мировым именем, создателя многочисленных бестселлеров New York Times № 1, переведенных на 40 языков.

«Талантливый рассказчик, который легко дрейфует от триллера к фэнтези и обратно. Потрясающее повествование». – Терри Брукс

«Мощное, блистательное эпическое фэнтези от выдающегося романиста». – Джонатан Мэйберри

«Будучи виртуозным мастером скрещивания жанров, здесь Джеймс просто на пике формы». – Роберт Сальваторе

«Роллинс – это то, что получается, если поместить Дэна Брауна и Майкла Крайтона в адронный коллайдер». – New York Times

Содержание

Часть I	19
Глава 1	19
Глава 2	36
Глава 3	49
Часть II	58
Глава 4	58
Глава 5	71
Глава 6	79
Глава 7	86
Глава 8	91
Часть III	102
Глава 9	102
Глава 10	111
Глава 11	123
Глава 12	131
Глава 13	137
Глава 14	145
Часть IV	156
Глава 15	156
Глава 16	170
Глава 17	181
Глава 18	189
Глава 19	198

Часть V	208
Глава 20	208
Глава 21	221
Глава 22	233
Глава 23	248
Глава 24	262
Глава 25	270
Часть VI	280
Глава 26	280
Глава 27	290
Глава 28	301
Глава 29	312
Глава 30	322
Конец ознакомительного фрагмента.	323

Джеймс Роллинс

Ледяная колыбель

УДК 821.111–312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

James Rollins

THE CRADLE OF ICE

Copyright © 2023 by James Czajkowski.

Maps provided and drawn by Soraya Corcoran.

Creature drawings provided and drawn by Danae Fidler.

All rights reserved.

Published in agreement with the author, c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A

© Лисочкин А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

ЧИТАЙТЕ ВСЕ КНИГИ ДЖЕЙМСА РОЛЛИНСА:

Серия «Сигма»

Песчаный дьявол
Кости волхвов
Черный орден
Печать Иуды
Последний Оракул
Ключ судного дня
Дьявольская колония
Линия крови
Глаз Бога
Шестое вымирание
Костяной лабиринт
Седьмая казнь
Венец демона
Пекло
Последняя одиссея

Серия «Орден сангвинистов»

(в соавторстве с Ребеккой Кантрелл)

Кровавое евангелие
Невинные
Кровь Люцифера

Серия «Такер Уэйн»

(в соавторстве с Грантом Блэквудом)

Убийцы смерти
Ястребы войны

Серия «Павшая луна»

Беззвездный Венец
Ледяная колыбель

Отдельные романы

Пещера
Пирамида
Бездна
Амазония
Айсберг
Индиана Джонс и Королевство хрустального черепа
Алтарь Эдема

Сборники

Ночная охота
Тропа мертвых
Абсолютный доступ

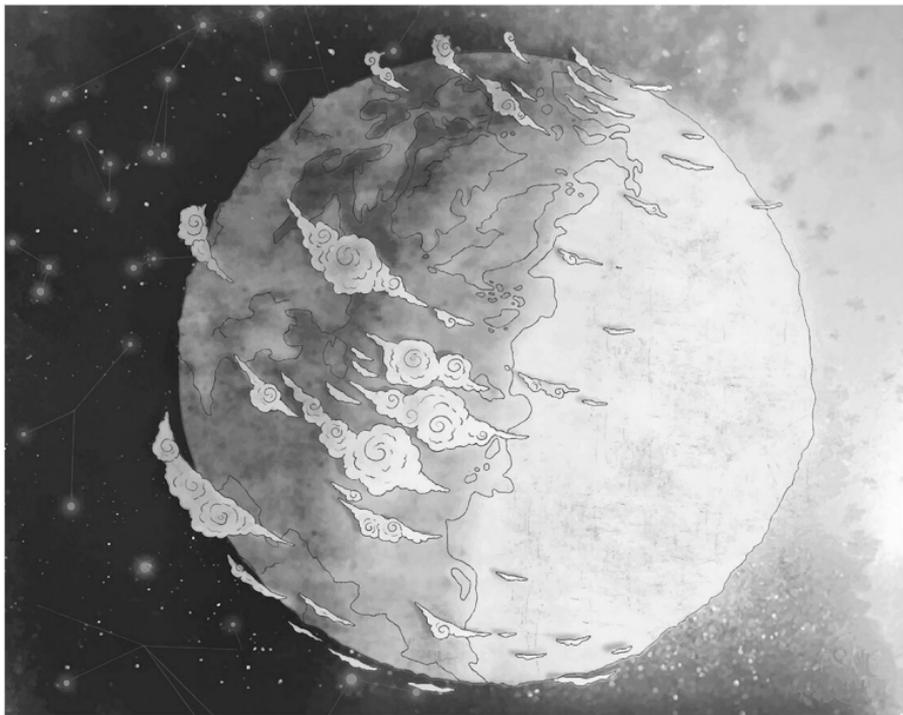
ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

ЛЕДЯНАЯ
КОЛЫБЕЛЬ

МОСКВА
2024

*Веронике Чэпмен, которая вывела меня на эту
дорогу много лет назад. Я до сих пор следую
путеводным вехам, которые ты за собой оставила.*

СТУДЕННЫЕ ПУСТОШИ

В 1000 лиг к западу
от Ледяных Клыков

Ледяной Щит

Америловое море

Ледяной Щит

Приют

Америловое море

ДРАКОННИИ ХРЕБЕТ

ХРЕБЕТ ЗАПУЩЕННЯ

Пустыня Судьбы

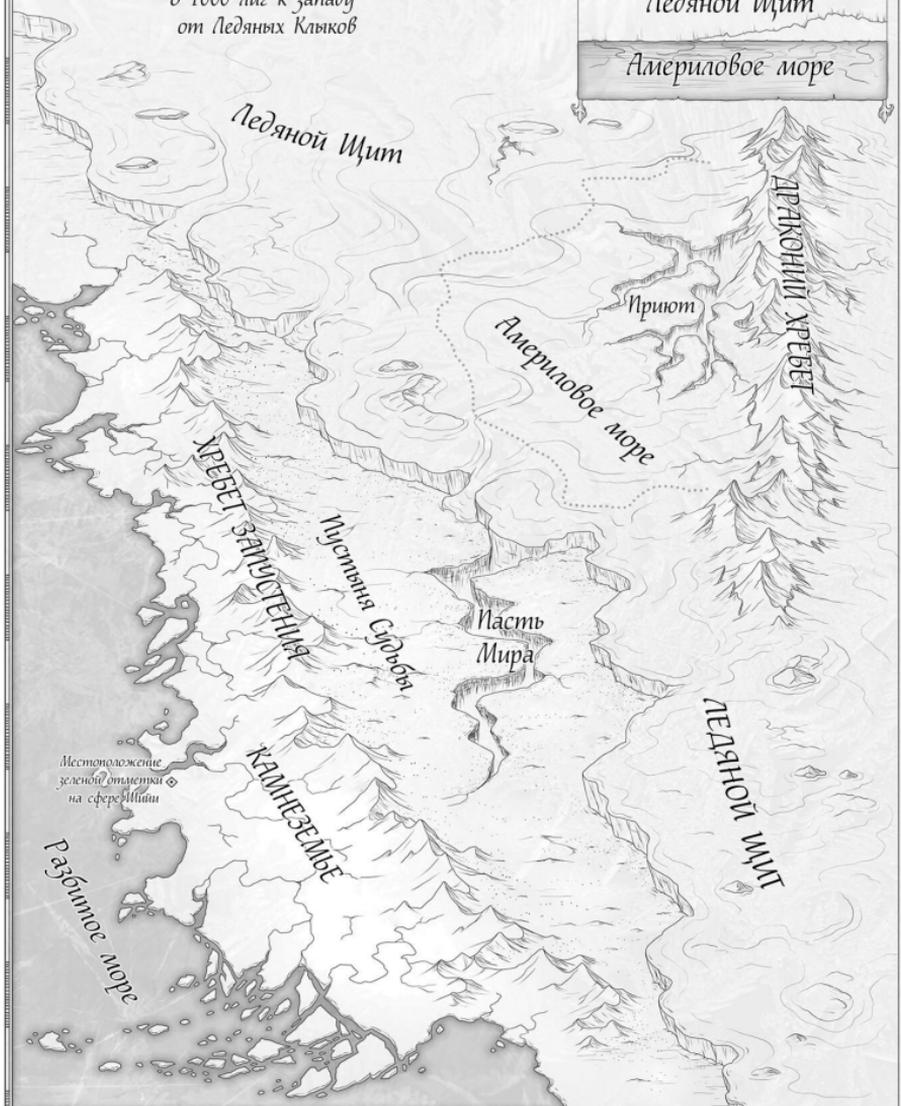
Часть
Мира

КАМНЕЗЕМЬЕ

ЛЕДЯНОЙ ШИТ

Местоположение
зеленой отметки
на сфере Мира

Разбитое море

ЮЖНЫЙ КЛАМ

ШААР-ГА

Дыхание Урта

Острова Мита

Каранд Экаи

Болота Страха

ТАЙТИНСКАЯ ЧАШОБА

Нисейская трапезина

Экс'ор

М'вен

КАМЕННЫЕ БОГИ

Залив Благоденных

Кисацари

Грем-Ме

М'вен

МАЙРСКАЯ ЧАШОБА

Маярские горы

Казен

Соленые пустоши

Кашив

Когот

Храккен

озеро Сарин

Суме болота

Ирстанья Визген

Рог Осорения

Красный плавник

Острова Ирибежница

Я сижу, неподвижно застыв, рука моя нерешительно зависла над хрупким пергаментом. Смятение сжимает мне сердце, иссушает волю. Рука у меня дрожит. Я ищу любой предлог, только чтобы не продолжать ее историю. Торгуюсь сам с собой, перебираю доводы у себя в голове. Какая, в конце концов, разница? Кто прочтет эти слова? Кто будет изучать эти наспех нацарапанные наброски прошлого, давно канувшие во тьму? Нет никого, кто помнил бы ее, — никого, кто мог бы разделить с ней всю эту цену крови, раздоров и злосчастий.

И все же я обязан продолжать — не ради какого-то будущего читателя, даже не ради самого себя.

А совсем по другой причине.

Она по-прежнему смотрит на меня из альбома для рисования, прислоненного к окну, где первые лучи солнца каждый день освещают ее пепельные волосы, упрямый изгиб ее губ, ее небесно-голубые глаза, сверкающие как драгоценные камни. Этот тяжелый взгляд и побуждает меня рассказать ее историю. Он словно давит на меня, обременяет меня, напоминает мне о данном давным-давно обещании.

И все же я сдерживался, сопротивлялся ей. Времена года успели уже дважды сменить друг друга, но это время пролетело для меня незаметно. Я использовал его, чтобы вернуться к некогда написанному, поискать истины, которые ускользнули от меня при первом рассказе, — детали, способные стать предвестниками того, что за этим должно

было последовать. Я еще раз перечел, как почти слепая девушка вдруг полностью обрела способность видеть – исцелил ее яд, доселе считавшийся смертоносным, – и как она счастливо избежала и гибельного пророчества, и королевских легионов. Я видел, как судьба и безрассудство подбросили ей фигуры из какой-то грандиозной игры в «рыцарей и разбойников»: принца без всяких надежд на престол, сломленного судьбой рыцаря, непокорного вора-бунтаря, некую фигуру, созданную из текучей бронзы – наряду с бесчисленным множеством других второстепенных игроков. Не говоря уже о ее крылатом брате, явившемся разделить с нею песню и сердце, что связало их крепче, чем любых братьев и сестер.

И все же это было лишь начало.

Первый мой сказ был о душевной чистоте и невинности, где даже среди кровопролития можно было сыскать надежду. Завершился он выковывыванием цели – союзом, призванным бросить вызов пророчеству, попытаться расплавить ту застывшую смолу пустоты, в которой словно муха завяз Урт, и заставить мир вращаться вновь – воспрепятствовать гибельному исходу, заключенному всего в двух словах: «обрушение луны».

То, что за этим последовало, гораздо трудней передать на бумаге.

Хуже того: описать это – значит, пережить заново.

Это история о потерянной душевной чистоте, о предан-

ном довериш, об изгнанной надежде. Это настоящее издевательство над тем, что было написано прежде. Даже сейчас я слышу, как ее крылатый спутник жалобно стонет в темноте. Слышу этот страдальческий обуздывающий напев, который сковывает меня даже сейчас, – напев, от которого в жилах у меня стынет кровь и рука замирает на месте.

Я не хочу рассказывать эту историю, переживать ее заново...

И все же, в этих первых рассветных лучах, она вновь смотрит на меня из моего старого альбома для рисования. Эти глаза были написаны краскою из растертых в масле лазурных ракушек, но их сила живет в них даже сейчас. Когда я встречаюсь с этим взглядом, он разрушает чары, сковавшие меня, – достаточно, чтобы я высвободил эти холодные слова, прочно запертые у меня в груди.

Итак, я начинаю.

Я целых два сезона томился в своей тесной мансарде, и это мне лишь на руку – поскольку я продолжаю ее историю с того момента, на котором точно такое же время прошло и для нее.

Часть I

Ледяной щит

Коли мороз обжигает кожу, то кто отличит лед от пламени?

Найдено в «Хрониках» Реги си Ноора, первого исследователя земель за Клыками, пропавшего без вести во время своей второй экспедиции

Глава 1

Никс подняла руку к сверкающей россыпи звезд. Тепло ее дыхания туманило ледяную тьму, настолько размывая обзор, что все вокруг казалось какой-то волшебной иллюзией. Оставшись совсем одна на средней палубе «Пустельги», она не отрывала глаз от чуда наверху. Никс и представить себе не могла, что за пределами солнечного света может существовать такое ослепительное сияние.

«Хотя откуда мне это было знать?»

По мере того как летучий корабль продолжал свой полет на запад под сводом ночного неба, она все сильнее со знавала, насколько ничтожным было до недавнего времени ее существование. Вся ее жизнь прошла в пределах Венца, где ночь – это всего лишь чуть более тусклая разновидность

дня. Никс представила себе бронзовую модель солнечной системы в астроникуме своей бывшей школы, где солнце было представлено в виде сферического котла с раскаленными углями, вокруг которого на проволочках и шестеренках вращались крошечные планеты. Увидела мысленным взором третью по счету из них – Урт, – движущуюся по своей орбите в замысловатом танце, заданном часовым механизмом модели. Пока ее мир оборачивался вокруг солнца, яркое светило никогда не отворачивалось от него. Одна сторона Урта вечно горела под безжалостным сиянием Отца Сверху, в то время как другая была навсегда лишена Его тепла, запертая в вечной ледяной тьме. Венец располагался между этими двумя крайностями – кольцо земель, зажатых между льдом и пламенем, где животворящая любовь Отца Сверху питала тех, кто находился внизу.

«И вот теперь мы оставили все это далеко позади».

Никс перевела вытянутую руку к причине этого опасного полета на запад. Чувствуя, как немеют от холода голые пальцы, прикинула размеры полной луны – яркой, словно фонарь в этих темных краях, – пытаюсь определить, не раздулся ли лунный лик еще больше, и ища свидетельства того, что ее пророчество об обрушении луны может сбыться. Вновь услышала истошные крики из того своего видения, ощутила громовое сотрясение земли, когда луна врезалась в Урт, сокрушая его до основания, после чего воцарилась оглушительная тишина.

Она так и не поняла, стал ли лик луны хоть немного больше, но ничуть не сомневалась в своем пророчестве, сделанном под влиянием яда полгода назад. Алхимик Фрелль подтвердил его своими собственными измерениями, приборами куда более точными, чем пальцы Никс. По его словам, полная луна и вправду постепенно увеличивалась в размерах, особенно в течение последнего десятилетия. Бронзовая женщина, Шийя, даже назначила приблизительную дату конца света: «Лет через пять, не больше, а может, и всего года через три».

Никс чувствовала, как этот постоянно сужающийся временной промежуток буквально давит на нее, словно набитая камнями телега, навалившаяся ей на грудь. Даже во время отдыха ей часто было трудно дышать. На подготовку к этому путешествию в эти погруженные во тьму Студеные Пустоши у их группы ушли конец лета и большая часть осени. Они не осмеливались торопить события, тем более что об этих промерзших насквозь землях было практически ничего не известно. И вот теперь, когда зимнее солнцестояние быстро приближалось, им все еще предстояло преодолеть сотни лиг, а время стремительно утекало.

Отчаявшись что-либо понять, Никс опустила руку и снова сунула пальцы в перчатку на меховой подкладке. С тех пор как они пересекли гористые Ледяные Клыки – этот зазубренный барьер из снежных вершин, отмечающий границу между Венцом и Студеными Пустошами, – они уже трижды ви-

дели убывающую и вновь растущую луну. Трижды Никс наблюдала, как темная Охотница все гоняется за светлым Сыном, а тот раз за разом успешно ускользает от нее. Всякий раз, когда Сын вновь целиком являл свой лик, Никс потихоньку выскальзывала из каюты, как и сейчас, и поднималась на открытую палубу «Пустельги», чтобы оценить холодное выражение лунного лица.

И все-таки это была не единственная причина, по которой она отказывалась от тепла корабля ради ледящего холода открытой средней палубы.

Никс прошла вдоль поручней правого борта, вытянув шею, чтобы заглянуть за пределы огромного пузыря с летучим газом, закрывавшего большую часть неба – выскивая характерный серповидный силуэт своего брата на фоне звезд. Навострила уши, пытаясь уловить его зов в темноте. Слышала, как потрескивает лед на толстенных стальных тросах, соединявших корабль с летучим пузырем, но в остальном все было тихо. Даже быстропламенные горелки, которые обычно несли корабль вперед, теперь молчали – их жерла были надежно законопачены для защиты от всепроникающего холода, чтобы сохранить тепло внутри корабля.

Большую часть этого путешествия экипаж полагался на течение небесной реки, текущей на запад, которое несло их все дальше и дальше вперед. Корабельные горелки, конечно, могли бы ускорить полет, но запасы быстропламени лучше было побережь, даже с учетом дополнительных ба-

ков, приваренных к корпусу «Пустельги». Требовалось, чтобы топлива хватило не только для путешествия через Пустоши, но и для возвращения, если они преуспеют в своих поисках.

Никс еще дальше перегнулась через поручни, вглядываясь в небо; сердце у нее забилось чуть сильнее.

– Где ты? – прошептала она сквозь шарф.

Пока Никс шарила взглядом над головой, ветер всюду трепал выбившиеся из-под шапки и рассыпавшиеся по щекам пряди ее темных волос. Ветер этот больше не нес в себе и намека на былое тепло. Она представила себе реки-близнецы, текущие по небу. Та, что несла сейчас их корабль, увлекала за собой обжигающий жар с выжженной солнцем стороны Урта непрерывным потоком на запад, прежде чем вернуться назад более холодным воздушным течением, охватывающим сушу и море. Именно эти два воздушных потока, вечно бегущие в двух противоположных направлениях, и одарили земли Венца пригодным для жизни климатом. Иеромонахи верили, что происходит это благодаря двум богам-близнецам, огненному Гадиссу и ледяному великану Мадиссу, которые и гонят эти реки по небесам своими могучими выдохами, в то время как ученые-алхимики утверждали, что все дело в каких-то природных воздуходушных мехах, образовавшихся между двумя крайностями Урта.

Никс не знала, чему верить. Все, что она знала наверняка, так это что так далеко в Пустошах эта горячая река несла

в себе совсем мало своего живительного тепла. Отныне их путь будет становиться лишь холоднее. Говорили, что если забраться достаточно далеко в Пустоши, то и сам воздух там превращается в лед.

Зная это, Никс искала среди звезд своего верного брата. Ему требовались эти короткие полеты, чтобы размять крылья и хотя бы ненадолго вырваться из тесных объятий нижнего трюма «Пустельги». Но его не было уже гораздо дольше обычного. Беспокойство сдавило ей горло, руки и ноги теперь дрожали не только от холода.

«Вернись ко мне!»

* * *

Пока Никс несла эту свою вахту, из недр корабля до нее донесся звон второго колокола Вечери. Она поежилась в своей куртке, плотнее натянув капюшон на щеки. У нее начали стучать зубы.

«Его не было уже целый колокол...»

И раздраженная, и встревоженная, Никс глянула вниз, на россыпи битого льда далеко внизу, отражавшие серебристый блеск полной луны. Не найдя ответов в бесконечном ландшафте Ледяного Щита, вновь подняла глаза к небу и стала тихонько напевать себе под нос – несколько коротеньких фраз обуздывающего напева.

– Где ты? – пела она звездам.

И тут вдруг наконец ощутила это: покалывание в верхней части позвоночника, отчего внутри головы разлилось блаженное тепло. Облегчение вырвалось у нее туманным выдохом.

– Баашалийя...

Перед ней по небу, прямо над раздутым газовым пузырем, пронеслась огромная тень. Кожистые крылья рассекли звездный пейзаж, когда Баашалийя резко накренился, развернувшись к кораблю. С этим поворотом покалывающее тепло переросло в тихий заунывный вой, скорее просто ощущаемый, чем слышимый, – в легкую вибрацию косточек у нее в ушах.

Завидев его стремительное приближение, Никс отпрянула. Спикировав на палубу, Баашалийя в последний момент резко распахнул крылья, захватывая ими воздух, чтобы остановиться. Никс отступила еще дальше, чтобы освободить ему место. И правильно поступила. Когда он поднырнул под пузырь с летучим газом, из когтей у него выпала массивная ляжка какого-то крупного зверя. Кусок мяса с костью – весивший без малого сотню камней – подпрыгнул и заскользил по палубе, оставляя за собой дымящийся кровавый след.

Затем Баашалийя приземлился сам, проехавшись когтями по доскам, прежде чем окончательно остановиться.

Переступив через кровавый мазок, Никс бросилась к своему другу.

Он сложил вокруг нее крылья, окутывая ее. Бархатистые

ноздри нашли ее щеку. Никс обдало его теплым дыханием. Тело его на холоде казалось пылающим очагом. Она уютно устроилась в этом тепле. Ее пальцы погладили густую шерсть за одним из его высоких ушей. Другая ее ладонь легла ему на грудь, ощущая биение сердца. Ритм его уже замедлялся после усилий, вызванных охотой.

– Баашалийя, нельзя пропадать так надолго! – мягко пожурила его она. – Ты заставил меня поволноваться!

Он лишь что-то успокаивающе пропищал в ответ.

Погрузив пальцы в его мех, Никс подивилась, насколько густым тот стал. Его тело быстро приспособилось к холоду – поразительно быстро. Она была не единственной, кто это заметил. Крайш – алхимик, назначенный Фреллем сопровождать их, – тоже отметил произошедшие с Баашалийей изменения: дополнительный слой жира, более лохматый мех, даже утолщение носовых складок, похожих на розовые лепестки. Как если бы летучая мышь имитировала жерла корабельных горелок, сужая все свои отверстия, чтобы сохранить тепло внутри. Алхимик даже взял кровь у ее друга и сообщил об обнаруженных изменениях – «возросшем объеме красного целлюлярного вещества, постепенно вызывающем увеличение времени замерзания крови». Крайш объяснил последнее появлением в ней каких-то устойчивых к холоду алхимических веществ – непонятных субстанций, пока что требующих опознания. Его заключение: «Похоже на то, что сама суть этого существа быстро меняется, приспособливаясь

к новым жизненным обстоятельствам».

Никс хотелось, чтобы то же самое относилось и к ней.

Даже окутанная теплом Баашалийи, она вся дрожала. Надо было срочно убираться с палубы. Подняв подбородок, Никс тихонько запела, позволяя нитям обуздывающего напева скользнуть от нее к нему, делясь своим желанием поскорей вернуться в тепло корабля.

Баашалийя на миг прижал ее еще крепче, используя свой длинный хвост, чтобы обхватить и притянуть ее ближе. Его густой мускусный запах окутал ее. Несмотря на изменения в его теле, запах этот оставался неизменным. Она втянула этот терпкий аромат в свои легкие, позволяя Баашалийе стать частью ее самой. От него пахло соленой водой и влажным мехом, но еще Никс уловила легкий сернистый душок. Несмотря на все прошедшее время, ее молочный брат по-прежнему нес с собой запах родных болот. Это напомнило ей о ее собственном доме в тех затопленных землях – и обо всем, что она потеряла.

Ее отец, ее братья – Бастан и Аблен...

«Все мертвы».

Она глубоко вдохнула мускусный запах Баашалийи, используя этот аромат, чтобы оживить свои воспоминания. И не только то прошлое, которое разделила с нею ее семья, но и то, что лежало еще дальше в прошлом, почти забытое. Никс мало что могла себе из него представить. Это было время, сотканное из запахов, вкусов, прикосновений. Будучи

младенцем, она была брошена на болотах после смерти своей матери. И не выжила бы в этом суровом краю, но одна из обитающих там летучих мышей обнаружила ее и приютила. Огромное крылатое существо заботилось о Никс и оберегало ее.

«И не только меня».

Укрывшись под теми же крыльями, маленький пушистый брат делил с ней эти молочные соски.

Ее палец погрузился еще глубже в густую шерсть.

«Баашалийя...»

Его запах, тепло его тела служили напоминанием о том, что она потеряла не *всю* свою семью в то ужасное лето. Ей хотелось прижать его к себе, постоять здесь подольше, но Никс знала, что обоим нужно спуститься вниз.

Положив ладони ему на грудь, она высвободилась из-под теплого покрывала его крыльев. Сразу же пронзил холод. Внешние края высоких ушей Баашалийи уже покрылись корочкой инея.

– Давай-ка найдем теплую печку и будем надеяться, что в нее только что подбросили углей.

Никс повернулась к приподнятой кормовой палубе и дверям, ведущим в нижний трюм. Но прежде чем она успела сделать шаг в ту сторону, как за спиной у нее с грохотом распахнулись двери баковой надстройки. Она испуганно обернулась. Вспышка фонаря на миг ослепила ее.

Крылья Баашалийи раскрылись еще шире, занимая обо-

ронительную позицию, когда он отреагировал на ее испуг.

Никс успокаивающе подняла к нему руку, узнав возмутителя спокойствия, ярко освещенного фонарем.

– Джейс? – Она изо всех сил пыталась понять, почему он тут появился. – Что ты здесь забыл?

Никс знала, что ее друг и бывший наставник презирал холод. Тем не менее Джейс направился к ней, съжившись под толстым одеялом; дыхание вырывалось у него изо рта белыми струйками пара. Ступая по обледенелым доскам палубы, он с опаской поглядывал себе под ноги.

– Есть кое-что, о чем я хотел бы поговорить с тобой с глазу на глаз, – ответил он. – Кое-что любопытное, а может, и важное. А потом меня перехватил Грейлин, когда я направлялся сюда. Он приказывает всем собраться в рулевой рубке. Дарант заметил что-то впереди. Что-то настораживающее, судя по мрачному тону Грейлина.

– У него всегда мрачный голос, – напомнила ему Никс.

– Наверное, но нам лучше поторопиться. Тем более что он не знает, что ты здесь одна.

– Я вряд ли одна. – Она погладила Баашалию, который снова расправил крылья.

– Не думаю, что Грейлин найдет какое-то утешение в этой детали.

Никс знала, что Джейс прав. Несмотря на тесноту летучего корабля, они с Грейлином так и не стали ближе друг к другу. Этот мужчина мог быть ее отцом – а мог и не быть.

Тем не менее он постоянно стремился установить над ней какой-то контроль. Ее раздражала его вездесущая тень, и Никс пользовалась любым подходящим случаем, чтобы сбежать от него.

«Вот как сейчас...»

Она понимала, что не только Баашалийя нуждается в передышке от тесноты корабля.

Джейс нахмурился, глядя на нее, губы у него сжались в знакомую твердую линию – как и всякий раз, когда он сталкивался с ее упрямством.

– Если Грейлин когда-нибудь прознает, что я ведал о твоих недолгих прогулках по открытой палубе, он оборвет мне бороду с физиономии.

Протянув руку, Никс дернула за завиток рыжих волос у него под подбородком.

– По-моему, держится достаточно крепко.

Он опустил ее руку, и, несмотря на холод, щеки у него залились румянцем.

– Вот пусть там и остается.

Она улыбнулась:

– Тебе и вправду идет более густая борода. Похоже, вы с Баашалийей с каждой пройденной лигой становитесь все более пушистыми.

Его щеки покраснели еще сильнее.

– Как и в его случае, это не для красоты, а для тепла.

Никс пожала плечами, бросив на него недоверчивый

взгляд.

– Помоги-ка мне спустить Баашалийю вниз, и мы сразу пройдем в рулевую рубку.

Джейс проворчал что-то себе под нос, но Никс заметила, как он пятерней зачесал свои взъерошенные ею рыжие завитки обратно на место. Когда ветер подхватил и раздвинул укрывающее его одеяло, она отметила, как еще изменился ее друг. Там, где Баашалийя добавил слой сохраняющего тепло жирка, Джейс его урезал. Во время путешествия он регулярно устраивал с Дарантом и Грейлином тренировочные схватки, оттачивая свои навыки владения как кулаками, так и секирой. Вдобавок, поскольку из-за ограниченности припасов в кладовых на корабле был установлен строгий рацион, Джейс сбросил изрядную часть своего немалого веса.

Тем не менее из этого начинающего воина ничем было не вытравить ученого.

Несмотря на явное желание спастись от холода, Джейс подошел к окровавленной ляжке, валяющейся на палубе.

– А это еще откуда?

– Баашалийя поохотился, – объяснила Никс.

Он покосился на кусок туши с копытами.

– Трехпалый, с белым мехом... Похоже, твой братец прикончил одного из мартоков. Хотя, судя по небольшому размеру ноги, это был годовалый теленок. – Джейс потянулся к уцелевшим ошметкам шкуры и отщипнул кусочек мха, который слабо светился в темноте. – Любопытно... Надо от-

нести эту ногу Крайшу и посмотреть, что еще мы сможем узнать об этих гигантах, которые бродят по Ледяному Щиту.

Никс была с этим не согласна.

– Это добыча Баашалийи. Ему явно нужно больше еды, чем можно найти в наших скудных запасах. На самом-то деле ему, пожалуй, следует почаще охотиться, пока не стало еще холоднее.

– Верно. – Джейс выпрямился и потер живот. – Чем чаще он сумеет самостоятельно прокормиться, тем медленней будут истощаться наши запасы. Я попрошу пару матросов перетащить эту ногу вниз и засолить ее.

– Спасибо.

Когда они направились на кормовую палубу, он с жадностью посмотрел на бедро – хотя это был голод научного свойства.

– Кто бы мог подумать, что такие здоровенные существа способны добыть себе пропитание в этих промерзших землях?

Никс вполне понимала его интерес. С помощью корабельных дальноскопов она уже подглядывала за огромными стадами мартоков, бродящих по полям из битого льда. Косматые быки с загнутыми рогами, казалось, были вышиной по третий ярус ее бывшей школы. Коровы казались лишь немногим мельче. Эти стада, судя по всему, питались клочками фосфоресцирующего мха, растущими прямо из-под льда, вырывая целые участки своими кривыми бивнями.

Крайш, чей многолетний интерес к алхимии был сосредоточен на Пустошах, некогда уже изучал высушенные образцы этого растения, собранные во время редких экскурсий безрассудными исследователями. Он как-то сказал, что это растение называется «ис'вепир», и утверждал, что по своему строению оно ближе к грибам, чем к мхам.

– Кто знал, что здесь может существовать подобная жизнь? – задумчиво произнесла Никс, глядя на запад. – Скоро мы окажемся за пределами тех мест, куда когда-либо ступала нога человека.

– Вовсе не обязательно. – Голос Джейса понизился с той присущей истинным ученым рассеянной отстраненностью, что была ей столь же хорошо знакома, как мускусный аромат Баашалийи. – Я читал рассказы тех, кто осмелился выйти за пределы Клыков. «Хроники» Реги си Ноора... «Описание Бессолнечного края»... Даже книгу, которая, как уверяет Крайш, была украдена из гджоанских архивов, – том, возраст которого насчитывает семь столетий! Как раз обнаруженное на этих страницах я и хотел обсудить с тобой – как следует обговорить, прежде чем ознакомить с этим остальных.

К этому времени они уже подошли к двойным дверям, ведущим с палубы вниз, в корабельный трюм. Никс потянула дверь на себя и повернулась к нему:

– И что же ты нашел?

– Если то, что там написано, – правда, то мы, возможно,

не одни в Пустошах. Тут могут быть и другие люди.

Она недоверчиво насупилась.

«Это просто невероятно! Кто способен здесь жить?»

Джейс поднял ладонь:

– Выслушай меня, и я...

И тут весь корабль содрогнулся под ними. В ясном небе прогремел гром. По правому борту из нижней части корпуса в небо вырвался столб пламени. Высоко над поручнями верером взлетели куски железа и деревянные щепки. Несколько осколков были близки к тому, чтобы прорвать наполненный летучим газом пузырь. Взрыв был такой силы, что «Пустельгу» резко закрутило. Натянутые тросы закрипели и зазвенели под внезапным натиском. Палуба круто накренилась.

Никс потеряла равновесие, но успела ухватиться за дверь.

Джейс, который ни за что не держался, со всего маху упал на доски, ударившись грудью, и заскользил по обледенелой палубе прочь от нее. Наполовину запутавшись в своем одеяле, он лишь разинул рот и пытался хвататься за что попало, чтобы остановить скольжение вниз.

– Джейс! – крикнула Никс, падая на спину. Продолжая держаться за дверь, она вытянула к нему ногу, чтобы он мог ухватиться за нее, но Джейс уже был вне досягаемости.

И тут мимо нее стремительно пронесся Баашалийя. Низко пролетев над самой палубой, он упал на Джейса, как ястреб на кролика. Когти вонзились в одеяло. Джейс вскрикнул от боли, когда эти острые когти заодно нашли и плоть. За-

тем, одним взмахом крыльев, Баашалийя со своим призом вернулся к Никс.

– Быстро внутрь! – крикнула она, подавая пример остальным.

Под трезвон тревожных колоколов, эхом разносящийся по всему кораблю, Никс ввалилась в дверь и на четвереньках сползла вниз по коротенькому проходу. Зашвырнув вслед за ней Джейса, Баашалийя последовал ее примеру, низко пригнувшись и едва протиснувшись внутрь.

Джейс со стоном сел и прислонился спиной к переборке.

– Что случилось?

Никс бросила взгляд за открытую дверь. К этому времени вращение «Пустельги» уже замедлилось, палуба вновь выровнялась. Пламя погасло, но по правому борту корабля еще теплилось затянутое дымом зарево.

Она посмотрела на Джейса, натужно сглотнув, прежде чем заговорить – боясь даже озвучить подобную вероятность, зная, какую катастрофу это предвещает.

– Похоже, взорвалась одна из корабельных горелок.

Глава 2

Опасения Никс вскоре подтвердились.

Она стояла рядом с Джейсом в переполненной рулевой рубке «Пустельги». Все столпились вокруг члена экипажа по имени Хиск. Время выветрило старика до сухожилий и хрящей, лицо его сплошь покрылось оспинами, но глаза по-прежнему сияли юношеским задором. Бывший алхимик, лишенный сана много лет назад, теперь он служил корабельным механиком.

Хиск протирал тряпкой ладони, пытаясь стереть с них налет жирного быстропламени, но вместо этого лишь больше размазывал его.

– К счастью, взорвалась только маневровая горелка по правому борту. Если б это был кормовой движитель, мы никогда не сумели бы доковылять обратно до Венца.

Никс обменялась обеспокоенным взглядом с Джейсом. Она знала, что у их летучего корабля всего три горелки – по одной с каждого борта и еще одна, огромная, в кормовой части киля.

– Пожар уже потушен? – спросил Дарант.

– Да, – ответил Хиск. – Первое, что мы сделали. Огонь здесь гораздо опасней любого взрыва. Обе твои дочери сейчас оценивают прочий ущерб – смотрят, можно ли что-нибудь спасти.

Дарант мерил шагами рулевую рубку. Это был его корабль, и любые полученные тем повреждения ощущались им так, будто пострадало его собственное тело. Лицо у пирата было мрачней грозовой тучи, кулак крепко стискивал рукоять одного из его хлыстомечей. Темно-синий, в тон штанам и рубаше, короткий плащ развевался у него за спиной, когда он крепко вколачивал шаги в доски настила.

Грейлин поднял руку:

– Значит ли это, что нам придется повернуть назад, в сторону Венца?

Хиск открыл было рот, но Дарант прервал его.

– Хрена с два! – воскликнул пират, наполовину выдергивая из ножен тонкий клинок, словно готовый напасть на любого, кто вздумает ему возразить. – Может, у этой птички и поломано крылышко, но она все еще способна достаточно уверенно летать! Без горелки по правому борту вполне можно и обойтись. Как сказал Хиск, главное, что цел кормовой движитель. Летим дальше.

Грейлин повернулся к Никс. Глаза у него беспокойно сузились, оставив лишь намек на их серебристую голубизну – словно ледяную жилку на его будто высеченном из камня лице. Все остальное в этом человеке было практически лишено цвета. Как если бы легенда о Проклятом Рыцаре – история, трагически связавшая Никс и Грейлина, – превратила его в книжную гравюру: фигуру, нарисованную лишь в оттенках черного и серого. Его темные волосы и клочко-

ватую бороду посолила седина. Некоторые пряди побелели с возрастом, другие отмечали места упрятанных под ними шрамов. Тем не менее некоторые его старые раны оставались на виду, вроде перебитого носа и рваного рубца под левым глазом – свидетельства наказания за то, что некогда он влюбился и нарушил присягу на верность королю Халендии.

Послышалось негромкое рычание. Исходило оно не от Грейлина, хотя тоже выражало смесь разочарования и гнева. Спутник рыцаря тенью скользнул в поле зрения. Янтарно-золотистые глаза варгра сверкали из-под угольно-черного меха. Мускулистые ляжки подобрались, открывая скрывающиеся под мехом рыжевато-коричневые полосы, похожие на солнечные блики, пробивающиеся сквозь густой полог леса. Заостренные уши варгра стояли торчком, поворачиваясь назад и вперед в поисках источника опасности, отчего все сразу опасливо притихли.

Никс стала тихонько мурлыкать себе под нос, плетя успокаивающую нить обуздывающего напева, который слился с этим глухим рычанием, ослабляя настороженность зверя.

Грейлин предпочел свой собственный метод, положив мозолистую ладонь ему на холку.

– А ну-ка тихо, Кальдер...

Варгр еще дважды взмахнул хвостом, после чего сел, по-прежнему напряженно подняв уши.

Во время своей короткой переключки с Кальдером Никс ощутила дикость, едва сдерживаемую в этом сильном серд-

це. Некоторые ошибочно принимали Кальдера всего лишь за охотничьего пса, полностью подчиняющегося Грейлину. Но Никс знала, что их привязанность гораздо глубже – связь, рожденная не одними лишь доверием и уважением, но и общей болью и потерей. Память о брате Кальдера, потерянном полгода назад, все еще отдавалась эхом в этой крепкой груди. Она слышала в ней отголоски погонь по холодным лесам, тоску по теплу, которое мог принести лишь брат, свернувшийся калачиком рядом.

Нервозность Кальдера наверняка объяснялась и месяцами заточения на борту «Пустельги». Эти величественные звери рождены не для содержания в клетке.

Отвернувшись от остальных, Грейлин уставился на протянувшиеся в ряд передние стекла руки.

– Дарант, я доверяю твоей вере в свой корабль, но думаю, что в данном случае осторожность должна перевесить твою убежденность. Если мы потеряем «Пустельгу», то потеряем всё. Вместо того, чтобы мчаться очертя голову...

– Нет! – выпалила Никс.

Когда все повернулись в ее сторону, она отказалась съежиться под весом их взглядов. Никс вспомнила те три оборота луны, которые потребовались им, чтобы забраться так далеко. Возвращение к Венцу займет столько же времени. А потом все равно придется еще раз преодолеть это расстояние, чтобы вернуться на это место.

– Мы потеряем полгода, – сказала она. – Мы не можем се-

бе этого позволить. Нам нужно обязательно добраться до места, которое Шийя показала нам на своем глобусе.

– Мы это понимаем, – отозвался Грейлин. – Но еще Шийя сказала нам, что у нас есть по меньшей мере три года, а может, и все пять лет, прежде чем обрушение луны будет уже невозможно предотвратить. У нас еще остается некоторое пространство для благоразумия.

– Нет. Не остается.

– Никс...

Она покачала головой, зная, что значительная часть сдержанности Грейлин вызвана беспокойством за нее. В его глазах светилась боль. Может, Никс и не была его дочерью, но по-прежнему оставалась ребенком женщины, которую он когда-то любил. Грейлин долгое время был убежден, что Никс погибла в болотах Мирра, только вот она чудесным образом воскресла и вернулась к нему. Он явно не собирался терять ее еще раз.

Но Никс отмахнулась от его опасений. Они не имели значения.

Вместо этого она представила себе мерцающий мираж их мира, созданный хрустальным кубом Шийи. В самой глубине Студеных Пустошей светилась изумрудно-зеленая отметка. Это был их пункт назначения, хотя о нем было мало что известно. Даже Шийя не взялась предположить, что там находится, – знала лишь, что это какое-то очень важное место. Чтобы оставалась хоть какая-то надежда помешать луне

врезаться в Урт, они должны были заставить свой мир вновь вращаться, как это было бесчисленные тысячелетия назад. Каким-то образом эта светящаяся отметка была жизненно важна для выполнения этой, казалось бы, невыполнимой задачи.

– Мы не знаем, что там обнаружим, – предостерегла Никс. – Или сколько времени потребуется, чтобы разгадать эту загадку. Нельзя рисковать, и дальше это откладывая. Поскольку не исключено, что мы *уже* опоздали.

Она сохраняла невозмутимое выражение лица – как для того, чтобы показать свою решимость, так и чтобы скрыть таящуюся где-то в глубине души надежду, что они уже и в самом деле опоздали. Если им удастся заставить Урт вновь вращаться – что по-прежнему совершенно не укладывалось у нее в голове, – это будет и само по себе катастрофой. В этот переломный момент мир будет буквально опустошен. Шийя показала им и это тоже. Мощные наводнения, землетрясения, штормы, которые пронесутся по всей планете, сметая все на своем пути... Погибнут миллионы и миллионы людей.

Никс понимала, что такая участь намного лучше, чем уничтожение абсолютно всего живого в случае обрушения луны. И все же в глубине души не могла отмахнуться от тех невыразимых страданий, которые способен вызвать их успех. Она знала, что это необходимо, но все же продолжала хранить эту тайную надежду.

«Пусть все эти люди погибнут не от моей собственной ру-

ки».

– Малышка права, – сказал Дарант. – Если сейчас мы повернем назад, то, скорей всего, уже никогда сюда не вернемся. По всему Венцу назревает война. Когда мы улетали, стычки между Халендией и Южным Клашем лишь продолжали обостряться. Прибрежные деревни подвергались набегам и сжигались дотла. Вредительства, убийства... По обе стороны Дыхания. Кто знает, что нас ждет, если мы вернемся? Мы можем попасть в ловушку и быть втянутыми в боевые действия. И не забывай своего старого друга короля Торанта и его ифлеленских псов – они все еще охотятся за нами. Лучше уж нам не давать им еще одного шанса затянуть эту петлю.

– Тем не менее подобные доводы не принимают во внимание то, что ждет нас *впереди*. – заметил в ответ Грейлин. – Еще до взрыва ты попросил меня созвать всех в рулевую рубку, потому что уже тревожился касательно нашего дальнейшего пути отсюда.

Никс бросила взгляд на Джейса. Она уже и забыла, что Грейлин приказал всем собраться здесь. Взрыв и суматоха отвлекли все ее внимание.

– А что случилось? – спросила Никс. – Что там у нас впереди?

– Посмотри сама. – Грейлин увлек их к окнам, дугой огибающим переднюю часть рулевой рубки, из которых открывался вид на залитые лунным светом поля битого льда. – Су-

донаправитель Фенн недавно заметил опасность при помощи корабельных дальноскопов. Но теперь, когда мы подлетели ближе, все и так хорошо видно.

Собравшиеся рассредоточились вдоль окон. Никс осмотрела пространство под кораблем, но все там выглядело точно так же, как и в течение последних месяцев. Сияние полной луны отражалось от льда, окрашивая мир в серебристые и голубые тона. Обширные заросли мха ис'веппир, переливающегося малиновыми и изумрудными оттенками, украшали застывший пейзаж. Прищурившись, Никс различила скопления темных точек. Мартоки, поняла она. Они собирались в огромные стада, делясь между собою теплом, двигались медленно.

Никс нахмурилась:

– Не пойму, что...

Стоящий рядом с ней Джейс ахнул:

– Глянь-ка на горизонт!

Она перевела взгляд дальше. Лед простирался до самого ночного неба, усеянного яркими звездами. Никс покачала головой, по-прежнему ничего не замечая. А потом поняла, что звезды не достигают льда, исчезая высоко над линией горизонта. Может, не успело перестроиться зрение или сместившаяся вереница облаков открыла луну? А потом она тоже это увидела. Мир заканчивался зазубренной линией горных вершин, закрывавших звезды и перегораживающих их дальнейший путь. Цепь гор, сплошь черных, острыми пика-

ми высоко выступала изо льда, образуя нечто похожее на разрушенный крепостной вал.

– Это, должно быть, Драконий хребет, – сказал Джейс. – Так эти вершины назвал Рега си Ноор в своих «Хрониках». Во время своей первой сухопутной экспедиции два столетия назад он издалека заметил их, но так и не смог до них добраться. А назвал так потому, что горы были похожи на гребнистую спину какой-то огромной морской твари, проламывающейся сквозь лед.

– Точно подмечено, – проворчал Дарант. – Хотя нам эта тварь способна доставить куда больше хлопот.

– И почему же? – спросила Никс.

Ответил ей Грейлин, не отворачиваясь от окна:

– Вершины не только пробивают лед, но и перекрывают обе небесные реки.

Никс представила, как сильные теплые ветры гонят их на запад, а более холодный поток бежит на восток, прижимаясь ближе ко льду.

Дарант повернулся к судонаправителю, склонившемуся над окуляром дальноскопа «Пустельги».

– Что скажешь, Фенн?

Тот выпрямился и повернулся к ним лицом. Судонаправитель был молод – вероятно, всего на семь или восемь лет старше Никс, – гибок и быстр в движениях, а его светлые вьющиеся волосы и зеленые глаза наводили на мысль, что в жилах его течет некоторая доля крови бхестийцев, наро-

да, живущего на противоположной стороне Венца, – хотя он избегал говорить о своем прошлом. Тем не менее Фенн также был чуть ли не самым неунывающим членом команды. У него всегда имелись наготове улыбка и безграничный запас шуток.

Теперь эта улыбка исчезла.

– Все гораздо хуже, чем я думал, – проворчал Фенн. – Небеса взбаламучены огромной бурей, которая бушует на горных вершинах. Готов поспорить, что эта буря никогда не утихает, вечно подпитываемая войной этих противоположных ветров.

– Мы сможем пересечь этот хребет? – спросил Грейлин. – Особенно после того, как остались без одной из наших маневровых горелок?

Фенн бросил взгляд на Даранта, который кивком предложил судонаправителю высказать свое мнение. Тот вздохнул и пожал плечами:

– Есть только один способ это выяснить. Никто никогда не перелетал через эти вершины. Мы будем первыми.

– Вовсе не обязательно, – возразил Джейс.

Все повернулись к нему.

Он объяснил:

– Рега – рыцарь-исследователь, давший название этим горам, – отправился во вторую экспедицию, намереваясь пересечь Драконий хребет, только в тот раз он путешествовал по воздуху, на корабле под названием «Огненный дракон»,

названном в честь этих вершин.

В глазах у Фенна промелькнул их обычный насмешливый блеск.

– Да, но насколько я понимаю, из того второго похода он так и не вернулся.

– Верно, – мрачно признал Джейс.

Никс толкнула его локтем:

– Ты должен рассказать им о том, о чем сказал мне тогда, на средней палубе.

Грейлин потрясенно застыл.

– На средней палубе? Никс, что ты делала снаружи?

Она пропустила этот вопрос мимо ушей.

– Скажи им, Джейс.

Ее друг кивнул и повернулся к остальным:

– У меня было достаточно времени, чтобы прочесть большинство исторических документов, относящихся к Пустошам, – написанных теми немногими людьми, которые отважились исследовать эти ледяные просторы. Один из них утверждает, будто существуют людские кланы, которые обитают за Драконьим хребтом.

Дарант кисло хмыкнул.

– Какие еще кланы? Кто способен здесь жить?

Брови Джейса озабоченно сдвинулись.

– Согласно «Анналам Скри» – книге, захваченной в гджоанских архивах, – некое «потаенное племя людей преопасных, что обитают среди диких зверей и чудищ ужасных».

– Ничего себе, – пробормотал Фенн.

Джейс повернулся к бушующему горизонту:

– Говорят, Рега прочел этот самый труд и отправился на поиски этих племен во время своей второй экспедиции.

– Из которой он так и не вернулся, – вновь напомнил им Фенн.

Прежде чем кто-либо успел ответить, с другой стороны рулевой рубки донеслись топот тяжелых сапог и громкие голоса. Дверь в главный коридор распахнулась, и внутрь ворвалась толпа людей во главе с бронзовой фигурой Шийи. Хоть и изваянная из твердого металла, двигалась она легко и грациозно. Сверкающие стеклянные глаза окинули взглядом собравшихся в рубке. Судя по темным пятнам, покрывавшим ее скромное платье, Шийя вместе с остальными осматривала остатки быстропламенной горелки. Вероятно, они полагались на ее значительную силу при разборе обломков. Когда Шийя вошла, свет лампы отразился от контуров ее лица, но выражение его оставалось непроницаемым.

Те, кто пришел с ней, держались далеко не столь же невозмутимо. Слева от Шийи возникла коренастая фигура Райфа хи Альбара – гулд’гульского вора, который спас бронзовую женщину из глубин меловых шахт и который сейчас так и сыпал проклятиями.

– Что случилось? – спросил Дарант, подходя ближе.

Сдержав поток ругательств, Райф махнул рукой куда-то за спину Шийи:

– Об этом тебе лучше расскажет твоя дочь.

Глейс обошла бронзовую женщину, чтобы подойти к своему отцу. Ее смугловатое лицо словно стало еще темнее. Одной рукой она закинула за плечо свою светлую косу, а другую протянула к нему:

– Мы нашли это среди обломков устройства подачи быстрого пламени в горелку.

Все придвинулись ближе. В побелевших от напряжения пальцах Глейс был крепко зажат перекрученный кусок темного железа, похожий на лопнувшее черное яйцо, от которого исходил горький запах сгоревших алхимических веществ.

– Что это? – спросила Никс.

Грейлин нахмурился:

– Похоже на «прилипалу»...

Никс недоуменно склонила голову.

Джейс объяснил:

– Оболочка, набитая железными опилками и стеклом, которое постепенно плавится.

Глейс не сводила глаз с отца.

– Брейль и Крайш уже осматривают две другие горелки, чтобы убедиться, что и там нет спрятанных бомб.

Никс уставилась на искореженный предмет:

– Бомба?

– Не просто бомба, – прорычал Дарант, обведя гневным взглядом рубку. – Это диверсия!

Глава 3

Грейлин схватился за рукоять своего меча, стремясь укрепить себя его силой и близостью. Терний принадлежал его семье на протяжении восемнадцати поколений. Клинок был такой же частью его самого, как и его собственная рука. Тем не менее хватка его оказалась такой сильной, что серебряные шипы фигурной рукояти впились ему в ладонь.

– Среди нас предатель! – прорычал Грейлин троем мужчинам, собравшимся вокруг обшарпанного стола из железного дерева.

Он уже отправил Никс вниз вместе с Кальдером, чтобы она уложила зверя спать в тишине трюма. Недавний переполох и гневные крики, вызванные обнаружением на борту корабля вредителя, возбудили варгра, который стал рычать и огрызаться на всех подряд. Только Никс могла контролировать его дикое сердце. Джейс тоже ушел, в сопровождении Шийи, чтобы охранять их.

После этого Грейлин удалился с тремя мужчинами в небольшую судонаправительскую каютку рядом с рулевой рубкой, намереваясь продолжить обсуждение без лишних ушей. С цепи под потолком свисала единственная лампа, освещающая тесное пространство. Стены были покрыты сотнями круглых ячеек, забитых туго свернутыми свитками бесчисленных карт. К поверхности стола был приколот рисунок

Студеных Пустошей, на котором лежали секстонт и стопка бумаг с нацарапанными углем расчетами – результат трудов судонаправителя.

Райф прислонился к двери, дабы убедиться, что никто им не помешает. Или, может, просто решил дать отдых спине. Колени его широких штанов были все в черных пятнах, от него несло дымом и горелым маслом. После возни с разрушенной горелкой его огненно-рыжие волосы, отросшие за время путешествия, слиплись от пота.

– Предатель... – кисло протянул Райф. – Как будто у нас и без того мало заморочек.

– Проживи достаточно долго, и ты поймешь, что жизнь – это не что иное, как одна сплошная заморочка, – заметил Дарант. – И все же альтернатива еще хуже. Так что лучше радуйся жизни, где и когда только сможешь.

Грейлин хмуро посмотрел на него:

– А ты довольно спокойно воспринял весть о том, что на борту у нас обнаружился вредитель...

– Я разбойник. Для меня предательство и двуличие – такой же обычный товар, как монета и меч. – Дарант оперся кулаками о стол, глаза его вспыхнули огнем. – Но поймите меня правильно: я лично сдеру шкуру с того, кто повредил «Пустельгу»! Такого я не потерплю!

Последний участник собрания деликатно прочистил горло. Крайш навис над приколотой к столу картой, склонив голову набок, но его мысли, скорее всего, были заняты новой

угрозой. Алхимик поднял взгляд, показав пронизательные серые глаза.

– Не стоит сбрасывать со счетов вероятность того, что вредителя может и не быть на борту корабля, – произнес он, выпрямляясь во весь рост.

Лицо у Крайша имело цвет полированной меди, словно вечно обожженное солнцем. Его длинные черные волосы были заплетены в промасленную косу, почти незаметную на темной мантии его ордена. Но при этом он не был каким-то хилым книжным червем. Крайш был на пядь выше Грейлина и, хотя ему уже шел пятый десяток, строен и мускулист. И неудивительно. Этот человек вырос среди суровых пастбищ Аглероларпока, где народ обитает закаленный и крепкий. Помимо данного факта, Грейлин знал лишь сокращенную версию истории этого человека, хотя Фрелль утверждал, что Крайшу можно полностью доверять.

Несмотря на подобные заверения, в голове у Грейлина регулярно позванивали тревожные колокольчики, теперь еще и подогреваемые обнаруженным вредительством. «А много ли нам на самом деле про него известно?»

В ответ на заявление алхимика Райф оттолкнулся от двери и выпрямился, вопросительно приподняв бровь.

– Крайш, вредитель наверняка находится на борту «Пустельги»! Кто-то же должен был подсунуть эту «прилипалу»?

Крайш кивнул:

– Конечно. Но особенность такой бомбы в том, что она

может быть снабжена медленно тлеющим запалом – шнуром, плотно смотанным внутри и покрытым изолирующей амальгамой. После поджигания такого запала может пройти и год, прежде чем огонь доберется до горючей сердцевины бомбы.

Глаза у Даранта сузились.

– Ты хочешь сказать, что кто-то мог подложить эту пакость на борт моего корабля еще до того, как мы покинули пределы Венца?

– Вполне возможно. По крайней мере, такую вероятность не стоит сбрасывать со счетов. Вредитель мог использовать запал подлиннее, чтобы мы забрались в глубь Щита как можно дальше, прежде чем бомба взорвется.

– Обездвижив нас, – пробормотал Грейлин.

Дарант почесал подбородок.

– Пожалуй, Крайш прав. Там, в моем лагере, наша подготовка к этому походу изрядно затянулась. Слухи могли дойти не до тех ушей. Я слишком хорошо знаю, как под весом достаточного количества золота способна обрушиться любая преданность.

Райф, которого это явно не особо убедило, отмахнулся от пирата.

– Но ведь, по словам твоей дочери, в двух других горелках никто не копался.

– Да, – согласился Дарант. – Брейль ничего не пропустила бы. У нее глаза острее, чем у орла. А теперь, когда мои дочери охраняют эти оставшиеся горелки, туда никто и близко

не сунется.

Хотя Грейлин понял суть вопроса Райфа.

– Если бомба была спрятана еще до того, как мы отправились в полет, зачем увечить одну только маневровую горелку по правому борту? Почему бы не убрать все три? Тогда уж мы точно были бы полностью обездвижены.

– Наверное, стояла задача просто помешать нам добратся до места назначения, а не убивать нас, – предположил Крайш.

Райф фыркнул:

– Выходит, вредитель не лишен совести...

Крайш пожал плечами:

– Или, может, намерение состояло в том, чтобы заставить нас кое-как доковылять обратно. Где нас сразу же схватят и допросят с пристрастием. Тот, кто пытается помешать нам, может и не знать наших целей, а если мы погибнем здесь, это знание будет утрачено.

Дарант еще больше напрягся:

– Тем больше причин, по которым нам следует двигаться дальше!

Крайш оглядел собравшихся.

– Прежде чем мы примем подобное решение – даже несмотря на высказанные мною предположения, – должен предупредить: я и вправду считаю, что вредитель все еще находится на борту «Пустельги». Как бы нам всем ни хотелось обратного.

– Почему? – спросил Грейлин.

– Наиболее вероятный сценарий – который обычно и является верным – заключается в том, что предатель повредил одну лишь горелку по правому борту, поскольку не хотел погибнуть от своих собственных действий. Золото редко окутывает мученическую смерть.

– Верно, – согласился Дарант.

Крайш продолжал:

– Я также нахожу существенным, что вредитель выждал, пока мы не столкнемся с необходимостью пересечь Драконий хребет, прежде чем сделать свой ход. Покалечив корабль именно сейчас, он наверняка полагал, что при столь сильных ветрах впереди мы наверняка повернем назад.

Грейлин кивнул, соглашаясь с рассуждениями алхимика. Похоже, Фрелль не ошибся, выбрав этого человека.

– Если ты прав, то как же нам прижать к ногтю этого предателя?

– Никак, – ответил Дарант.

Грейлин недоуменно насупился.

Дарант объяснил:

– В нашем экипаже тринадцать мужчин и пять женщин. Предателем может оказаться любой из них. Если он тут вообще один. Вычислить негодяя или негодяев практически невозможно.

– Что же нам тогда делать?

Дарант пожал плечами:

– Мы верим в любовь вредителя к собственной жизни, что и было продемонстрировано им до сих пор. Я поставлю своих дочерей охранять оставшиеся горелки, но думаю, что пока они в безопасности. Если предатель вновь начнет действовать, то, скорей всего, таким образом, чтобы в конечном итоге не погибнуть самому. Мы должны быть готовы к этому. И внимательно следить за всеми членами команды.

Громкий стук привлек их внимание к двери.

– Мы приближаемся к горам! – окликнул их Фенн. – Еще через колокол мы вплотную приблизимся к бушующей над ними буре. Каковы будут приказания?

Все взгляды устремились на Даранта. Пират выждал, пока все кивнут, чтобы убедиться в единодушном согласии, – или, может, просто хотел разделить ответственность с остальными, если решение окажется катастрофическим. Потом крикнул Фенну:

– Общий сбор! Нужно пришить каждое выпавшее перышко «Пустельги» на место, прежде чем мы подлетим к этим горам!

Пират вновь повернулся лицом к собравшимся в каюте, прижимая костяшку согнутого большого пальца к губам в клашанском пожелании удачи.

– К бесу всех вредителей – мы преодолеем эти горы!

Райф явно продолжал сомневаться:

– Даже если мы и доберемся туда, то что там найдем? Помнишь предостережение того малого из древних времен? Ка-

сательно «людей преопасных и чудищ ужасных»?

Крайш медленно кивнул:

– Если эти легенды окажутся правдой, предатель среди нас будет наименьшей из наших забот.

Мартоки, обитающие
на Ледяном Щите
Иллюстра из архивов

Часть II

Принц в изгнании

Кисалимри – Вечный город Южного Клаша – есть старейшее людское поселенье на всем Венце. Камень и железо, из коих проросли его корни преглубокие, восходят к Забытому веку – устрашающее себя времени, утраченное для истории. Но из семени сего вырос великий город, раскинувшийся от залива Благословенных до самого подножья холмов Гиргского Уступа, на сотни лиг во все стороны. Это не столько отметка на карте, сколько царство отдельное, отделенное древними стенами, но объединенное кровью и общей целью. Сказано: ежели Кисалимри когда-либо падет, то падет и весь мир.

*Из восьмидесятитомного трактата Лиррасты
«Постижение географии»*

Глава 4

Второй по рождению принц Халендии все никак не мог управиться со своими цепями, направляясь к поручням прогулочной баржи. Серебряные звенья тянулись от лодыжек Канте ри Массифа к ошейникам двух положенных ему по числу сопровождающих, чааенов-привязанных, которые тащи-

лись следом. Даже проведя целый сезон в Кисалимри, Вечном городе Южного Клаша, он так и не научился плавно подстраиваться под шаг тех, кто прикован к нему по долгу службы.

Его левая нога попыталась ступить вперед, но была резко остановлена серебряным браслетом на лодыжке. Канте совершенно недостойно принца замахал руками, пытаясь удержать равновесие, но понял, что это безнадежное дело. Принц повалился было на палубу головой вперед – но тут чья-то твердая рука схватила его за плечо и удержала. Его спаситель усмехнулся, поднимая Канте на ноги и помогая ему перебраться через поручни.

– Спасибо, Рами, – с чувством произнес Канте. – Если б не ты, я сломал бы себе нос, а я его формой всегда гордился.

– Мы явно не можем этого допустить, друг мой, особенно когда до твоей свадьбы остался всего лишь один оборот луны. – Рами мотнул головой в сторону возвышения в центре широкой баржи. – Конечно, моя сестра Аалийя не потерпела бы, чтобы в самый прекрасный день ее жизни ее нареченный предстал перед нею с подобным изъяном.

Канте бросил взгляд через палубу на бархатный диван. Укрывшись под парусами баржи, Аалийя им Хэшан устроилась на груде подушек, изящно завалившись на бедро. Облаченная в шелковые одежды, вышитые золотыми нитями, выглядела она как самая настоящая роза, укрывшаяся в тени. На плечи ей ниспадали умощенные благовонными мас-

лами косы – темные, как полированное черное дерево, голову венчал вышитый капор, украшенный рубинами и сапфирами. Черные глаза ее смотрели неодобрительно и холодно, ни разу не нацелившись в сторону жениха.

Канте присмотрелся к ней повнимательней. С тех самых пор, как принц прибыл на эти берега, он видел ее всего лишь в четвертый раз. «И это свою будущую невесту!» – безмолвно посетовал он. Хотя и всего на год старше семнадцати зим Канте, выглядела Аалийя гораздо более зрелой, определенно более зрелой, чем принц, бежавший к этим берегам, – принц, которого считали предателем своего собственного народа.

Аалийя же, напротив, пользовалась здесь самым большим почетом и уважением. Это было очевидно по тем, кто составлял ей компанию. Вокруг нее опустились на колени целых двенадцать чаенов-привязанных, по шесть с каждой стороны. Эта дюжина, как и двое сопровождающих Канте, была закутана в бесформенные балахоны, лица их прикрывали плотные вуали, свисающие с кожаных шапочек и заткнутые за ошейники. Такое клашанское облачение под названием «биор-га» требовалось от низкорожденных при нахождении вне собственного дома. Только тем, кто принадлежал к единственному правящему классу, известному как «имри», что на местном языке означало «божественный», позволялась открывать свое лицо. Сотни представителей других каст должны были оставаться укутанными с макушки до пят, явно считаясь недостойными предстать перед взором Отца

Сверху. Это относилось и к тем чаенам, которые обучались в Бад'и Чаа, Доме мудрости, единственной школе города – учебном заведении, печально известном как своей строгостью, так и жестокостью. Чем более высокое положение занимал человек среди имри, тем больше пар чаенов было к нему приковано, служа помощниками, советниками, наставниками, учителями, а иногда и объектами для утех.

Смирившись со своей судьбой, Канте повернулся посмотреть на залив Благословенных.

Рами держался сбоку от Канте. Брата Аалийи сопровождали шестеро его собственных чаенов, по трое с каждой стороны, скованных цепями друг за другом. Рами им Хэшан был четвертым сыном Имри-Ка, бога-императора Клаша, и считался младшим по рангу среди своих братьев и сестер – в отличие от своей младшей сестры Аалийи, единственной дочери императора, которую считали величайшим сокровищем империи и именовали Просветленной Розой.

«И я должен жениться на ней в ночь зимнего солнцестояния...» – подумал Канте, вытирая пот со лба краем своего парчового рукава. В отличие от чаенов, обязанных носить балахоны, шапочки и вуали биор-га, он был облачен в одеяние под названием «геригуд», которое состояло из обтягивающих штанов, заправленных в сапоги из змеиной кожи, и туники без рукавов, накрытых поверх белым плащом с длинными, расширяющимися книзу рукавами, доходившими ему до колен. Завершала наряд парчовая шапочка. Это

была одежда королевской семьи. Имри-Ка присвоил Канте почетный статус имри вскоре после того, как тот прибыл сюда.

«Пожалуй, это лучший прием, чем быть брошенным голым в сырую тюремную камеру...» Хотя с каждым днем принц задавался вопросом, не могла ли выпавшая на его долю судьба быть и малость получше.

До его ушей донеслось шарканье ног приближенных Аалийи, когда дочь императора поднялась со своего дивана. Направилась она к противоположному борту баржи, явно избегая его.

Венценосное сборище уже провело знойное утро, скользя по заливу Благословенных и петляя среди Каменных Богов – тридцати трех островов и каменных выступов, на которых были высечены изображения представителей клашанского пантеона, всех тридцати трех. Рами уже пытался просветить Канте касательно имен этих божеств и областей, за которые те отвечали в священной иерархии, но все они успели основательно перепутаться в перегретой голове принца.

Впрочем, Рами оставался непреклонен и указал вперед, на каменную скульптуру обнаженного мужчины с весьма внушительным отростком между ног, держащего под мышкой пухлого младенца. Пьедестал под его каменными ногами был буквально завален цветами и корзинами со всякими подношениями.

– А вот и Хар’лл, во всем своем *выдающемся* величии.

Внушительная личность, не правда ли? – Рами многозначительно приподнял бровь, покосившись на Канте. – Это наш бог плодородия.

– Гм, вполне понятно, *почему* он приобрел такую репутацию... – Канте махнул рукой куда-то в сторону от статуи. – Пожалуй, на данный момент нам лучше держаться от него подальше.

Рами рассмеялся:

– Я уверен, что ты наплодишь много детей. Я видел тебя в бане. Может, ты и не столь осчастливлен богами, как Хар’лл, но наверняка доставишь моей сестре немало радости.

От подобной откровенности Канте даже закашлялся. Лицо у него запылало. Он попытался что-то пробормотать, чтобы скрыть свою неловкость. Его все еще приводила в смятение легкость, с которой этот клашанец открыто обсуждал подобные вопросы, не испытывая ни капли стыда.

Увы, Рами еще не закончил.

– Разумеется, это относится ко *всем*, с кем тебе доведется делить свою постель.

Пальцы клашанского принца скользнули по перилам, чтобы коснуться руки Канте – явное приглашение. Это был уже не первый намек на то, что Рами явно не прочь вывести их отношения за рамки и без того теплой дружбы. Рами был на пару лет старше, но Канте не чувствовал в нем ничего хищнического или манипулятивного. Все предлагалось в от-

крытую.

Канте уже знал о непостоянстве клашанских отношений – как в браке, так и вне его. Халендийцы высмеивали такое поведение, рассматривая его как еще одно доказательство аморальности клашанцев. Канте всегда считал подобные уничижительные замечания лицемерными, особенно учитывая обилие публичных домов по всей Халендии – не говоря уже обо всех этих мужчинах и женщинах, отданных в сексуальное рабство. Даже его отец содержал специальный павильон с рабами и рабынями для подобных утех в Вышнем.

Во всяком случае, Канте счел здешнюю открытость более честной. Он уже обсуждал этот вопрос с Фреллем в их покоях. Алхимик предположил, что обнаруженная здесь повальная ветреность может быть как-то связана со строгой кастовой системой клашанцев – жесткой и чрезмерно сложной. «Когда один винт излишне затягивают, другой зачастую ослабеваает», – предложил тогда объяснение Фрель.

Похлопав Рами по руке, Канте повернулся, чтобы прислониться к перилам. Хотя он и пробыл в этих краях уже целый сезон, но так и не сумел *настолько* ослабнуть.

Рами ухмыльнулся и последовал его примеру, прислонившись к поручням левого борта. Отказ Канте его явно ничуть не задел. Братцу Аалии наверняка не составляло труда завлечь кого-нибудь в свою постель. Он был высок, с прямой спиной, с такими же красивыми темными глазами, как у его сестры, и цветом лица, похожим на пропитанный медом

горький корень. Но что еще более важно, Рами зарекомендовал себя как хороший друг, выступая в качестве гида и учителя по всем клашанским вопросам. И если Канте был честен с самим собой, то внимание Рами льстило ему, повышало его самооценку. Особенно учитывая полное пренебрежение Аалийи.

Канте бросил взгляд на другой конец баржи. Его будущая супруга стояла у правого борта, прикрыв глаза рукой, и смотрела на очередного бога, проплывающего мимо их лодки.

Цель утренней водной прогулки Канте и Аалийи была проста: провести какое-то время вместе, вежливо побеседовать под пристальными взглядами трех придворных сопровождающих, попытаться получше узнать друг друга до наступления солнцестояния. Пока что Аалийя сказала Канте лишь одно слово: «машен'дрей», что означало «посторонись-ка». Он загоразживал ей вид на одного из Каменных Богов. Канте также отметил, что она использовала приставку «дрей» – используемую при обращении к человеку, принадлежащему к низшей касте. Похоже, далеко не все с готовностью приняли почетный статус имри, присвоенный ему императором. Канте не мог ее в этом винить. «Никто из тех, кто по-настоящему знает меня, не счел бы меня “божественным”, а Просветленная Роза Имри-Ка тем более».

Он покачал головой. Даже будучи принцем Халендии, у себя на родине Канте не пользовался особым уважением. Всю свою жизнь он прожил в тени своего брата-близне-

ца Микейна, который первым вышел из материнской утробы, заработав свое право первородства и предназначенный с этого момента для трона. Таким образом, в Микейне души не чаяли и всячески лелеяли его, готовя к судьбе будущего короля Халендии.

А к воспитанию Канте всегда относились с куда меньшим тщанием. Ему суждено было стать Принцем-в-чулане, чье единственное назначение в жизни состояло в том, чтобы быть запасным на случай, если его старший брат-близнец вдруг помрет. Его уделом было сидеть на полке подобно кукле, готовой заменить сломанную – на случай, если он вдруг когда-нибудь понадобится. И все же, чтоб королевству от него была хоть какая-то польза, Канте прошел обучение в школе Тайнохолма, готовясь к тому, чтобы в будущем стать советником своего брата.

«Непохоже, чтобы теперь нам обоим светило нечто подобное...»

Когда он стоял у поручней корабля, в голове у него промелькнул образ Микейна, бросившегося на него с мечом. При этом воспоминании тяжким грузом навалилось отчаяние. Хуже того – это был уже не первый раз, когда Микейн пытался убить его.

Канте вздохнул, все еще не в состоянии все это постигнуть. В детстве братья были хорошими товарищами – настолько близкими, насколько могут быть близки лишь близнецы, – пока судьба неизбежно не разлучила их. Микейна от-

правили в придворный Легионарий, чтобы обучить всевозможным стратегиям и обращению с оружием. Канте был изгнан за стены замка в Тайнохолм, и ему было запрещено даже близко подходить к мечу.

В конце концов между братьями разверзлась пропасть. А как же иначе? Они стали такими же разными, как и их лица. Микейн, хоть и близнец Канте, выглядел так, словно был высечен из бледного мелового камня, унаследовав черты лица их отца, в том числе его выющиеся светлые локоны и глаза цвета морской волны. Канте пошел в их покойную мать. Кожа у него была блестящая и смуглая, волосы черны как смоль, глаза темно-серые, как небо во время грозы. Он навсегда остался тенью на фоне яркого сияния своего брата.

«И вот кто я теперь – изгнанник, обретающийся среди врагов королевства...»

Канте связал свою судьбу с Никс и ее товарищами, намереваясь остановить грядущую гибель планеты. Оглядев небо, он заметил полную луну, повисшую у горизонта. Та сияла в дымке Дыхания Урта, отмечающей границу между Халендией и Южным Клашем. Дымка эта, состоящая из пепла и испарений, поднималась из Шаар-Га, огромного вулканического пика, который безостановочно извергался в течение бесчисленных столетий, создавая естественный дымный барьер между королевством и империей.

Канте попытался представить, что сейчас происходит там, в Азантении. Он подозревал, что весть о том, что он достиг

этих берегов, уже дошла до Вышнего Оплота и его отца, короля Торанта. И это наверняка было воспринято как предательство, еще одно до кучи ко всем остальным. Там явно предположили, что Принц-в-чулане переметнулся на сторону Южного Клаша, поскольку боевые барабаны по всему северному Венцу звучали все громче. Хотя пришел он сюда совсем не за этим.

Канте хмуро посмотрел на затянутую дымом луну.

«Я сам во всем виноват...»

Словно отчитывая его за эту мысль, где-то вдалеке прогремел раскат грома, гулким эхом прокатившийся по лесистым берегам. Так громко, что задрожали воды залива.

Канте выпрямился, очнувшись от своих мрачных грез. Посмотрел на чистое голубое небо, затем вниз, на северный горизонт. Клочок дымки Дыхания заметно потемнел, даже почернел от свежего дыма – но Шаар-Га вовсе не изрыгнул новую порцию лавы.

Руки Канте крепче вцепились в поручень. Он глубоко вдохнул, пытаясь уловить узнаваемый запахок того, что подозревал, но расстояние было слишком велико. И все же принц понял, каков источник этого грома. Ему уже доводилось слышать этот характерный упругий раскат.

Капитан баржи поспешил к ним – а вернее, к Рами, который застыл со столь же напряженной спиной, что и Канте. Коренастый мужчина протянул ему дальноскоп. Рами взял его и выдвинул на всю длину.

– В чем дело, Гхис?

– Похоже, это с Караула Экау, – отозвался капитан.

Узнав название большого пограничного аванпоста на самом северном побережье Южного Клаша, Канте подошел к остальным, привлекая их внимание.

– Боюсь, что кто-то сбросил туда Котел Гадисса, – с тревогой произнес он, представив себе железную бомбу размером с амбар, названную в честь бога огненного подземного мира.

– Ты уверен? – Рами поднес дальноскоп к глазу.

Канте пожал плечами:

– Не так давно такой же чуть не свалился мне прямо на голову. – А затем добавил более тревожную ноту: – Если я прав, то требуется что-то размером с линейный летучий корабль, чтобы нести столь грозное оружие.

Рами со своей трубой перегнулся через перила.

– Не вижу никаких летучих кораблей... Но эта пелена очень плотная. И пламя уже распространяется на соседние леса, поднимая еще больше дыма. – Опустив дальноскоп, он повернулся к Гхису: – Доставь нас обратно в Кисалимри!

Капитан коротко поклонился и поспешил прочь. Рами в последний раз сжал плечо Канте, а затем бросился следом.

Оставшись один, Канте уставился на горизонт, потирая плечо в том месте, где Рами стиснул его, явно желая приободрить.

«Я этого не заслуживаю...»

Он припомнил свои недавние размышления на тот счет,

что же происходит сейчас в Халендии. И теперь был уверен: до его отца и впрямь дошла весть о предательстве сына. По мере того как дрожь в заливе утихала, дыхание Канте становилось все тяжелее, поскольку он опасался худшего.

«Неужели мое прибытие сюда окончательно довело отца до ручки? А это результат?»

Канте не мог знать этого наверняка, но в одном был совершенно уверен, и это камнем легло ему на сердце. Он уставился на дым, на далекие отблески разгорающегося пожара.

«Этот акт означает войну».

Глава 5

Канте изо всех сил старался усидеть в трясущемся экипаже, вцепившись одной рукой в край сиденья и плотней вдавив свой венценосный зад в мягкую подушку, чтобы удержаться на месте. Карета была открытой. Ветер от их стремительного пролета по улицам Кисалимри развевал ему волосы и трепал царственное одеяние. Свободной рукой он придерживал свою золотую шапочку, чтобы та не слетела с головы.

Сидящий напротив него Рами склонил голову к одному из своих советников. Хотя черты лица старика в данный момент были скрыты головным убором биор-га, Канте узнал этого человека. На территории дворца чааenam не требовалось закрывать свои лица. Этого изможденного костлявого мужчину звали Лорин, он был советником Рами по придворным делам. Стук колес заглушал их слова, но пара явно обсуждала взрывное вторжение на север империи.

Канте со стоном отвернулся. Вооруженные всадники, члены императорской гвардии, окружали золотую карету со всех сторон. Впереди них по булыжной мостовой грохотала еще одна позолоченная карета, в которой ехали Аалийя и дюжина ее чааенов. Возглавлял кортеж боевой фургон, ошетилившийся арбалетами. В поисках опасности стрелки следили за каждой тенью. Еще больше воинов в легких доспехах столпились в середине фургона. Даже влекущие его

лошади были увешаны металлической броней. За кортежем следовала вторая боевая повозка, прикрывая его с тыла.

Канте полагалось бы чувствовать себя хорошо защищенным, если б не взгляды ближайших солдат. Хотя их лица были наполовину скрыты тонкими кольчугами, в прищуренных глазах сверкало явное неодобрение.

«Они винят в этом нападении меня».

Он никак не мог подавить и собственное чувство вины.

«Зря я заявился в эти края...»

И все же Канте подозревал, что гнев солдат вызван подозрениями в том, что он мог иметь и более непосредственное отношение к нападению на север страны. Ближайший всадник склонился с лошади и презрительно сплюнул на улицу рядом с колесом повозки.

Никто, кроме Канте, не заметил этого вопиющего поступка. Убрав руку от шапочки, он сжал пальцы в кулак.

«У меня даже нет оружия, чтобы защититься, если на меня нападут!»

Его колена коснулись пальцы в перчатке.

– Не поддавайся на подстрекательства! – негромко предостерег чааен, сидящий рядом с ним.

Канте перевел на него взгляд. Сквозь щель в занавешенной вуалью кожаной шапочке биор-га на принца пристально смотрели фиалковые глаза, обрамленные черными бровями. Цвет лица мужчины был на несколько тонов темнее, чем у него самого. Канте заставил себя расслабить пальцы,

напомнив себе, что здесь у него есть союзник.

Некогда Пратик был чааеном-привязанным одного императорского торговца. Но полгода назад, во время путешествия за границу, примкнул к тем, кто задался целью предотвратить обрушение луны. Этот чааен и сопровождал Канте к этим берегам. После того как император присвоил принцу статус имри, Пратик был назначен Канте. Серебряные цепочки тянулись от сапог Канте к ошейнику мужчины – железному, что свидетельствовало о его учености в алхимии.

Увы, но Канте одарили и еще одним чааеном – вернее, чааенкой.

Он глянул мимо Пратика на фигуру, делящую с ними широкое сиденье. Брийя сидела скованно, в своей обычной позе. Канте мог поклясться, что позвоночник старухи навеки заостенел именно в таком положении. Ошейник у нее был серебряным, что свидетельствовало о ее познаниях в религии и истории. Она служила помощницей Канте в вопросах клашанского языка и обычаев. Хотя он сильно подозревал, что ее истинная роль заключалась в том, чтобы шпионить за ним и обо всем докладывать императору.

– Король Торант, видать, в ярости из-за того, что ты сбежал сюда, – заметил Пратик, вновь привлекая внимание Канте.

– Сегодня утром это было достаточно ясно продемонстрировано. Мой отец всегда был скор в своем гневе и еще более скор на расправу.

Пратик откинулся на сиденье.

– Сбросив такую страшную бомбу, как Котел Гадисса, на Караул Экау, он четко выразил свою решимость заявить о своих правах на тебя – потребовать от императора твоей выдачи.

Канте тяжело вздохнул:

– Мой отец никогда не отличался особой деликатностью.

– Да и ладно... Имри-Ка никогда не откажется от такого подарка, как ты.

Канте сердито посмотрел на чаена:

– Не думаю, чтобы кто-то когда-либо считал меня «подарком».

– Ты обручен с единственной дочерью императора. Выдав тебя отцу, Имри-Ка навеки покроет себя позором. Не только себя, но и весь клан Хэшанов. – Пратик мотнул головой на Рами и махнул в сторону Аалийи в передней карете. – Его Блистательность никогда этого не допустит.

– Тогда война неизбежна.

– Не просто неизбежна... С этим зажигательным выступлением она уже началась. В данный момент мы должны подумать о том, как она повлияет на наши планы.

Канте нахмурился, припомнив, что прибыл на эти берега не только для того, чтобы жениться. В то время как Никс и остальные улетели на поиски некоего таинственного места в самой глубине Студеных Пустошей, миссия его группы была двойкой. Им было поручено поискать дополнительные

знания в древнем прошлом, известном как Забытый век, – эпохе, никак не отраженной в общедоступных исторических документах. Пратик утверждал, что ходили слухи о неких умалчиваемых пророчествах и предзнаменованиях из прошлого, намекающих на грядущий апокалипсис, и что древние тома, хранящиеся в королевской библиотеке – Кодексе Бездны, – способны дать представление об этих пророчествах. Это собрание было надежно упрятано в подземельях под дворцовыми садами Имри-Ка и охранялось Дреш’ри, мистическим орденом ученых.

Согласие на брак с принцессой было лишь одной из бороздок на ключе, способным открыть эту запретную дверь. С этого момента перед Пратиком и Фреллем – алхимиком и его бывшим школьным наставником, который тоже сопровождал Канте сюда, – стояла задача получить доступ в эту библиотеку. Фрелль уже вступил в контакт с представителями Дреш’ри, однако ушли целые месяцы на то, чтобы добиться аудиенции у этой секты. Согласие было получено лишь сегодня утром. Пратик тоже хотел присутствовать, но, как чаен, не мог отказаться от сопровождения принца в дневной прогулке по заливу Благословенных.

Однако вовсе не этот аспект их миссии заботил Пратика. – Если разразится война, нам будет гораздо труднее добраться до этого погребенного Спящего.

То была еще одна цель этой команды. Канте представил себе сияющий призрачный шар, возникший над хру-

стальным кубом в бронзовых ладонях Шийи. Изумрудный огонек на объемном изображении Урта отмечал то место в Студеных Пустошах, до которого Никс и все остальные сейчас пытались добраться. Но на поверхности шара свети-лась также и синяя точка – внутри самого Венца. Распола-галась она к югу от Кисалимри, за горами Гиргского Усту-па, и указывала на возможное местонахождение еще одной фигуры, подобной Шийе, – живого бронзового изваяния, од-ного из Спящих, оставленных древними, чтобы помочь пра-вить миром в случае угрозы его гибели. К несчастью, воспо-минания Шийи, хранящиеся в виде хрустальных плит в по-тайном склепе под Саванами Далаледы, были в основном разбиты вдребезги, оставив ей лишь обрывки знаний из про-шлого. Оставалась надежда, что если им удастся разбудить этого другого Спящего, то его память, возможно, все еще бу-дет цела.

Прадик громко вздохнул:

– Не могу себе представить, чтобы император Мак-кар ка Хэшан позволил своей дочери устроить грандиоз-ную процессию по этим землям, празднуя бракосочетание и представляя всем своего новоиспеченного супруга. Только не сейчас, когда идет война.

Канте знал, что таков и был первоначальный план: ис-пользовать эту королевскую процессию, чтобы добраться до места, обозначенного синим огоньком. Оно находилось на окраине города Казен – в удачном месте, поскольку

по давней традиции у клашанских молодоженов, особенно из имри, было принято обращаться к Ораклу из Казена, чтобы тот предсказал будущее их союза. Впрочем, далеко не все были довольны услышанными от него предсказаниями. Поговаривали, что многие браки там же и заканчивались, едва успев начаться, а бесчисленные тела хоронили в соседних солончаках.

«Может, в итоге я тоже окажусь там».

– Если мы попадем в самую гущу войны, – продолжал Пратик, – нам может понадобиться какой-то другой предлог, чтобы добраться до этих земель.

Канте оглянулся, заметив, что Брийя подалась в их сторону. Старая чаенка явно пыталась подслушать их разговор, но, судя по всему, из-за оглушительного грохота колес и стука копыт ее усилия не увенчались успехом.

Канте склонился ближе к Пратику, слегка мотнув головой на их любопытную соседку:

– Лучше обсудить все это как-нибудь в другой раз... Если нам повезет, мой отец не станет пытаться помешать моему бракосочетанию каким-то еще более решительным образом. Времени остается все меньше. Зимнее солнцестояние почти наступило.

– До него еще полный оборот луны, – напомнил ему Пратик. – Но ты прав. Если мы сумеем упредить планы твоего отца до того, как война разразится в полной мере, тогда наша первоначальная стратегия по-прежнему может быть в силе.

И с этой целью мы должны умолить императора перенести дату твоей свадьбы.

Канте натужно сглотнул, бросив взгляд на карету впереди.

– Вообще-то я хотел сказать, что...

Прастик перебил его, выпрямившись на сиденье:

– Может, даже уже на эту неделю.

Канте бессильно обмяк, откинувшись на спинку.

«Что же я наделал?»

Глава 6

Погруженный в эти горестные размышления, Канте вздрогнул от неожиданности, когда по всему городу разнесся звон полуденного колокола. От непрекращающегося лязга ломило кости черепа. Он тяжело застонал. Канте уже отбил себе всю задницу и обгорел на солнце, но их карета наконец достигла голубых просторов Греш-Ме, центрального пресноводного озера города. В переводе с клашанского это название примерно означало «Молчаливый рот» или «Голодный рот» – в зависимости от того, перекатывал ли говорящий это «р» на языке или нет, – хотя Канте по-прежнему так и не знал, как оно правильно произносится.

«Мне и вправду следует прилежней учиться».

Процессия из экипажей поднималась по прибрежной дороге, огибающей озеро. Императорский дворец располагался на дальней его стороне, на вершине холма. Обнесенные стеной земли занимали территорию, на которой запросто уместился бы немалых размеров город. В центре ее возвышалась цитадель с сотней воздетых в небо шпилей. Крепость была настолько велика, что потребовалась серия многотомных атласов, чтобы отобразить ее бесчисленные комнаты и переходы. Многие представители низших каст прожили там всю свою жизнь – родились в ее стенах и в конце концов были сожжены в склепах под ней.

Содрогнувшись от этой мысли, Канте отвернулся от озера, глаза на проплывающий мимо Кисалимри. Вечный город Южного Клаша мог быть отдельной страной и сам по себе. Он простирался от самого залива Благословенных, окруженный концентрическими рядами стен, каждая из которых отмечала прохождение столетий по мере роста города. К небу вздымались тысячи и тысячи белых башен – все из одного и того же белого мрамора, все ярко освещенные солнцем. Камень для них был добыт в соседних горах Гиргского Уступа на востоке. Поговаривали, что при строительстве Вечного города были скрыты до основания десятки вершин этой горной гряды.

Канте ничуть в этом не сомневался. За все семнадцать лет жизни нога его ни разу не ступала в Кисалимри. До него, конечно, доходили слухи, ему показывали карты. И все же ничто не подготовило его к тому, что он увидел воочию. Принц считал огромной и родную Азантийю, королевский оплот Халендии, но в этих стенах могла поместиться сотня Азантий.

Венценосный кортеж замедлил бег и вновь отвернул от озера, когда они добрались до оживленных гаваней, преградивших им путь. У причалов грудились рыбацкие лодки и большие баржи, над которыми звучал неумолкаемый хор чаек и ворон. Ветер разносил вонь разбросанных повсюду рыбьих потрохов, пузырящихся на жаре.

Канте облегченно выдохнул, когда их экипажи отвернули

от береговой линии и вернулись на тенистую окраину города. Стало попрохладней, и воздух быстро очистился от зловония. По обе стороны дороги выстроились разнообразные лавки. Воздух в пекарнях был пропитан ароматом дрожжей и корицы. На открытых жаровнях жарилась рыба, исходя шипящим жиром и соком.

В животе у Канте заурчало, напомнив ему, что этим утром он едва притронулся к обильному угощению, предложенному ему на борту прогулочной баржи, – слишком смущенный присутствием своей невесты. Увы, но ни у одной из харчевен процессия не остановилась. Им еще предстояло преодолеть порядочное расстояние, чтобы добраться до дворца Имри-Ка.

Вереница экипажей продолжала двигаться вперед, не сбавляя скорости, пока путь впереди не преградила опрокинувшаяся повозка с сеном. Улица была усеяна тюками. Уже выпряженный буйвол с обрезанными рогами мотал головой, словно отрицая, что авария произошла по его вине. Фигуры в одеяниях биор-га пытались поставить повозку обратно на колеса, орудуя длинным шестом.

Когда экипажи приблизились, несколько человек замахали руками, отчаянно взывая о помощи.

Их мольбы были проигнорированы.

Впрочем, едва завидев золотой блеск карет, мужчины на улице упали на колени и поднесли тыльные стороны ладоней ко лбу в знак явного почтения. Некоторые пели дифи-

рамбы, когда они проезжали мимо. Или, может быть, то были молитвы. Здесь, в Кисалимри, грань между царственным и божественным была полностью размыта.

Аалийя совершенно не обратила внимания на эти рабочие знаки, явно глухая к бесконечным восхвалениям или же настолько привыкшая к почитанию, что они значили для нее не больше, чем крики чаек у причалов. Канте нахмурился. «Похоже, я здесь не единственный, кто недостойн ее внимания...»

Процессия протиснулась мимо, свернув на боковую улицу, чтобы обойти препятствие. Вскоре покачивание кареты вновь убаюкало Канте. Он откинулся на спинку сиденья. Веки у него отяжелели, подбородок опустился на грудь. И тут карету резко тряхнуло на ухабе, отчего Канте целиком подлетел в воздух и тяжело шлепнулся обратно, кляцнув зубами.

– Держись покрепче, – предупредил его Пратик. – Дорога тут не из лучших.

В результате объезда они оказались в городском районе, выглядевшем совершенно неухоженным. На мостовых не хватало множества булыжников, отчего улица больше напоминала разбитую сельскую колею. Дома по обе стороны ее выглядели давно заброшенными. Окна были заколочены досками или просто выбиты начисто. Костлявые шавки шаркались с их пути, исчезая в переулках и тявкая им вслед.

Карета прогрохотала мимо молитвенного дома. Шпиль его давным-давно обрушился, раздавив часовню под ним.

Канте уставился на руины. Казалось, он был единственным, кто все это замечал. Солдаты не отрывали глаз от дороги. Экипажи прибавили ходу.

Канте бросил на Пратика вопросительный взгляд.

– Может, Кисалимри и Вечный город, – объяснил тот, – но вот про его население такого не скажешь. За последние два столетия уровень рождаемости существенно снизился. Весь этот белый мрамор может великолепно отражать солнце, но его блеск лишь скрывает медленное гниение под ним. Обширные территории давно превратились в руины. Прошло уже четыре столетия с тех пор, как городу в последний раз пришлось расширять свои внешние стены, чтобы приспособиться к росту.

– Я не слышал ни слова про такой упадок, – потрясенно отозвался Канте. – Даже от моих учителей в Тайнохолме.

– Здесь никто об этом не говорит. И уж тем более за границей. – Пратик указал подбородком на солдат, которые все уставились вперед, словно отказываясь видеть то, что лежит по бокам.

Из-за плеча Пратика на них неотрывно смотрела Брийя. Глаза ее холодно поблескивали сквозь прорезь вуали. Ей явно пришлось не по вкусу, что Пратик делится с гостем империи подобными соображениями.

Старуха была не единственной, кто слышал их разговор. Рами тоже подался вперед. Шестеро его чааенов, рассеявшихся на двух скамейках, демонстративно смотрели куда-то

в сторону.

– Да, это так. – Рами указал на заброшенный дом с дырявой крышей, стоявший в тесном ряду точно таких же. – Подобный упадок остается проблемой, которой приходится противостоять, особенно когда мой отец отказывается ее признавать. Увы, он редко покидает пределы дворца. За мои девятнадцать лет он выезжал за его ворота не более дюжины раз. В основном для того, чтобы отправиться к своему Оракулу в Казен.

Канте вспомнил свое смятение при мысли о том, что представители низкорожденных порой никогда не покидают дворцовую цитадель. Похоже, Имри-Ка тоже оказался в такой же ловушке, хотя и по собственной воле. И все же это приводило Канте в отчаяние.

«Скоро я стану членом этой семьи – может, всего через неделю... Боги небесные, избавьте меня от такой участи! Или, по крайней мере, дайте мне больше времени, чтобы найти выход из этого незавидного положения!»

И, словно боги и впрямь услышали его, окрестности сотряс оглушительный взрыв. Прямо перед кортежем полыхнуло огненное солнце. Взрывная волна отбросила Канте на спинку сиденья. Рами свалился на пол кареты, когда лошади встали на дыбы.

Канте поднял руку, прикрывая лицо от ослепительной вспышки.

Перед ним промелькнула большая темная тень, кувырком

взлетевшая вверх среди языков пламени.

«Боевой фургон...»

Бронированный экипаж дважды перевернулся в воздухе, прежде чем врезаться в соседнее здание. Солдаты кричали, прохожие визжали, над экипажами за клубился дым – но тут внимание Канте привлекло какое-то движение.

Со стен по обеим сторонам дороги так и посыпались какие-то фигуры – спрыгивая с крыш, спускаясь по веревкам. В окнах возникло еще больше теней, высовывая в них взведенные арбалеты.

«Засада!»

В карету Канте и Рами врезалась лошадь, запаниковавшая и оставшаяся без седока, с горящим хвостом. Отскочив в сторону, она поскакала прочь. Их собственные лошади встали на дыбы и рухнули на землю, сотрясая карету. Две вырвались из построения на свободу и с грохотом копыт пронеслись прямо сквозь воцарившийся на улице хаос. Две другие были сражены градом стрел.

Канте проклял своего отца, представив себе недавний взрыв на севере. Судя по всему, целью этого нападения было не просто возвестить о начале войны – оно должно было послужить уловкой, отвлекающим маневром.

«Чтобы добраться до меня».

Глава 7

Канте лихорадочно зашарил глазами по сторонам в поисках хоть какого-то оружия, полный решимости не быть убитым – или, что еще хуже, схваченным и притащенным обратно в Азантийю. Лучше быстрая смерть, чем медленный, мучительный конец в застенках у себя дома.

Эскорт всадников перегруппировался и окружил их карету. Над пассажирами ее были подняты щиты – и как раз вовремя. На железное дерево и сталь посыпались стрелы, выпущенные из луков и арбалетов. Гвардейцы падали с седел, отдавая свои жизни, чтобы защитить своих венценосных подопечных.

Сзади к ним с грохотом подкатил боевой фургон, следовавший в арьергарде, но, попытавшись объехать их карету, уперся в нее и не смог продвинуться дальше. Сидящие в нем гвардейцы стали стрелять в ответ. Арбалетные стрелы выбивали искры из белого камня, отскакивая от него. Одна из стрел расщепила веревку, на которой повис один из нападавших, отчего тот упал и разбился насмерть. Но еще больше из них наводняло улицу, напирая вперед и размахивая изогнутыми клинками.

Только тут Канте осознал свою ошибку, вызванную излишним самомнением.

Лица налетчиков были открыты – вот почему он и при-

нял их за убийц, подосланных королем. Проведя так много времени в Кисалимри, он уже привык к тому, что все вокруг него укутаны в балахоны биор-га. Только вот эти люди, все с открытыми лицами, явно были клашанцами, нарушившими высочайший указ об обязательном ношении вуалей. Их единственными украшениями были полоски белой краски поперек глаз. Даже их оружие – изогнутые мечи – было чуждо Легиону королевства. Некоторые из налетчиков также размахивали тонкими хлыстомечами – уникальными клинками, гибкость которых была охраняемым секретом среди клашанских кузнецов.

Правда сильно поразила принца, заставив сердце забиться где-то в горле.

«Они охотятся не за мной».

Появление боевого фургона отогнало большинство нападавших от кареты Канте – или, что более вероятно, те просто отступили к намеченной цели.

Мимо него протиснулся Рами, зажав в обеих руках короткие метательные ножи без гарды. Плащ с длинными рукавами он успел скинуть, и Канте заметил на его обнаженных руках кожаные браслеты с запасными клинками в ножнах, пристегнутые к предплечьям.

– Надо добраться до моей сестры!

Канте пригляделся сквозь дым и огонь. Вторая карета лежала на боку, приняв на себя основной удар недавнего взрыва. Ее окружили вооруженные воины, защищая Просветлен-

ную Розу Имри-Ка, испуганно сжавшуюся внутри. По булыжной мостовой были разбросаны тела – как своих, так и врагов. Упал еще один гвардеец, со стрелой в горле.

Защитники Аалийи долго не продержались бы, тем более что неизвестные сосредоточили свое нападение именно на этой карете.

На узкой улочке экипаж Рами и Канте преградил путь боевому фургону, не давая ему подъехать к остальным. Расположившиеся в нем лучники не осмеливались стрелять в том направлении, чтобы шальная стрела не попала в Аалийю. Осознав это, увешанные доспехами воины уже выпрыгивали на булыжники, чтобы подобраться туда на своих двоих.

Лучники в окна сыпали смерть дождем с высоты. Гвардейцы изо всех сил старались прикрыть головы щитами. Тем не менее заградительный огонь удерживал их на расстоянии. Упало еще несколько тел.

– Сюда! – выкрикнул Канте, метнувшись к противоположной стороне их экипажа, не перекрытой застрявшим боевым фургоном.

Он уже сделал шаг, готовый перепрыгнуть через поручни, но левая нога опять подвела его. Канте повалился головой вперед, ударившись подбородком, тяжело рухнул на пол кареты и со злобным оскалом обернулся. Он и забыл, что с недавних пор не свободен в своих передвижениях.

Прастик рухнул рядом с ним.

– Не шевелись! – Потянувшись к сапогам Канте, он от-

стегнул цепи, которыми принц был прикован к двум своим чаенам.

Рами уже сбросил свои собственные якоря и помог Канте подняться, не выпуская клинок из руки. Глаза у его друга были широко раскрыты и остекленели от страха.

– Аалийя...

– Помню. – Канте повернулся к Пратику: – Убери этот экипаж с дороги! Нам нужно освободить боевой фургон, если мы надеемся сбежать!

И, не дожидаясь ответа, спрыгнул на землю.

Рами последовал его примеру, приземлившись рядом с ним на корточки.

– Как же нам добраться до ее кареты?

Это был уместный вопрос. Улицу заволокло дымом, но тот не обеспечивал достаточного прикрытия от стрелков в окнах. Гвардейцы тоже это поняли. Горстка людей, все еще оставшихся в живых на открытом пространстве, оставила попытки преодолеть это расстояние. Они прятались за щитами, пытаясь защититься не только от лучников наверху, но и от арбалетов в руках у тех, кто был на земле. Все опасно застыли, не решаясь переломить ситуацию.

Напротив них Аалийя все пряталась под своей опрокинутой каретой. В живых остались лишь пятеро ее защитников, скорчившихся в тени экипажа с поднятыми щитами. Одна из них, гибкая женщина в легких доспехах, держала в каждой руке по хлыстомечу, а к обоим предплечьям у нее было

пристегнуто по маленькому металлическому щиту. Одним из них она как раз ловко отбила лязгнувшую по нему короткую арбалетную стрелу. Перед ней грудой лежали мертвые тела, создавая жуткий крепостной вал, не позволяющий никому преодолеть его.

– Телохранительница Аалийи... – выдохнул Рами. – Молюсь, чтобы она смогла защищать мою сестру достаточно долго!

Канте потянул своего друга за руку, увлекая его в противоположном направлении.

– Нет, нам не туда.

Глава 8

Сопровождаемый по пятам Рами, Канте бросился за повозку к валяющейся за ней лошади, придавившей своего седока. Остановился он ровно настолько, чтобы отцепить висевший у седла арбалет вместе с колчаном коротеньких оперенных стрел. Ощутив в руке цевье из железного дерева, Канте почувствовал себя в тысячу раз увереннее касательно своего плана.

Как второму по рождению принцу, ему было запрещено владеть мечом, но это не помешало ему научиться охотиться с луком. Обучал его лучший из лучших – следопыт из Приоблачья, человек умелый, ловкий и находчивый.

Теперь Канте припомнил один его урок.

«Когда охотишься на опасную добычу, твое лучшее оружие – тени».

Не обращая внимания на продолжающийся на улице бой, с арбалетом в руке он внаклонку метнулся к соседним развалинам домов, стоящих вплотную друг к другу, и пролез в разбитое окно, давным-давно очищенное от осколков стекла. Коротко выдохнув, помог Рами проскользнуть следом, пока зрение привыкало к темноте.

– Если получится пройти через эти дома, не вылезая на улицу, – прошептал Канте, – то мы сможем подобраться к карете твоей сестры с обратной стороны.

Рами кивнул и указал в глубь строения:

– Такие домохозяйства обычно имеют общий внутренний дворик. Через него выйдет быстрее добраться до дома, ближайшего к Аалийе.

– Ладно.

Канте направился через полуразрушенное строение. Верхний уровень частично обрушился, образовав завал из балок, досок и битого камня. Из-под ног у них разбежались крысы и прочая пищащая нечисть. К лицам и одежде липла паутина. В помещении резко пахло гнилью и застарелой мочой.

Канте оглянулся посмотреть, как там Рами. Местный принц не выказывал ни колебаний, ни брезгливости, пробираясь через подобную грязь. На лице его застыла маска отчаянной решимости. Рами схватил жирную крысу за хвост и отшвырнул ее прочь, даже не поморщившись. Канте все больше нравился этот малый. Теперь он был полон решимости укрепить их дружбу, если они выживут.

Вместе они пробрались в кухню с низкой крышей и почерневшим от сажи каменным очагом в углу. Дальняя дверь криво повисла на единственной петле, пропуская чуть больше света. Выглянув в щель, можно было увидеть садик на заднем дворе, заросший сорной травой, чертополохом и колючками. Каменное кольцо, заросшее лишайником, отмечало старый колодец.

– Держись поближе вон к той стенке, – предупредил Кан-

те. – На случай, если кто-нибудь на втором этаже наблюдает за этой стороной дома.

Рами нырнул вслед за Канте во двор, тоже прижавшись к стене. Пока они осторожно продвигались вперед, его друг готовил свои клинки, перекидывая их между пальцами. Наверное, проверял их вес, разминал суставы – или, может, это был просто такой способ развеять нервозность. В любом случае серебряные ножи, казалось, появлялись и исчезали словно сами по себе.

Пробираясь сквозь сорняки и ступая по разбитой черепице с крыши, они наконец добрались до строения, ближайшего к карете Аалийи. Канте коротко глянул на Рами, получив подтверждающий кивок – да, пройти через этот дом будет лучше всего.

Канте первым протиснулся в приоткрытую дверь. Сделал вдох, чтобы успокоиться, и дождался, пока глаза вновь не привыкнут к полумраку. До них доносились отголоски битвы снаружи. Крики, приказы, лязг стали...

– Пошли! – настойчиво произнес Рами.

Канте продолжил осмотр кухни, в которой они оказались. По крайней мере, этот дом оказался в несколько лучшем состоянии. Второй этаж оставался нетронутым. Канте миновал лестницу, ведущую наверх, наострив уши в поисках каких-либо признаков притаившихся наверху людей, но боевые действия снаружи усложняли эту задачу.

Пригнувшись пониже, он вышел в большую комнату

в передней части здания. Повсюду валялась сломанная мебель. Кучка пепла и частично сгоревшие поленья наводили на мысль, что кто-то когда-то использовал это место для ночлега, спасаясь от холода.

Рами схватил его за плечо, тихонько шикнув, и указал наверх. Между стропилами завивалась тонкая струйка пыли, просачиваясь сквозь доски пола наверху.

«Там кто-то есть...»

Канте проклинал себя за то, что сосредоточился на полу, на этих кучках пепла. Он осторожно сдвинулся на пару шагов в сторону, приближаясь к неровному пролому в потолке. В то время как пол верхнего этажа в основном был цел, один его угол полностью обвалился. Канте различил там, наверху, едва заметное мерцающее свечение, проявившееся лишь тогда, когда кто-то сместился в направлении пролома.

«Нас там слышали?»

Канте прижал приклад своего арбалета к плечу. Короткая стрела уже была на месте, тетива туго натянута. Приблизившись к дыре, он вскинул оружие к глазу, тщательно прицеливаясь. Наклонил голову ровно настолько, чтобы бросить взгляд на Рами, желая, чтобы его друг чуть отступил назад, — и тут застыл.

За спиной у Рами, на пороге кухни, шевельнулась какая-то тень. Кто-то бесшумно спустился по задней лестнице, чтобы подобраться к ним сзади. В темноте сверкнул меч.

«И тут засада...»

Наверное, дело было в потрясенном взгляде Канте, но Рами моментально отреагировал, двигаясь с быстротой атакующей змеи.

Его друг опустил плечо и, казалось, даже не оглянувшись, махнул рукой за спину. В воздухе сверкнуло серебро, слетевшее с кончиков пальцев. Маленький клинок вонзился мужчине прямо в горло. Крик прозвучал скорее сдавленным бульканьем, и нож почти сразу же заставил противника окончательно умолкнуть.

Было достаточно тихо, чтобы Канте услышал топот сапог над головой. Он резко обернулся, когда в дыру прыгнула фигура в широко распахнутом плаще и с мечом в руке.

Канте, который все еще держал арбалет у щеки, нажал на спусковой крючок, крепко сжимая свое оружие, поскольку тугой заедающий спуск угрожал сбить его с прицела. Стрела пронзила левый глаз неожиданного противника еще до того, как тот оказался на полу. Ноги подогнулись под ним, стукнувшись коленями об пол, а за ними последовало и тело.

Рами присоединился к Канте, который достал из колчана еще одну стрелу и вставил ее на место, туго натянув тетиву арбалета. Они некоторое время смотрели во все стороны, но больше никто не появлялся.

– Похоже, это были все, – прошептал Канте.

Промчавшись через оставшуюся часть комнаты, они добрались до частично заколоченного окна и заглянули за сломанную доску. Задняя часть опрокинутой кареты Аалийи

лежала перед ними как на ладони. Сколько уцелело ее защитников, сказать было трудно. Единственной, кто оставался на виду, была та гибкая телохранительница Аалийи, которая все еще выплясывала на булыжниках, сражаясь сразу с двумя противниками. Груда тел вокруг нее заметно выросла. Но из левого плеча у нее торчал оперенный конец стрелы, а по лицу текла кровь, причем не только чужая.

Еще один из налетчиков бросился через улицу, чтобы присоединиться к драке.

Эта женщина не смогла бы долго продержаться.

«Без посторонней помощи».

Канте навел арбалет на брешь в досках, прицелился, затаив дыхание, и выстрелил. Стрела угодила в намеченную цель. Голова бегущего откинулась назад, увлекая за собой тело. Он рухнул навзничь.

Рами тем временем переместился к двери. Та была перевязана веревкой, но со временем конопля превратилась в труху. Клашанский принц врезался плечом в дверь, выскочил на улицу и быстро укрылся за опрокинутой каретой, совершенно невредимый – вероятно, из-за густеющего дыма и того факта, что они уже разобрались с двумя противниками наверху.

Канте последовал за ним, неловко возясь со своим арбалетом и нащупывая еще одну стрелу. Выскочив на улицу, он заметил брошенный лук – видимо, брошенный здесь, когда взорвалась первая боевая повозка. В нескольких шагах

от него среди россыпи стрел лежал кожаный колчан.

Канте улыбнулся этой маленькой удаче, не зная, какого бога благодарить, и отшвырнул арбалет в сторону, радуясь, что избавился от него.

– А ну его в задницу!

Подобрал лук, собрал стрелы обратно в колчан. Три штуки зажал между пальцами. Выпрямился. Рами кивнул ему, а затем обогнул фургон, готовый прийти на помощь телохранительнице.

Канте последовал за ним по пятам, накладывая первую стрелу на тетиву и все еще держа две другие между пальцами.

Их внезапное появление из-за фургона застало всех врасплох. Рами быстро расправился с одним из противников телохранительницы, Канте снял другого. Вместе они прикрыли с флангов женщину, которая, тяжело дыша, отступила на шаг.

Еще больше нападавших бросились вперед. Но Канте уже переместил запястье, чтобы заложить вторую стрелу на тетиву. Натянул ее и выстрелил. После чего моментально зарядил и выпустил оставшуюся в пальцах стрелу. Обе угодили точно в цель – упали еще две фигуры.

Рами рядом с ним крутился и выгибался, рассыпая в воздухе смертоносное серебро.

Последовали крики, высоко в воздух брызнула кровь, упало еще больше тел.

Канте уже полез в колчан, висящий у него на плече. Зажал между пальцев еще три стрелы и выдернул их. Но прежде чем успел приладить первую из них на место, к его лицу метнулась рука, затянута в толстую кожу. Короткая арбалетная стрела звякнула о сталь, срикошетив от маленького щита, пристегнутого к предплечью телохранительницы. Она скакнула вперед, готовая прикрыть их обоих.

Канте сосредоточился на лучниках в окнах.

Рами укладывал на землю тех, что были вооружены мечами.

Битва продолжалась, казалось, целую вечность.

Канте поймал себя на том, что уже задыхается, и вытер пот со лба. Пальцы у него болели, плечи жгло как огнем. Порывшись в своем колчане, он обнаружил, что тот пуст. У Рами тоже закончились ножи, и ему пришлось подхватить с булыжников кривой меч.

Канте рискнул бросить взгляд на своего друга и прочел в его глазах страх, подтверждающий его собственные опасения.

«Мы не сможем победить...»

И тут всеобщее внимание привлек громкий треск слева. Лошади вставали на дыбы и фыркали, вскидывая бронированные головы. Мимо второй кареты промчался боевой фургон. Прежде чем это произошло, Канте увидел, как Пратик запрыгнул на его крышу со второй кареты. В каждой руке чааен держал по топору. Судя по всему, ему удалось освободи-

дить экипаж от груза мертвых лошадей и наконец убрать его с дороги.

Бронированный боевой фургон с грохотом приближался к опрокинутой карете принцессы. Лучники в нем стреляли во все стороны, оттесняя нападавших.

Огромная повозка под стук копыт резко остановилась. Сбоку ее открылась дверца, за которой обнаружилась обитая сталью кабина, упрятанная под открытой боевой палубой.

При виде подкрепления Рами повернулся к опрокинутому экипажу. Аалийя скорчилась где-то глубоко под ним. Несколько ее чааен-привязанных пристроились рядом с ней. Остальные были вроде мертвы, прикрыв Просветленную Розу собственными телами.

На помощь Рами пришел Канте. Он помог уцелевшим чааенам подняться и двинуться с места, в то время как Рами освободил свою сестру от мертвых. Они поспешили к фургону, где солдаты затащили их внутрь.

Канте протянул было руку, чтобы помочь Аалийе подняться в кабину. Она оттолкнула его, глядя куда-то мимо его плеча, как будто он не был достоин даже ее взгляда.

– Не прикасайся ко мне! – буквально выплюнула принцесса по-халендийски, явно все это время умея говорить на его языке.

Канте даже отпрянул.

Рами поморщился и помог сестре забраться в фургон. Пропуская следом Канте, он виновато пожал плечами:

– Она очень напугана.

Принц поймал на себе пристальный взгляд Аалийи, прежде чем та отвернулась. На лице у нее отражался вовсе не страх. Он легко узнал это выражение лица.

«Ненависть...»

Канте вздохнул и полез следом за ней, в меру сил принимая свою судьбу.

И в этот момент возле самого его уха свистнула шальная арбалетная стрела – достаточно близко, чтобы сбрить несколько прядок волос. Он нырнул в сторону и посмотрел туда, откуда стреляли. На улице появилась какая-то новая фигура. Стоящий там мужчина опустил свое оружие и бесстрашно выпрямился во весь рост, открыв солнечному свету свое смуглое лицо. Его сильные черты – твердую челюсть, широкие скулы – можно было бы счесть красивыми, особенно яркие фиалковые глаза, редкие и столь ценимые среди клашанцев. Единственным изъяном был шрам, который тянулся от брови к щеке и пересекал белую краску над левым глазом.

Пристальный взгляд мужчины был устремлен на Канте. Выражение лица его тоже было легко прочесть.

«Опять ненависть...»

Фигура подняла руку и резко опустила ее. По этому сигналу атака закончилась. Свист стрел и шелканье арбалетов смолкли. Противники разбежались во все стороны, растворяясь в тенях. Мужчина, явно главарь, повернулся и не спеша

последовал за остальными.

– Давай быстрее! – поторопил Рами, протягивая Канте руку.

Ухватившись за своего друга, тот позволил затащить себя внутрь фургона. Рами подвел его к скамейке. Канте тяжело опустился на нее, измученный во всех смыслах этого слова. Закрыв глаза, представляя себе ту фигуру на улице.

И только тут вспомнил одну деталь. Когда Аалийя оттолкнула его руку, она смотрела мимо плеча Канте – в ту же сторону. Тогда он думал, что она слишком пренебрежительно относится к нему, чтобы счесть его достойным своего взгляда. Но, судя по всему, Аалийя тоже заметила предводителя налетчиков на улице.

Канте покачал головой, слишком ошеломленный, чтобы все это как следует осмыслить. Наверняка он знал лишь одно – представив себе выражения лиц, которыми обменялись Аалийя и мужчина со шрамом, и смирившись с неизбежным.

«Похоже, я делаю то, что у меня получается лучше всего. – Он громко вздохнул. – Наживаю себе еще больше врагов».

Часть III

Кинжалы на ветру

Знайте же! Бренчанье лиры барда способно пробудить воспоминания, всколыхнуть кровь, дать волю слезам. Проникает оно в слушателя мягко и нежно. Но обуздывающий напев – что звучит столь сладко для слуха – преострым клинком вонзается в плоть и кости! Он не обволакивает, он хватает! Сей напев – это крепко стиснутый кулак в черепе, не оставляющий места для мыслей, воли или мечтаний. Лучшие воткнуть нож себе в ухо, чем внимать этой песне сирен!

Взято из проповеди хаприйского священнослужителя Клеа джа Раана III, последователи которого отрезали языки сотням певцов, владеющих обуздывающим напевом; некоторые утверждают, будто он и сам был одарен по этой части, используя свой собственный напев, чтобы склонить непокорных к исполнению своей кровавой воли

Глава 9

Никс сидела, скрестив ноги, в сумраке нижнего трюма «Пустельги». Глаза она держала закрытыми, хотя не то чтобы там было на что смотреть. Ламповое масло на борту летучего корабля ценилось не менее запасов быстропламени.

Освещала это обширное и гулкое пространство лишь пара фонарей, один из которых успел реквизирировать Джейс.

Ее друг сидел рядом с ней, склонившись над лежащим у него на коленях фолиантом – текстом, добытым им в каюте, которую он делил с алхимиком. Читая, Джейс что-то бормотал себе под нос, что Никс всегда находила умилительным – как будто он о чем-то спорил с давно умершим автором этих строк. Джейс стремился получить дополнительные знания о том, что может ожидать их за пределами Драконьего хребта, но она подозревала, что ему еще и требовалось хоть как-то отвлечься от более непосредственной опасности.

Никс вполне могла это понять.

Мгновение назад из корабельного возвещателя – системы металлических труб и рупоров, протянувшихся по всему кораблю, – до них донеслась весть: меньше чем через колокол они доберутся до гор. Дарант приказал всем членам экипажа занять свои места. Всем остальным следовало сидеть в своих каютах и не высовываться – не столько ради их собственной безопасности, сколько для того, чтобы не путаться у остальных под ногами.

Никс уже заранее решила переждать бурю и переход через горы в трюме. Ей хотелось быть поближе к Баашалийе и Кальдеру, чтобы успокоить эту пару во время грядущей встряски. Джейс уже сообщил об этом ее намерении Грейлину, когда поднимался наверх за своей книгой. Она была удивлена, что вместе с Джейсом не вернулся и рыцарь, чтобы

присматривать за ней. Но у Никс уже имелся страж, гораздо сильней любого из мужчин. В нескольких шагах от них стояла Шийя, не двигаясь и даже не дыша. Она вновь превратилась в статую – в фигуру, отлитую из бронзы.

А еще Грейлин наверняка знал, что любая эвакуация с корабля обязательно будет проходить через этот трюм, где он сможет легко забрать ее. Две крошечные спасательные шлюпки «Пустельги», ее миниатюрные версии, были установлены именно здесь, в кормовой части трюма, их надменно вздернутые носы были направлены к откидным дверям, открывающимся прямо в небо. Если «Пустельга» окажется под угрозой, эти две летучие лодочки будут единственным средством покинуть корабль.

Ожидая, Никс тихонько напевала, и напев этот пока что был слышен только ей одной, поскольку представлял собой лишь легкую вибрацию горла и дыхания. В то время как Джейс проводил часть дня, упражняясь в боевых искусствах с Грейлином и Дарантом, Никс оттачивала свой контроль над обуздывающим напевом – даром, который был у нее в крови и передавался из поколения в поколение.

Полгода назад она выяснила, каков его истинный источник.

«Баашалийя – или, верней, его братия».

Затерянные в глубинах времен древние привили миррским летучим мышам повышенную способность к общению, объединению множества разумов в один, формированию об-

ширного холодного интеллекта. Эта способность сохранялась и защищалась благодаря ее распространению по всей колонии, где каждый индивид представлял из себя ядовитую крепость силы.

Подобные Баашалийе были созданы, чтобы стать живыми стражами, призванными следить за Уртом на протяжении тысячелетий, высматривать любые опасности и при необходимости будить Спящих, погребенных по всему миру.

Все еще не открывая глаз, Никс выпустила из себя нити силы. Первым делом они задели Шийю, одну из тех древних Спящих. Сородичи той были неживыми стражами – артефактами, созданными теми древними и наделенными тем же могучим даром обуздывающего напева.

Благодаря этому бесплотному прикосновению Никс Шийя превратилась под ее мысленным взором в пылающий факел. Чудовищность могущества этой женщины представлялась почти непостижимой – и дело было не только в ее физической силе, но и в том источнике энергии, что пульсировал внутри нее. Шийя была живой печью, предназначенной для того, чтобы растопить застывшую смолу пустоты и заставить мир вновь вращаться.

Но вот как это сделать, оставалось неизвестным. Время оказалось куда сильнее воли тех древних. Многие Спящие были потеряны, раздавленные лигами льда или сожженные испепеляющей жарой на дальней стороне Урта. Даже библиотека знаний Спящих не сохранилась нетронутой, оставив

Шийю могущественной, но растерянной и обескураженной – мощным оружием, но без врага, на которого его можно было бы нацелить.

Никс и всем остальным предстояло заполнить пробелы, сплести этот потрепанный гобелен истории и знаний во что-то цельное и вразумительное. Единственными ключами к разгадке были две изумрудные отметки: одна, упрятанная в самой глубине Студеных Пустошей, и другая на противоположной стороне Урта – в землях, навеки выжженных безжалостным и неугасимым взглядом Отца Сверху. Хотя многие знания были утеряны, Шийя чувствовала, что жизненно важно сначала добраться до того места в Пустошах. Правда, никто, даже сама Шийя, не знал почему.

Без каких-либо других Спящих, способных направить их, ничего не оставалось, кроме как предпринять это опасное путешествие. И все же оставалась крохотная надежда. Шийя обнаружила по крайней мере еще одного Спящего, который вроде был цел, хотя все еще спал крепким сном. Этот артефакт лежал глубоко в недрах Южного Клаша. Другие члены их первоначальной группы – алхимик Фрелль, принц Канте и чааен Пратик – отправились на поиски этого Спящего. Однако, не имея уверенности в их успехе, Никс и ее товарищам пришлось пойти на риск перелета над Пустошами.

«Но что мы там найдем?»

Никс позволила своим прядям обуздывающего напева оторваться от бронзовой фигуры Шийи. Потом напрягла

горло, раскидывая их еще шире. По мере того как каждая нить эхом возвращалась к ней – отражаясь от штабелей ящиков, от краев бочек, даже от внутренних изгибов корпуса, – в голове у нее формировалась картина трюма. Обширное пространство простиралось от носа до кормы, упрятанное под суетой верхних палуб. Все еще не открывая глаз, Никс обрела смутное, едва уловимое видение этого пространства во всем его размахе и завершенности.

Это смутное зрелище оказалось таким знакомым, что Никс улыбнулась. С самого своего рождения до недавнего времени это было все, что она могла видеть в своем мире. В младенчестве Никс страдала помутнением поверхности глаз, отчего окружающая обстановка представляла собой лишь набор размытых теней и приглушенных цветовых пятен, и даже сейчас она все еще находила некоторое утешение в этой знакомой темноте. Это было ее прошлое, ее дом – все, что Никс знала до недавнего времени. А потом один из братьев Баашалийи встал на ее защиту во время нападения, отравив ее при этом своим ядом. Яд рассеял собравшиеся перед глазами тучи, убрал помутнение – недуг, связанный с этими огромными крылатыми зверями, – и в то же время воспламенил ее природный дар.

Как и Шийя, Никс была пробужденной Спящей. Некоторые называли это чудом, приписывая его благословию Матери.

Для Никс это было в равной степени и проклятием. Более

яркий мир зачастую бывал невыносим. Дар обуздывающего напева все еще пугал ее. Она едва понимала его, но со временем понемногу научилась нацеливать в нужном направлении.

Посредством эха своего напева и сплетения его нитей Никс могла различить скрытую вокруг нее жизнь: возню мышей в ящиках, стрекотание сверчков, жужжание мух, даже плетение паутины пауком, притаившемся в каком-то темном углу. У каждого живого существа был свой собственный напев, и когда ей удавалось подобрать подходящую гармонию, она могла оркестровать свою мелодию: заставить крадущуюся мышшь погрузиться в дремоту, сверчка – потереть лапками, подхватывая ее припев, а паука – изменить рисунок своей паутины.

Это и называлось «обузданием» – способность подчинять низших существ своей воле. Те немногие, кто разделял ее дар, высоко ценились. Они могли заставить огромных пескокрабов тянуть груженные поезда через пустыню, превращать собак и кошек в верных спутников на охоте, приучать лошадей к седлу и поводьям. Никс находила такое помыкание другими живыми существами отвратительным, в чем-то глубоко неправильным – и все же не могла отрицать, что в какой-то мере это ее привлекает. Власть, несомненно, штука соблазнительная.

«Наверное, потому, что до сих пор я практически не властвовала над своей собственной жизнью».

Приуныв от подобных размышлений, Никс открыла глаза и позволила своему напеву затихнуть, сматывая его нити обратно к себе. И в этот момент несколько прядей упали на Джейса. По этому короткому прикосновению она уловила его сосредоточенность – та пахла как тлеющий очаг. И также его страх, который ощущался как воздух после грозы.

Джейс оторвал взгляд от книги, словно почувствовав ее внимание.

– Никс?

Она помотала головой, стряхивая последние остатки своего дара. На миг, когда ее обуздывающий напев умолк и Джейс посмотрел на нее, Никс почувствовала, как от него пахнуло чем-то мускусным, как от розы в свежем суглинке.

– Нет, ничего, – пробормотала она.

Тем не менее щеки ее вспыхнули. Никс знала, что означал этот последний запах. Он свидетельствовал о его желании. «Он желает меня». Обнажать его сердце, читая его как книгу, казалось насильственным вторжением.

К счастью, Джейс не стал настаивать на своем вопросе. Он выпрямился, потирая затекшую шею. Другой рукой поднял книгу с колен.

– По-моему, я уже насколько можно глубоко вник в то, что лежит за пределами Драконьего хребта... Все, что я нахожу, – это лишь сказки, каждая из которых еще более нелепа, чем предыдущая. Вот эта, к примеру, утверждает, будто в Пустошах скрыто великое море, что явно абсурдно. Навер-

ное, мне стоило бы потратить время на более...

Корабль сильно потрянуло, резко накренив его на левый борт. Ящики и бочки заскрипели и застонали под толстыми сетями, удерживавшими их на месте.

Шийя, которая до сих пор стояла как вкопанная, приблизилась к Никс и Джейсу. Сильные руки обхватили их обоих за плечи.

– Держитесь поближе друг к другу, не пытайтесь встать, – предупредила она спокойным, но твердым голосом.

Когда корабль затрясся и завибрировал, Шийя опустилась на одно колено, подобно якорю надежно утверждая на настиле трюма себя и их двоих – и как раз вовремя.

Через несколько мгновений «Пустельга» превратилась в воробья во время шторма. Корабль внезапно кренился или дико мотался из стороны в сторону. Никс ахнула, когда ее швырнуло в объятиях Шийи куда-то вбок и она до крови прикусила язык.

Джейс потянулся и схватил ее за руку. Ее пальцы крепко переплелись с его пальцами. Они обменялись встревоженными взглядами.

Из рупора возвещателя до них донесся голос Даранта:

– Сейчас мы в самом центре этой свистопляски! Держитесь за воздух, ребятки!

Глава 10

Казалось, будто «Пустельга» пробивалась сквозь бурю целую вечность. Корабль немилосердно швыряло во все стороны. Ветер превратился в нескончаемый вой, от которого болело в ушах и колотилось в груди.

Плечо Никс уже ныло от стальной хватки Шийи. Джейс все столь же крепко держал ее за руку. На прикушенном языке стоял привкус железа. Сердце бешено колотилось где-то в горле. Она представила, как корабль разлетается на куски, которые дождем сыплются на Драконий хребет.

«Когда же это наконец закончится?»

Никс была не единственной, кого происходящее почти лишило присутствия духа. Кальдер, до той поры мирно дремавший за отведенной ему загородкой, приподнялся со своей подстилки из сена, воздев нос к подволоку трюма. Из его горла вырвался хриплый рык отчаяния, хвост так и хлестал по воздуху.

С другой стороны трюма тихонько попискивал Баашалийя, ища утешения.

Никс попыталась встать, подобраться к нему поближе, но не устояла на ногах, когда нос «Пустельги» в очередной раз резко взметнулся вверх.

Ветер снаружи превратился в низкий рев, сопровождаемый более громкими взвизгами, когда особо сильные по-

рывы обрушивались на корабль. Стальные тросы такелажа стонали от напряжения, накладываясь на общую какофонию. Замкнутое пространство трюма улавливало и усиливало этот шум.

Никс пожалела о своем выборе убежища. Без окон было невозможно судить о том, что на самом деле происходит. Она была не единственной, кого это обстоятельство избавило от иллюзий.

Рычание Кальдера перешло в протяжный вопль. К этому времени варгр уже забился в самый угол отведенного ему отсека, спрятавшись под навесом, который служил ему логовом, – широко расставив лапы, чтобы сохранить равновесие, и низко опустив башку.

У Баашалийи дела обстояли несколько лучше. Присев на хвост и раскинув крылья, он раскачивался на месте. Его острые когти глубоко вонзились в дощатый пол. И все же он тоже выплескивал на Никс свою панику.

Она поняла, что нужно поскорей успокоить обоих зверей, чтобы они не вырвались из своих стойл и не поранились. Глубоко вздохнув, Никс загудела горлом и грудью, разогревая свой обуздывающий напев и силясь как следует сосредоточиться, чтобы использовать свой дар. Среди подобного хаоса это никак не удавалось. Голос у нее прерывался. Тусклые нити обуздывающего напева распались прежде, чем она сумела ими завладеть.

«Ничего у меня не получается...»

«Пустельга» резко завалилась на борт, взметнувшись высоко вверх. Никс испугалась, что корабль вот-вот перевернется. Пальцы Шийи с болезненной силой сжались, прижимая ее и Джейса еще ниже к настилу.

Тот продолжал держать Никс за руку. Морщился, но глаза его сурово сверкали.

– Помоги им! – крикнул он, мотнув головой в сторону Кальдера и Баашалийи.

Когда она вновь посмотрела на него, в глазах у нее промелькнуло отчаяние.

«Как?»

Джейс, видно, прочел этот вопрос у нее на лице.

– Ты сможешь! Поищи то, что успокоит *тебя*! Поделись этим с ними!

«А что способно успокоить меня?»

Никс крепко зажмурилась, вспоминая те моменты, когда ее охватывал подобный ужас, – которых в последнее время было предостаточно. Но так и не нашла в них ничего утешающего – лишь кровопролитие и потери, – поэтому мысленно вернулась еще дальше назад. С закрытыми глазами было легче погрузиться в прошлое – в то время, когда она была почти слепа. Никс припомнила девочку, которой едва исполнилось шесть лет, – ту, что дрожала в своей постели, натянув одеяло до подбородка, пока невидимый мир гремел и рычал вокруг нее.

«Почти как сейчас».

Тогда, когда хлопали ставни и завывал ветер, в ее комнате появился кто-то еще. Чья-то ладонь легла ей на грудь. Чей-то голос зазвучал в тихой песне, которая каким-то образом утихомирила весь остальной мир. Ее отец пел ей колыбельную, чтобы подавить засевший в ней ужас – заверить ее, что все будет хорошо.

Она почти забыла тот момент, но когда это воспоминание наполнило ее, успокаивая даже сейчас, Никс, сама того не сознавая, вдруг запела эти простые слова – так и не забытые, каждый слог которых глубоко врезался ей в память.

*Пусть буря бушует и волны шумят,
Не бойся, я рядом с тобою...
Покрепче тебя я укрою.*

*Пусть молнии пляшут и гром гремит,
Всегда под моим ты взглядом...
Не плачь, моя детка, не надо!*

*Пускай град стучит и ливень льет,
Я не брошу тебя никогда...
И я буду с тобою всегда.*

Напевая, она наконец сумела сосредоточиться, заякорившись в прошлом, но все еще оставаясь в настоящем. Вплетая в каждую ноту колыбельной мотив обуздывающего напева, Никс стала понемногу выпускать его наружу, наполняя каж-

дую прядь чувством безопасности, уверенностью, звучащей в голосе своего отца, теплом его ладони у себя на сердце.

Она протянула эти засветившиеся под ее мысленным взором нити через трюм, нашла Кальдера и обволокла этими теплыми нитями его вздымающуюся грудь. Позволила им нежно обхватить его охваченное паникой сердце. Другие пряди мягко проникли за его широко раскрытые остекленевшие глаза. Никс бередила его воспоминания, вызывая в воображении времена спокойствия и умиротворенности. Своим напевом высветила и оживила эти воспоминания:

О теплом молоке у него на языке...

О попискивающей куче крошечных братьев и сестер, надежно укрывшихся в изгибе хвоста и брюха...

О брате, бегущем рядом по тропе, о двух неразделимых сердцах...

И наконец, об уютном гнездышке из одеял на мягкой кровати, одном на троих – троих, так долго купающихся в запахах друг друга, что они стали единым целым.

Она почувствовала, как жар в крови у Кальдера угасает, а его сердце замедляет свой бег. Дыхание у него стало ровнее и размеренней. Хотя Никс не позволила ему слишком уж глубоко погрузиться в умиротворенное оцепенение. Ему по-прежнему требовалось оставаться начеку и подбадривать себя, но оставалось надеяться, что сейчас он куда лучше владе-

ет собой, крепче стоит на ногах, настроен более бдительно.

Никс переключила свое внимание на Баашалию, хотя часть ее напева наверняка уже дошла и до него. Тот сторбился, упершись кончиками крыльев в доски, чтобы не упасть. Его глаза, похожие на раскаленные угли, сверкнули на нее в ответ. Он замяукал в ее сторону, простирая к ней собственный напев, слившийся с ее песней. Хотя они все еще находились порознь, это было похоже на теплые объятия.

Она позволила себе погрузиться в них. Окутанная светящимися нитями обуздывающего напева, Никс ощутила, как внешний мир вокруг нее померк. Остались лишь они двое. И хотя она и сама черпала утешение в этих призрачных объятиях, но никак не могла в полной мере поделиться им взамен. В этот момент полной близости Никс обнаружила менее яркие нити, пронизанные беспросветной тоской и отчаянием, таящееся где-то в самой глубине сердца Баашалии. Как и только что с Джейсом, она поняла их значение. Ее крылатый брат всю свою жизнь прожил в окружении себе подобных, постоянно связанный с ними незримыми нитями. Он всегда был частью куда большего целого.

«Но теперь уже нет».

Несколько месяцев назад их корабль вылетел за пределы досягаемости его колонии. Даже всеобъемлющий холодный разум, существовавший как внутри колонии, так и за ее пределами, больше не мог общаться с ним.

«Он здесь совсем один».

Это тоже тревожило ее. Однажды Никс уже потеряла Баашалийю, когда он был намного меньше, но тот огромный разум сохранил сущность ее брата перед смертью и влил ее в его нынешнюю форму, вернув его ей. На таком расстоянии это было уже невозможно.

Эта тревожная нотка истрепала нити ее напева, разрушив окутывающий их безопасный кокон.

Мир вернулся – со всеми своими метаниями и раскачкой, воем и грохотом. Только теперь, вспомнив об уязвимости Баашалийи, Никс почувствовала, как ее страх обостряется вновь. Угроза бушующей за бортами корабля бури приобрела для нее новое значение.

«Я не могу опять потерять его...»

Наверное, Баашалийя ощутил это ее смятение, поскольку его тихое мяуканье переросло в пронзительный писк.

Даже Джейс испуганно дернулся:

– Что это с ним?

– Я не...

И тут она услышала это – донесенное ветром, пронзившее рев бури. Словно кто-то швырнул в них целую тучу кинжалов, пробивших корпус насквозь. Это был обуздывающий напев – только выкованный в виде острых клинков.

У Никс перехватило в горле от неожиданности. Она никогда еще не чувствовала подобной силы – или, по крайней мере, уже долгие месяцы. На миг ей подумалось, что исходит этот напев от великого разума колонии Баашалийи, ка-

ким-то образом преодолевшего огромное расстояние, чтобы добраться до них.

«Но зачем?»

Неведомая сила уже выросла в мощную волну перед ними, заполнив весь мир. Никс съежилась перед ее темной необъятностью, волоски у нее на руках встали дыбом. Теперь она осознала свою ошибку. В то время как разум колонии Баашалийи был холодным и непоколебимым, то, что Никс чувствовала сейчас, было чем-то неистовым и злобным – воплощением ненависти и вражды.

Писк Баашалийи перешел в истощенный визг.

Повернувшись к нему, она увидела, как он бьется в сети огненных нитей. Баашалийя боролся с ними своим собственным напевом, почти полностью утонувшим в этом крике ярости, разрывающем его на части.

«Кто-то пытается обуздать его...»

Никс попыталась встать, чтобы прийти ему на помощь. Рука Шийи еще крепче сжала ее.

– Помоги мне!

Никс обернулась и увидела, что Шийя тоже пытается противостоять нежданному натиску. И только сейчас осознала, насколько вялой себя чувствует. Руки и ноги словно налились свинцом. Рука Джейса выпала из ее ослабевшей хватки. Тот бессильно обмяк в объятиях Шийи, голова его завалилась набок.

«Джейс...»

Зрение Никс сузилось до точки. Тем не менее она ощутила, что Шийя не собирается сдаваться. Бронзовая фигура так и вибрировала от усилий, ее напев был пронизан яростью. Нити Шийи понемногу сплетались в светящийся щит вокруг нее.

Никс проглотила онемение в горле и тоже стала напевать, присоединив свой голос к голосу Шийи. Их напевы какое-то время боролись между собой, а потом пришли к неуверенной гармонии, хотя Никс подозревала, что даже этот успех был обусловлен мастерством Шийи. Еще больше сосредоточившись, Никс удвоила усилия. Щит постепенно становился все крепче, образуя вокруг них защитную оболочку.

Когда они вдвоем раздвинули ее границы, Никс почувствовала, что к ней возвращаются силы. Голос у нее стал тверже. Защитный кокон затвердел и раздулся вширь, отражая натиск неведомых сил.

Надежно укрытый внутри него, Джейс застонал и пошевелился, снова принимая вертикальное положение. Потом потер глаза.

– Что... что случилось?

Никс не могла оторваться от своего напева, чтобы ответить. Она знала, что Джейс не мог видеть ни битву, развернувшуюся в трюме, ни светящийся кокон, прикрывающий их. И все же дураком он не был. Джейс перевел взгляд с нее на Шийю, явно распознавая мотив песни, которую они пели вместе, хотя и неспособный определить необходимость

этого.

Никс бросила взгляд на Баашалийю. Тот продолжал отбиваться, но натиск на него заметно ослаб – неведомые силы теперь сосредоточились на защитной оболочке и навалились на нее еще сильнее. Потом Никс повернулась к Кальдеру, который вроде ничуть не пострадал и выглядел столь же настороженным, что и всегда.

Никс рискнула добавить слова к своему напеву, чтобы донести их до Шийи.

– Кто бы это ни был... Они нацелены на людей на борту!

Словно в доказательство ее слов, «Пустельга» резко клюнула носом. Несколько бочек вырвались из сетки и с грохотом улетели в темноту. Никс и Джейс последовали бы за ними, но Шийя все еще крепко удерживала их.

Никс представила, как все в рулевой рубке уступают этому потустороннему натиску, как совсем недавно Джейс, погруженные в забвение злонамеренным напевом. Она и подумать не могла, что такое возможно. Владеющие даром обуздывающего напева могли достаточно легко повлиять на низших существ, но человеческие умы чересчур уж сложны и многослойны, чтобы их можно было подчинить своей воле. Даже некоторые животные были слишком умны, чтобы успешно сломить их.

– Можем ли мы распространить эту оболочку вокруг всего корабля? Чтобы защитить всех? – пропела Никс Шийи, хотя и подозревала, что это неосуществимо.

Бронзовая женщина подтвердила ее опасения, помотав головой.

Никс поморщилась и указала на винтовую лестницу, поднимающуюся из трюма к верхним палубам.

– Нам надо добраться до рулевой рубки! Накрыть этим щитом всех остальных!

– Я пойду с вами, – встрепенулся Джейс.

– Нет! – Она указала себе за спину. На лбу у нее уже выступили капельки пота от стараний и напевать, и объяснять. – Если мы потеряем корабль, эти спасательные шлюпки – наша единственная надежда. Освободи их от креплений и приготовься открыть кормовые двери!

Джейс кивнул.

– Защита... Если Джейс выйдет за ее пределы... – тоже продолжая напевать, предостерегла Шийя.

Никс уже предвидела эту опасность. Ослабив несколько своих нитей, чтобы дотянуться до Баашалийи, она внушила ему свое намерение.

«Прикрой Джейса!»

Баашалийя уже доказал, что способен отразить это нападение. Ее брат все понял и резко пискнул в ответ, протягивая к Джейсу пучок энергии.

Никс повернулась к своему другу.

– Постарайся продержаться!

К этому времени «Пустельга» уже практически падала носом вниз. Вой ветра перерос в истошный визг. Корабль со-

трясался и дребезжал. Страх обострился до боли в груди.

«Скоро ли мы врежемся в зубы Драконьего хребта?»

Не имея возможности это узнать, Никс отбросила свои страхи и высвободилась из объятий Шийи.

– Пошли!

Глава 11

Райф вцепился в штурвал «Пустельги», покрепче упершись ногами и изо всех сил пытаясь тянуть его на себя, чтобы поднять нос корабля вверх – поскольку тот, высоко задрав корму, безудержно валился к земле. Он уже не раз видел, как это делает Дарант, но штурвал отказывался сдвинуться с места – его выдвигная ось словно намертво застряла в переборке. Впереди, за изогнутой вереницей окон, на него стремительно наваливались зазубренные зубы Драконьего хребта.

С каждым паническим ударом сердца Райф приходил к очередному из бессвязного шквала выводов.

Первым – и самым главным – был такой: «Кто-то должен был научить меня управлять этой треклятой птичкой!»

По обе стороны от него на дощатом настиле рулевой рубки валялись распростертые фигуры. Дарант посапывал прямо у него под ногами, куда пират упал, отвалившись от штурвала.

Вторая мысль...

«Надо быть осторожней в своих желаниях, придурок!»

После долгого заточения на борту «Пустельги», где заняться можно было разве что тем, что выиграть пару-тройку медных монеток у кого-нибудь из матросов, Райфа уже окончательно достали ограниченность пространства, скука

и неотличимо сменяющие друг друга дни под бессолнечным небом. Он уже молился хоть о чем-нибудь, что нарушило бы это однообразие.

«И вот посмотри, к чему это привело...»

Пот холодными ручейками стекал у него по лицу, щипал глаза. Руки болели от борьбы со словно заклиненным намертво штурвалом. Ральф бессильно скривился при виде неминуемой смерти, налетающей на него. В животе у него болезненно сжалось, вызвав к жизни третий вывод.

«Надо было сходить в сортир, прежде чем мы залезли во всю эту свистопляску...»

В данный момент он боролся со своим мочевым пузырем не меньше, чем с бурей. И, как и в случае с битвой в воздухе, был уверен, что проиграет и этот бой. И помощи ждать было неоткуда. Грейлин упал на настил в нескольких шагах от него. Другие члены экипажа бессильно обвисли на всяких второстепенных органах управления – каких-то снабженных ручьятками колесах, похожих на колодезные ворота, и рычагах неизвестного назначения.

Он проклял их всех разом, придя к четвертой и окончательной мысли – и, вероятно, самой последней: «Почему я?»

Райф совершенно не представлял, почему то непонятное колдовство, что поразило всю команду, пощадило его. Когда все вокруг начали шататься и падать, Райф тоже почувствовал, как мир вокруг него вроде как покачнулся. Все перед глазами закружилось, расплываясь по краям, как будто

он выпил несколько кружек дешевого эля. А потом в голове у него вдруг зазвучала какая-то мелодия. И не какая-нибудь там похабная песенка, что куда больше соответствовало бы пьяной спирали его чувств, – это оказалась колыбельная, которую мать так часто напевала ему в детстве. Та была из племени кефра'кай, обитающего в Приоблачье и славящегося своим врожденным даром обуздывающего напева.

Увы – хотя Райфу тоже достался этот дар, тот был лишь бледной тенью материнского, разбавленный гулд'гульской кровью его отца. Тем не менее иногда он улавливал кое-какие намеки на него: замечал пряди золотистых нитей, исходящие от искусного певца, или, что еще реже, вдруг улавливал картинку внутреннего мира какого-нибудь прохожего, вплотную разминувшись с ним. Вероятно, именно это и делало его таким искусным вором. И вот теперь, несколько мгновений назад, когда в голове у него зазвучала колыбельная его матери, она рассеяла мутные миазмы, угрожавшие заглушить его чувства. Все вокруг перестало кружиться.

«Не то что у остальных...»

Когда Дарант упал, Райф сразу бросился к штурвалу – хотя не то чтобы знал, что делать. Когда налетел очередной шквал, ему удавалось разве что не позволить кораблю окончательно завалиться на бок, отчаянно борясь со штурвалом. Но вытащить его из пикирования так и не выходило. Райф не знал, что делает не так, и опасался, что его усилия выровнять корабль лишь ускорят его падение.

За окнами он хорошо видел свою судьбу. Зазубренная вершина пика уже заполняла весь мир и с каждым вдохом становилась все ближе. Казалось, будто «Пустельга» сейчас наколется на него, словно жук на булавку, пронзенная насквозь от носа до кормы.

Чтобы избежать подобной участи, Райф резко вывернул штурвал вправо. Нос «Пустельги» повернулся в том же направлении. Медленно, слишком медленно... Рев ветра превратился в истошное завывание. Железные тросы задрожали от напряжения, сотрясая весь корабль.

«Ну давай же, давай...»

Он молился каждому из богов северного пантеона – и жалел, что не знает заодно и имена всех тридцати трех клашанских божеств. Единственно, не стал упоминать темного бога Дрейка, чьим символом была рогатая гадюка.

«Ну его в задницу... Я скорей умру, чем окажусь у этого демона в долгу!»

Вид за окнами слегка перекосялся. Вершина горы отклонилась в сторону. Губы Райфа сжались в нечто среднее между гримасой и улыбкой. «Молодчина, детка!» К этому моменту он уже практически свесился со штурвала, навалившись на него всем своим телом и пытаясь вогнать корабль в более крутой разворот. Похоже, это сработало. Вершина скользнула еще дальше влево. И все же оставалась слишком уж близко.

«Пустельгу» стремительно несло к скалистому утесу –

сплошь черному и покрытому коркой льда. Свирепые порывы ветра срывали с камня ледяные кристаллы, создавая мерцающую дымку, которую тут же уносил ветер. Это было бы красивое зрелище, не будь оно столь смертоносным.

Летучий корабль нырнул прямо в этот ледяной вихрь, проскочив почти вплотную к зазубренной вершине горы, но ее склон по-прежнему опасно вздымался слева, словно темная волна, застывшая на месте. «Пустельга» заскользила боком вниз по ее склону. За горой открывалась широкая долина, хотя за ней возвышалось еще больше острых вершин.

Но Райфу было сейчас не до них.

Его молитвы превратились в проклятия.

«Может, это сработает лучше».

На миг так и показалось. Склон отлетал все дальше назад. Райф с облегчением выдохнул – пока впереди не показался каменистый выступ, темным гнилым зубом торчащий из склона. Райф опять налег на штурвал, широко расставив ноги и задействовав каждый мускул спины.

Зная, что больше ничего не может сделать, крепко зажмурился.

Жуткий треск сотряс корабль. Райф услышал, как что-то с железным скрежетом оторвалось от него. Он представил, как один из внешних баков для быстропламени слетает со сварных креплений, унося с собой часть корпуса. Вой ветра, ворвавшегося внутрь корабля у него за спиной, подтвердил его опасения.

И все же...

Райф открыл глаза. Гора за стеклами исчезла, сменившись простором ледяной долины.

– Получилось... – выдохнул он, закончив с почти безумным смешком облегчения: – Получилось!

Но быстро протрезвел, зная, что это лишь кратковременная отсрочка от смерти. Корабль продолжал валиться носом вниз ко дну долины. Райф оглянулся назад – туда, где завывал ветер, где буря бушевала уже внутри корабля.

«Наверное, все-таки стоило добавить Дрейка к своим молитвам...»

И стоило ему обернуться, как дверь рулевой рубки с грохотом распахнулась и в помещение словно ворвались ослепительные солнечные лучи. Райф ахнул, отпустив штурвал. Поднял руку и заморгал, почти ослепленный ярким светом, пока наконец не распознал знакомую золотистую дымку.

«Обуздывающий напев...»

Для того чтобы тот сиял у него перед глазами так ярко, сила, стоящая за этим напевом, должна была быть просто невероятной. Через миг появились и те, от кого тот исходил, бросившись вперед.

Шийя и Никс поспешили к Райфу, почти съезжая по наклонившемуся настилу. Их сияние огненным шаром распространялось вокруг них, достигая стен – а может, и дальше, но в силу слабости своего дара видеть он его уже не мог.

Райф не сумел обрести дар речи даже для того, что-

бы задать вопрос. Все остальные вокруг него зашевелились на досках, быстро пробуждаясь от колдовства. Чья-то рука схватила его за лодыжку, затем другая – за икру. Он посмотрел вниз – прямо по его телу взбирался Дарант, только что валявшийся без чувств у него под ногами. Замешательство на лице у пирата сменилось яростью.

Резко выпрямившись, Дарант бесцеремонно отпихнул Райфа в сторону. Обрадованный освобождением от вынужденной вахты, тот с готовностью отшатнулся – только для того, чтобы споткнуться о ногу еще одного просыпающегося члена экипажа, – и тяжело упал на спину. Дарант сразу же схватился за штурвал и, казалось, оценил обстановку одним-единственным взглядом – естественно, никакой пират долго не прожил бы, если б не был всегда готов к внезапному удару мечом в спину.

– Что ты сделал с моим кораблем? – взревел Дарант, взмахом руки приказывая остальным занять свои места.

Райф пожал плечами:

– Подумал вот: поиграю-ка в капитана, пока вы все тут решили вздремнуть...

Грейлин бросился к плечу Даранта:

– Нам нужно подняться повыше, пока не кончилась эта долина!

– Я вижу эти горы впереди не хуже тебя, – проворчал Дарант. – Просто сначала нужно задрать нос.

Переступив с ноги на ногу, пират просунул носок сапога

куда-то под штурвальную стойку и нажал на педаль у самого пола, после чего потянул за рулевое колесо, и застрявший было вал плавно выскользнул из втулок. Нос корабля полез вверх, пол начал выравниваться.

Все еще лежа на спине, Райф оперся на локоть, заглянул под штурвал и застонал.

«Ага, да тут еще и педаль... Кто-то должен был рассказать мне про такие хитрости!»

Дарант проревел остальным:

– Разжечь кормовую горелку! Будем уносить отсюда свои задницы!

Никс отступила в сторону от Грейлина, когда рыцарь потечески двинулся к ней, и указала за окно.

– Быстрее! Там что-то есть и приближается к нам!

Глава 12

Никс держалась поближе к Шийе – на случай если той понадобится ее голос. На данный момент натиск на корабль ослаб, хотя угроза оставалась. Она чувствовала, как пучки этой темной энергии скользят по светящемуся щиту Шийи, прощупывая его.

Никс уставилась на бушующую за окнами бурю. «Похоже, испускающих эту энергию насторожило то, с чем они вдруг столкнулись».

Поскольку потусторонняя атака теперь сосредоточилась на Шийе, большая часть экипажа корабля пробудилась от дремоты. В рулевой рубке зазвучали отрывистые приказы, доносящиеся через возвещатель до остальной части корабля.

Никс держала одну руку на плече Шийи, используя ее бронзовую фигуру как якорь в шторм. «Пустельга» продолжала содрогаться и раскачиваться, с трудом пробираясь сквозь завывающий ветер. Никс глянула за окно, высматривая источник обуздывающего напева. Хотя натиск ослаб, она по-прежнему ощущала некую темную силу снаружи, подобную грозovým тучам, громоздящимся на горизонте.

«И мы направляемся прямо к ней...»

Окончательно стряхнув с себя сонливость, Дарант силился поднять «Пустельгу» как можно выше, чтобы преодолеть

горную цепь за широкой долиной. К этому времени они уже практически преодолели Дракониий хребет. Лишь несколько зазубренных скалистых зубцов все еще преграждали им путь.

Грейлин так и прилип к плечу разбойника.

– Пожалуй, нам стоит прислушаться к Никс и отвернуть от того, что там находится... Попробуй нацелиться на юг или на север.

На сей раз Никс согласилась с рыцарем.

Но Даранта было не так-то легко поколебать.

– Наш корпус по правому борту полностью выпотрошен. Мы принимаем холодный ветер быстрее, чем наши угольные печки успевают его нагреть. Мне нужно найти место для посадки и быстро залатать эту пробоину, иначе мы замерзнем до смерти. На данный момент нам хоть немного поддувает в корму, и мне понадобится любая помощь, которую боги смогут нам оказать.

Фенн доложил со своего судонаправительского поста, склонившись над дальнимоскопом:

– Впереди, сразу за горами, небо застилает густой ледяной туман. Вероятно, взбитый смесью теплых и холодных ветров.

Никс прищурилась, вглядываясь в открывающийся за стеклами рубки вид. Высоко в небе над последними вершинами по-прежнему мерцали звезды, но ближе к горизонту серая дымка полностью размывала их призрачный блеск. Похоже, холодный туман вздымался выше, чем могла под-

няться «Пустельга». По рукам у Никс пробежали мурашки.

«Нам нельзя туда соваться...»

Она открыла было рот, чтобы высказать это вслух, когда дверь рулевой рубки за ними с грохотом распахнулась. В комнату ворвался холод, сопровождаемый глухим ревом ветра в нижней части корабля. В рубку быстро вошли Хиск и Брейль, закутанные в меховые шубы. Губы седовласого механика были почти синими. Дочь Даранта плечом закрыла дверь и все с тем же хмурым видом, который, казалось, навеки застыл у нее на лице, повернулась к остальным.

– Такую дырищу в воздухе не заделаешь, – доложил Хиск. – В результате столкновения вырвало целую каюту вместе с большим углом камбуза, который унес с собой одну из наших печек.

Брейль шагнула вперед, стряхивая лед со своих темных косичек. Лицо у нее было столь же мрачным, как и ее отчет.

– Мы недосчитались двух матросов – Грисса и Пайла. По словам Викас, старшины абордажной команды, эти двое направились в камбуз, чтобы погреть свои задницы после вахты на палубе.

Она позволила всем представить, как все это могло произойти. Если эти двое матросов заснули рядом с горячей печкой, то в момент столкновения со скалой явно не сумели спастись.

Дарант бросил вызывающий взгляд на Грейлина, словно спрашивая: «Ну что, опять предложишь отвернуть в сторо-

ну?» Тот просто скрестил руки на груди, не принимая этот вызов.

Никс отпустила Шийю и придвинулась ближе.

– Что бы там ни напало на нас, оно прячется в этом ледяном тумане.

– Ты уверена? – спросил Грейлин.

Никс отбросила все свои чувства, настраиваясь на энергию обуздывающего напева.

– Это... это похоже на какую-то черную порчу, притаившуюся в темном тумане!

Все взгляды обратились к протянувшимся по передней части рубки окнам. Во время этого короткого обмена репликами «Пустельга» успела подняться над самым западным рядом вершин. Под ее килем проскользнули последние скалистые утесы. Штормовой ветер быстро стих, ослабев до отдельных порывов. Летучий корабль возобновил свой плавный полет.

Туман впереди накрыл собой весь мир. Сплошная полоса его поднималась к звездам и без единого разрыва простиралась с юга на север.

– Нельзя нам туда соваться! – настойчиво произнесла Никс, наконец озвучив засевшую в голове мысль.

– Ничего не остается, малышка, – отозвался Дарант. – Мне нужно место для посадки. И как можно скорей. Остается лишь надеяться, что туман будет скрывать нас достаточно долго, чтобы найти подходящее место... – Он прижался

губами к рупору возвещателя: – Всему экипажу: через четверть колокола летим в полной тишине. Если после этого кто-нибудь хоть слово вякнет, я вырву ему язык!

Никс бросила на пирата обеспокоенный взгляд, который он заметил, но проигнорировал.

Грейлин придвинулся ближе. Глянул на Шийю, затем снова на Никс.

– У тебя есть какие-нибудь мысли о том, что там происходит – или когда они возобновят свою атаку?

Она покачала головой. Шийя продолжала поддерживать свечение обуздывающего напева вокруг рулевой рубки. Тот струился вдоль стен, как будто корабль горел в золотом огне. И только тут Никс поняла, что натиск на корабль полностью прекратился. Все стихло, как будто враг решил перенять стратегию Даранта.

– Они остановились, – прошептала Никс. – По крайней мере, на данный момент.

– А может, и отступили, – с надеждой предположил Дарант. – Решили, что мы им не по зубам.

– Нет, – заверила она его. – Они выжидают подходящего момента.

– Какого? – спросил Грейлин.

– Да вот этого.

«Пустельга» скользнула в кромку тумана. Мир вокруг них исчез. Как только это произошло, ветер тоже почти окончательно стих. Даже отдельные порывы, прорывающиеся в про-

бою в корпусе, стали звучать приглушенно. На корабле воцарилась тревожная тишина.

Даранту не требовалось повторять свой приказ – все всё и так понимали.

Никс шепотом напомнила собравшимся в рубке:

– Они где-то тут.

Глава 13

Полколокола спустя Никс вновь оказалась рядом с Шийей. Вняв совету Никс, бронзовая женщина позволила своей песне затихнуть. Никс боялась, что сияние щита Шийи станет путеводным маяком в этом тумане.

С другой стороны от Шийи бдел Райф.

Никто не осмеливался заговорить.

Грейлин повернулся и пристально посмотрел на Никс, в глазах его легко читался безмолвный вопрос: «Чувствуешь что-нибудь?»

Она слегка покачала головой. Ее рука потянулась к локтю Шийи. Если на них опять нападут, им обоим придется действовать быстро. И все же ожидание уже затянулось до предела. Дыхание Никс становилось все тяжелее. Напрягая глаза, она вглядывалась в безликий туман. Ее желудок ощутил еще одно покачивание корабля.

Стоя за штурвалом, Дарант медленно разворачивал «Пустельгу», опуская их по спирали все ниже и ниже. Слепленный туманом, он не осмеливался двигаться быстрее. Фенн наблюдал за обстановкой под килем через свои дальноскопы. Но казалось, будто весь мир полностью исчез.

Никс переступила с ноги на ногу. К этому времени ее зрение уже привыкло к полумраку. Туман слабо мерцал в лунном свете. Когда они забрались в самую его глубину, стекла

рубки покрылись мелкими капельками влаги, затрудняющими обзор. Никс вытерла такие же капельки пота у себя со лба. И хмуро посмотрела на свои влажные пальцы.

«Что-то тут не так...»

Отпустив Шийю, она прошла справа от Даранта, протянула руку и приложила ладонь к алхимически закаленному стеклу.

Пират недоуменно уставился на нее, тихо прошепел:

– Да ты что, малышка?

Никс повернулась к нему, и ее голос прозвучал еле слышным шепотом:

– Оно теплое!

Дарант вытянул руку и положил свою ладонь рядом с ее пальцами. Брови у него взлетели на лоб. Голос от удивления прозвучал слишком уж громко:

– Она права!

Никс отодвинулась от окна. Ее понимание внешнего мира полностью изменилось.

– Никакой это не ледяной туман. Это вообще не туман. – Она повернулась к остальным. – Это *пар*!

Грейлин сунулся вперед, чтобы проверить ее слова, – что разозлило Никс.

«Почему он просто не может верить мне на слово?»

Фенн тихо заговорил со своего места, не отрывая глаз от дальноскопа:

– Похоже, под нами какой-то чудовищный источник теп-

ла.

– И мы опускаемся прямо на него! – простонал Райф.

Другие члены экипажа тоже собрались у окон. Опасаясь того, что их ожидает, все устремили взгляды вниз.

За исключением Шийи.

– Берегитесь! – предупредила та резким, звенящим голо- сом, задрав голову к потолку, как будто ее взгляд мог прон- зить крышу рубки насквозь. – Они приближаются!

И тут Никс тоже это почувствовала. Едва только они во- шли в скопление пара, как она сразу ощутила источник силы, то убывающей, то накатывающей сквозь туман. До сих пор тот держался на осторожном расстоянии, но теперь неукро- тимо надвигался на них сверху, подобно темной волне, на- катывающей на тонущий плот.

Никс поспешила к Шийе, уже делая на бегу глубокий вдох. Та выгнула спину и запела – голос ее был столь же твердым и ярким, как бронза ее кожи. Нити обуздывающего напева быстро сплетались, вновь образуя светящийся щит. Никс добавила к нему свой голос, отчаянно силясь сосре- доточиться, поскольку сердце у нее колотилось уже где-то в горле.

Она быстро подстроилась к Шийе, поддерживая ее уси- лия. Вместе они расширили свою защитную сферу до самых стен. Золотой огонь вновь укрыл всех, кто находился в ру- левой рубке. Никс крепко сжала кулак, собираясь с духом в ожидании нападения – того момента, когда эти темные ко-

пья враждебного обуздывающего напева ударят в их щит.

Но опасность заключалась не в этом.

Грейлин, ахнув, отшатнулся от окна. Перед носом корабля пронеслась огромная темная тень, исчезнув где-то под ними. Никс мельком углядела остроконечные перепончатые крылья. При их виде кровь застыла у нее в жилах. Ее напев споткнулся, обтрепав края пылающего щита.

«Этого просто не может быть...»

Затем в поле зрения появилась еще одна тень, на миг зависшая в воздухе, прежде чем захлопать огромными крыльями и взмыть высоко вверх. Отрицать очевидное было невозможно. Силуэт был косматым, с более коротким хвостом, но все они узнали это существо.

– Это летучая мышь... – потрясенно пробормотал Райф. – Такая же, как Баашалийя.

Никс знала, что вор ошибается.

«Совсем не такая же, как Баашалийя».

Еще больше теней промелькнуло за окнами, проскальзывая сквозь серую мглу, едва различимых сквозь пелену пара. Пока что держались они довольно высоко.

– Что они делают? – спросил Райф, придвигаясь к Шийе.

Ответ пришел, когда корабль сильно содрогнулся, на миг выровнялся, а затем содрогнулся опять. Стальные тросы наверху застонали и задрезбезжали.

– Они пытаются повредить наш летучий пузырь! – выкрикнул Дарант. – Хотят разорвать его!

Никс вытянула шею, глядя вверх. Она знала, что летучие корабли, подобные «Пустельге», строились как боевые – хоть и более быстрые и маневренные, чем гигантские линейные. Чтобы противостоять атакам противника, их пузыри с летучим газом были разделены на независимые друг от друга отсеки. Газовый пузырь летучего корабля способен получить сразу несколько пробоин и все равно сохранять свою подъемную силу. Но все-таки есть пределы тому, какой ущерб он может выдержать.

– Держитесь крепче! – заорал Дарант, толкая штурвал от себя.

Нос корабля опустился, отправив его в крутое пике. Ноги у Никс заскользили, и она ухватилась за Шийю, чтобы удержаться. Напев застрял у нее в горле, но бронзовая женщина делала все возможное, чтобы сохранить защитный кокон. Никс отбросила все свои чувства, борясь с огненной ненавистью, струящейся сквозь пар. До сих пор эта сила оставалась снаружи, а не обрушивалась на корабль.

«Может, предыдущее нападение исчерпало большую часть их обуздывающей энергии, не оставив им другого выбора, кроме как атаковать физически?»

Дарант крутнул штурвал, направляя их спуск по более крутой спирали. Внезапный маневр отбросил Никс в сторону. Рука Шийи вырвалась у нее из пальцев, но Райф поймал ее и притянул обратно, и сам при этом крепко держась за бронзовую женщину.

– Вы можете отвадить их? – едва выговорил он, с трудом переводя дыхание и обращаясь к Никс и Шийе одновременно. – Убедить их, что мы не желаем им зла?

Никс уставилась вверх.

Ответила ему Шийя:

– Они не станут слушать.

Никс знала, что бронзовая женщина права. Колония там, снаружи, могла быть отдаленно родственна колонии Баашалийи, но что-то исказило ее. Она не ощущала ничего похожего на холодную пронизательность болотного клана. То, что проносилось сейчас по небу, было диким, необузданным, но явно еще хитрым и коварным – что наглядно продемонстрировала устроенная этими тварями засада.

Несмотря на усилия Даранта стряхнуть с хвоста обрушившуюся на них стаю, корабль продолжал дрожать и раскачиваться. Никс могла поклясться, что услышала, как рвется ткань, когда еще одна часть летучего пузыря была разорвана острыми когтями.

«Так мы долго не протянем...»

Грейлин высказал то же самое вслух, склонив голову к Даранту:

– Это безнадежно! Надо уходить к шлюпкам! И молиться, что кораблики поменьше сумеют ускользнуть от этой орды.

Никс ожидала, что Дарант – который очень гордился способностями «Пустельги» и своим собственным мастерством – станет возражать, но ошиблась.

– Займись этим! – Дарант бросил взгляды вправо и влево – на вспомогательные посты, на своих дочерей. – Глейс, Брейль – отведите Никс и остальных к шлюпкам! Найдите где спрятаться в этом паровом облаке!

Глейс шагнула к нему:

– Отец...

Он махнул рукой в сторону двери.

– Иди! Я пока не собираюсь отказываться от «Пустельги».

Дарант решительно отвернулся, отвергая все доводы своих дочерей. Всегда послушные отцу, обе женщины приблизились к Никс и остальным. На лицах у них застыла озабоченность.

– Я оставила там Джейса, – сообщила Никс, когда пара подошла к ним. – Он уже должен был подготовить шлюпки.

Дарант позади них выкрикивал приказы через рупор возвещателя, распределяя задания. Обернувшись, он крикнул им, когда они уж направлялись к двери:

– Как только покинете корабль, быстро валитесь вниз! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы отвлечь этих тварей!

Никс ахнула, когда ее голову вдруг словно обожгло огнем. Волоски на коже встали дыбом. Она оглянулась, когда в поле зрения промелькнул огромный силуэт, который с оглушительным хрустом ударился в окно рубки. Закаленное стекло треснуло. Летучая мышь примостилась там, глубоко вонзив когти в доски носовой палубы. Крылья ее молотили по кораблю. Уши мыши были плотно прижаты к черепу, а клыки

скрежетали по стеклу, оставляя на нем потеки яда. Однако глаза, похожие на черные бриллианты, так ни разу и не дрогнули. Они смотрели прямо на Никс, следя за ней, когда она убегала вместе с остальными. На миг Никс почувствовала, что разум орды видит ее насквозь. Холодная злоба вонзилась ей прямо в череп, принеся с собой единственную мысль – без слов, одно лишь намерение.

Но достаточно ясное.

Мы ломаем тебя...

Глава 14

Пригнувшись в трюме «Пустельги», Грейлин схватил Никс за руку. Страх железом сковал его пальцы. Остальные уже поднялись на борт двух шлюпок. Закутанная в толстую шубу, Никс стояла рядом с Баашалией у подножия трапа своего суденышка. Она до последнего момента хотела остаться рядом со своим братом.

– Давай тоже залезай! – приказал ей Грейлин.

Даже укрывшись за шлюпкой, он был вынужден кричать. Массивная кормовая дверь «Пустельги» была опущена плашмя и торчала из корабля, словно высунутый язык, уткнувшись в насыщенную паром темноту. Рыцарь следил за небом, пока корабль по спирали погружался все глубже в туман. В воздухе тревожно воняло серой. После столь долгого пребывания на холоде тепло, проникавшее в корабль, казалось угнетающим.

– Ну давай же! – поторопил ее Грейлин.

Никс положила ладонь на щеку Баашалии и оглянулась.

– Мы точно не можем взять его с собой? Там ведь есть место.

– Вряд ли, и мы уже это обсуждали. Ему будет лучше самому по себе, и он может последовать за нами вниз. Баашалия явно гораздо проворней любой шлюпки. Если кто-то и способен спастись от этих монстров, так это он.

Она вздохнула и прислонилась лбом к склоненной голове брата, прощаясь с ним напоследок.

Глухой к обуздывающему напеву, Грейлин представил себе энергию, перетекающую сейчас между ними в обе стороны. В этот момент Никс была так похожа на Марайну... Нежность на лице, сталь в глазах, даже нотка ярости в поджатых губах... Все это кольнуло его прямо в сердце. Рыцарь молился, чтобы ему удалось позаботиться о ней лучше, чем о ее матери – женщине, которую он любил больше, чем свое собственное положение при дворе, свою клятву на крови, свою собственную жизнь. И все же Марайна погибла в болотах Мирра. Как ни крути, Грейлин подвел ее, бросив в тщетной попытке отвести от нее брошенных за ней в погоню королевских воинов.

Когда Никс выпрямилась, он поискал в ее лице черты, которые походили бы на его собственные, но видел в ней одну лишь Марайну. Никс могла быть его ребенком, но Грейлин не мог знать этого наверняка. Он делил с Марайной постель – воспоминания о чем навсегда запечатлелись в его сердце, – но точно так же поступал и другой мужчина, которому она была насильно отдана. Марайна выросла среди рабов и рабынь для утех в дворцовом павильоне короля Торанта, став самым любимым сокровищем монарха. Король запретил любым другим мужчинам даже прикасаться к ней.

Но Грейлин нарушил клятву и вторгся туда, куда не следовало, принеся всем гибель. Чувство вины стало такой же

неотъемлемой частью его личности, как шрамы и плохо сросшиеся кости. И все же боги даровали ему некоторое отпущение грехов.

Он пристально посмотрел на молодую женщину, стоящую перед ним. Ему было все равно, его она дочь или нет, – имело значение лишь то, что Никс была дочерью Марайны. Грейлин дорожил даже этой маленькой частичкой женщины, которую когда-то любил.

Баашалия наконец отступил от трапа, распутив крылья. Никс посмотрела ему вслед с выражением боли на лице.

– Будь осторожен! Держись к нам поближе!

Уладив все дела, Грейлин загнал Никс в маленький трюм летучей шлюпки. Потом глянул на другую. На глазах у него ее кормовая дверь захлопнулась. Райф и Шийя уже находились внутри. Огромный вес бронзовой женщины ограничивал число членов экипажа, которых эта шлюпка могла принять. Управляла ею дочь Даранта Глейс. Единственными, кто еще находился на борту, были механик Хиск и пара братьев-пиратов, Перде и Херль.

Брейль крикнула от штурвала шлюпки Грейлина:

– Закрывай! Моя сестра готова к запуску!

Скривившись, рыцарь бросился внутрь и схватился за рукоятку у самого выхода. Используя всю силу своих плеч, стал крутить ее круг за кругом. Кормовая дверь стала медленно подниматься у него за спиной.

Едва оказавшись внутри, Никс подошла к Джейсу и Край-

шу. Те вдвоем притащили на борт ящик с наспех упакованными книгами – фолиантами явно слишком ценными, чтобы оставлять их на «Пустельге». Грейлина подобные соображения ничуть не волновали. По крайней мере, из этих томов получилась бы отличная растопка для костра.

Над плечом у стоящей перед штурвалом Брейль склонялся Фенн. Судонаправитель жестикулировал и что-то быстро говорил – вероятно, планируя их спуск. Над ними нависала старшина абордажной команды Викас – женщина на голову выше Грейлина и вдвое крупней его, мускулистая и мрачная, закованная в кожаные доспехи. Вооружена она была широким мечом – таким длинным, что его приходилось прятать в ножны за спиной.

Сюда могло бы втиснуться и больше седоков, даже учитывая внушительные габариты Кальдера, но остальная часть экипажа, человек восемь или девять, предпочла остаться на корабле, чтобы помочь Даранту спасти его. Все понимали, что их единственная надежда завершить путешествие – а может, и даже вернуться домой – зависит от судьбы «Пустельги».

В конце концов Брейль оттолкнула Фенна локтем, рывкнув на него:

– Хватит уже с меня поучений! Сама знаю, что делать!

Грейлин понял, что ее гнев направлен отнюдь не на судонаправителя – Брейль раздражала необходимость бросить своего отца. Тем не менее сестры были лучшими рулевыми

на борту «Пустельги» – возможно, даже поискусней Даранта.
«Нам требуется их мастерство».

Джейс вдруг вскрикнул и отпрянул назад, указывая на изогнутые стекла рубки.

– Они нашли нас!

Грейлин обернулся, чтобы посмотреть, что так испугало молодого человека. Перед открытым проемом шлюпочного отсека сквозь густой туман пронеслась пара теней. До сих пор звери терзали газовый баллон и верхнюю палубу, не обращая внимания на нижнюю часть корпуса с кормы.

Теперь уже нет.

Одна тень перевернулась в воздухе и нырнула вниз, приземлившись на откинутую кормовую дверь «Пустельги». Когти заскользили по доскам. Кожистые крылья гигантской летучей мыши были высоко подняты, голова опущена. Тварь зашипела, обнажив зубы, явно настороженная необычным нутром корабля. От одного ее размера – вдвое крупнее буйвола – у всех перехватило дыхание.

– Сброс! – выдохнул Грейлин. Они не могли рисковать тем, что огромное существо повредит хотя бы одну из шлюпок. Надо было срочно покидать корабль, пока зверь не сориентировался в происходящем.

На борту другой шлюпки тоже это поняли.

Слева раздался громкий лязг, и второе суденышко стрелой выскочило с кормы «Пустельги» далеко в туман, почти исчезнув из виду. И в этот момент над корпусом ее надул-

ся маленький летучий пузырь, туго натянув тросы и поймав шлюпку, прежде чем та начала падать. Из ее кормовой горелки вырвались струи алхимического огня, унося беглецов под покров тумана.

Испуганная вспышкой пламени, огромная летучая мышь метнулась в сторону. Теперь она преграждала путь оставшимся. Огненные глаза обратились к их шлюпке. С оглушительным визгом мышь бросилась на них, растопырив когти.

– Летим! – выкрикнул Джейс.

Брейль сдержалась и правильно сделала, озвучив свои тревоги:

– Если эта тварь прорвется к нашему свернутому газовому пузырю...

Грейлин все понял. «Лучше оказаться в ловушке на борту “Пустельги”, чем рисковать смертельно опасным снижением на поврежденной шлюпке».

Никс застонала, выбросив руку вверх:

– Нет!

Грейлин нахмурился, сбитый с толку, – а затем над крышей шлюпки промелькнула какая-то тень.

Рука Никс свинцово опустилась.

– Баашалийя, нет...

Ее брат бросился на огромного захватчика, нанеся тому сильный удар. Оба кувыркнулись и отлетели в сторону. Его враг кричал и метался, застигнутый врасплох неожиданным нападением. Несмотря на разницу в размерах, Баашалийя

прогнал зверя с кормовой двери. Пара отпрянула, сцепившись и хлеща друг друга крыльями, а затем исчезла в густом тумане.

Никс упала на колени.

– Нет...

Брейль не стала ждать.

– Держитесь как следует!

Все схватились за висячие кожаные петли. Грейлин бросил рукоять лебедки люка и тоже вцепился в одну из них. Кормовая дверь шлюпки оставалась еще на четверть приоткрытой, но с этим уже ничего нельзя было поделать. Они не осмеливались ждать ни секунды.

Брейль потянула за рычаг, и шлюпка, подталкиваемая пусковыми тросами, рванула вперед и вылетела из «Пустельги». Грейлин потерял равновесие, едва не выпустив петлю. Кальдер заскользил на лапах по полу, наткнувшись на него. Никс, которая все еще стояла на коленях, опрокинулась было назад, но Джейс схватил ее за шиворот и удержал на месте.

Желудок у Грейлина подкатил к горлу, когда выброшенная из кормового порта «Пустельги» шлюпка ухнула вниз. Брейль явно хотела оказаться подальше от корабля – и от того, что проносилось сквозь эти туманы. А потом над головами у всех негромко хлопнуло. Грейлин представил, как над ними туго надувается пузырь с летучим газом. Падение шлюпки сразу же прекратилось – так резко, что его пальцы вырвало из кожаной петли.

Кое-как удержавшись на ногах, он повернулся, чтобы взглянуть в щель в кормовой двери, мельком увидев «Пустельгу», которую тут же поглотил туман. Тени погнались было за шлюпкой, но потом и они исчезли.

Брейль разожгла кормовую горелку. В окружающие их облака пара вырвалась синевато-оранжевая вспышка. Горелка немного поплевалась, а затем за ней с ревом вытянулось ровное пламя. Шлюпка теперь мчалась быстрее, удаляясь неизвестно куда.

Никс неуверенно встала и, спотыкаясь, направилась к Грейлину, все стоявшему у двери.

– Баашалийя?..

Грейлин оглядел небо.

– Я его не вижу.

Она присоединилась к нему, даже позволив обнять себя. Никс вся дрожала, выглядывая наружу.

Грейлин еще крепче сжал ей руку:

– Он найдет дорогу к нам.

Следующие слова Никс были произнесены шепотом:

– Но куда мы направляемся?

В трюме воцарилась тишина, все погрузились в свои собственные мысли. Затем шлюпка резко отвернула влево, отчего Грейлина и Никс отбросило в сторону.

Брейль за штурвалом ругнулась. Фенн ахнул.

Грейлин обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как шлюпка в самый последний момент отворачивает от ле-

дяного утеса, который заполнял мир с правой стороны. С его склона бесчисленными каскадами струилась темно-синяя талая вода. Рыцарь направился к штурвалу, увлекая с собой остальных.

– Ничего не понимаю, – произнес он. – Мы вернулись к границам Драконьего хребта?

– Это совершенно исключено. – Фенн наклонился ближе к окну. – Я достаточно опытный судонаправитель, чтобы даже в этом паровом мешке понять, что это не так. Эта стена из льда... – Он оглянулся на остальных. – По-моему, мы могли попасть в какую-то огромную щель или трещину в Ледяном Щите.

Джейс поежился:

– Может, нам вернуться назад и попытаться выбраться из нее?

Фенн поднял взгляд:

– Я даже верхушки не вижу.

– Пути назад нет, – заявила Брейль. – Мы израсходуем все наши запасы быстропламени, силясь подняться обратно. И все мы знаем, что ждет нас там, наверху.

Крайш, который тоже присоединился к ним, указал вниз.

– То, что лежит там под нами, наверняка и является источником этого пара. Когда мы перевалили через горы, длина этой туманной полосы была весьма впечатляющей – она простиралась по меньшей мере на сотню лиг с севера на юг. И никто не знает, насколько широкой может оказаться. Если

это и вправду какая-то трещина во льду, то она должна быть просто-таки колоссальной.

– Тогда что же нам делать? – спросил Джейс.

– Продолжим спуск, – отозвался Грейлин. – Как и сказала Брейль. У этой трещины должно быть дно.

Джейс пожал плечами:

– Если так, то, думаю, там, по крайней мере, будет тепло.

Никс не обращала внимания на ледяной утес. Ее взгляд оставался устремленным ввысь, а мысли было легко прочесть, равно как и ее страх.

Грейлин положил ей руку на плечо, вновь успокаивая ее. Это было все, что он мог сделать.

– Он найдет нас.

Никс просто повторила свои предыдущие слова:

– Но куда мы направляемся?

Грейлин посмотрел вниз, в затянутые паром глубины пропасти.

«Хотел бы я знать...»

Рааш'ке, обитающие
на Ледяном Щите
Иллюстра из архивов

Часть IV

Запретное око

Мало что, кроме слухов, известно о Кодексе Бездны, теневой библиотеке Дреи'ри. Поговаривают, будто те, кто хотя бы одним глазком видел ее, были ослеплены. Тем, кто поминает о ней вслух, отрезают языки. А те, кто осмелится вторгнуться туда, будут самым безжалостным образом выпотрошены. И лишь одна истина не подлежит сомнению: ужасающая мудрость, кою можно там сыскать, является таким же оружием, как и любой меч.

Из «Страданий Южного Клаша» Герайи хи Роста, который семь лет спустя и сам пережил все злосчастья, упомянутые выше, – его изуродованное тело извлекли из заброшенной соляной шахты в окрестностях города Казен

Глава 15

Когда по дворцу разнесся второй колокол Вечери, Канте с облегчением погрузился в исходящую паром каменную ванну. В воду были добавлены успокаивающие соли и прочие алхимические вещества, а также благовония. Принц не знал, поможет ли что-нибудь из этого исцелить его раны, – ощу-

тил лишь, как соль сразу же обожгла все царапины и порезы, полученные во время стычки с неизвестными налетчиками.

И все же он с гримасой опускался все ниже, пока над водой не осталось только его лицо, глядя на десятки масляных фонарей, висящих над головой, – все они жарко горели, отбрасывая мерцающие лучи сквозь звездообразные отверстия в жести. Канте прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

После событий дня их с Рами так раздражающе долго допрашивали советники императора – троица старейшин с суровыми лицами, – что довели обоих до полного изнеможения. Эти трое вытянули из молодых людей все до единой подробности нападения, не предложив никаких сведений взамен. Точно такому же строгому допросу подверглись каждый из солдат, лучников и гвардейцев, хотя и с куда меньшим почтением. Несколько человек наградили серебряными венками за проявленную храбрость, а других выбрали и увели куда-то, нацелив на них острия мечей. Начальника стражи наверняка казнили бы за то, что он позволил венценосной процессии попасть в засаду, но этот человек погиб при взрыве – что, вероятно, оказалось для него подарком судьбы. Его смерть явно была гораздо менее мучительной, чем то, что ожидало бы его здесь, в императорских подземельях.

Примечательно, что сама Аалийя на слушаниях отсутствовала. Как только их боевой фургон достиг дворцовой цитадели, ее поспешно куда-то увели вместе с ее оставшимся в живых чаенами. Даже сейчас, в ванне, Канте все никак

не мог выбросить из головы ярость на ее лице, направленную на него, – как будто это он был во всем виноват.

Хлопок двери эхом разнесся по выложенной плиткой ванной комнате. Канте со стоном выпрямился. Вошел Пратик в сопровождении Фрелля хи Млагифора, алхимика из бывшей школы Канте. Взгляды обоих мужчин остановились на нем. Судя по выражениям их лиц, расспросы на сегодняшний день еще не закончились.

Фрелль остановился на краю широкой ванны, уперев руки в бока и башней возвышаясь над Канте. На нем было его обычное одеяние алхимика – перетянутая широким поясом черная мантия. Дополнял этот наряд лишь серебряный обруч, который венчал его темно-рыжие волосы, заплетенные в спадающую на плечо косичку. С сияющего обруча свисала тонкая вуаль – более прозрачная, чем у обычной биор-га для низших каст. Это обозначало Фрелля как одного из Раскованных, чужеземца в этих землях. Вуаль была в данное время сдвинута в сторону, открывая суровый хмурый взгляд – обычное выражение лица алхимика, с которым он всегда посматривал на Канте, своего бывшего ученика.

– Похоже, злосчастья притягиваются к тебе столь же верно, как мухи к дерьму, – заметил Фрелль.

Канте устало хмыкнул:

– А в этом сравнении я муха или дерьмо?

– На самом деле не то и не другое, – вмешался Пратик. – Я подозреваю, что утренняя засада не имела к тебе никакого

отношения, принц Канте. Они явно охотились за принцессой.

– Это был довольно наглый удар, – признал Фрелль. – Будучи единственной дочерью императора, она стала бы добычей куда ценней всех прочих.

– То есть если б налетчикам это удалось, – добавил Прастик. – Неудавшаяся попытка завладеть ею стоила им восемнадцати человек.

– Но кому это «им»? – спросил Канте.

Прастик нахмурился:

– Судя по глазам нападавшего в белой маске, это, несомненно, были члены Шайн'ра, что означает «Кулак Бога» – фракции воинствующих еретиков, что терроризируют Южный Клаш вот уже более столетия. Хотя в последнее время они явно обнаглели.

Канте представил себе их главаря, стоящего на улице – и совершенно не уstraшенного неудачей своей засады.

– Но чего они хотят?

– Посеять хаос и раздор. С конечной целью положить конец правлению клашанских богов-императоров и вернуть богатства этой земли ее народу. – Фрелль презрительно фыркнул. – Или, что более вероятно, просто свергнуть Хэшана и занять его место. История изобилует такими борцами, которые отстаивают свободу, но в конце концов оказываются столь же деспотичными, как и те, кого они стремятся свергнуть.

– Пожалуй. – Пратик пожал плечами. – Пять столетий тому назад род Хэшанов и вправду полностью изничтожил клан Кастов – который, в свою очередь, вырезал всех наследников племени Риллоран, царствующего до их правления. Тем не менее не стоит недооценивать Шайн’ра, особенно сейчас.

– Почему это? – спросил Канте.

– Я подозреваю, что попытка захватить Аалию была спровоцирована нападением твоего отца на севере. Судя по всему, они решили воспользоваться этой бомбардировкой, чтобы сделать свой ход. Быстренько подстроили эту сцену с перевернутой телегой на улице, чтобы заманить нас в свою ловушку.

Канте лишь поморщился, припомнив непокорного буйвола, опрокинутую повозку и мужчин, якобы пытавшихся поставить ее обратно на колеса.

«Мне и в голову не пришло, что они могли быть как-то причастны к нападению!»

– И даже при всей этой спешке, – добавил Пратик, – организаторы засады были близки к успеху.

– Слишком уж близки, – пробормотал Канте, опять ощутив, как саднят его раны.

С тяжелым вздохом Пратик направился к ступенькам, спускающимся в ванну. Здесь, во дворце, чааен сбросил свое обычное одеяние биор-га и был одет лишь в тунику до колен и сандалии. Похоже, даже такая одежда была сейчас для него

непосильной ношей. Пратик стянул тунику и стряхнул с ног сандалии.

Когда он опускался в ванну, Канте старательно смотрел в другую сторону – и вовсе не из стыдливости перед наготой мужчины; принц уже привык к отсутствию скромности в подобной домашней обстановке. Смущало его уродство чаена – отсутствие мужского достоинства у того между ног. Не говоря уже о пересекающихся белых шрамах на его темной коже и железном ошейнике, навечно закрепленном на шее. Все это было свидетельством того, что Пратик закончил Бад’и Чаа – Дом Мудрости.

Канте всегда думал, что его собственное обучение в Тайнохолме было суровым и требовательным, но оно просто бледнело по сравнению с чем-то подобным. В то время как его школа не поощряла любовных интрижек, требуя чистоты, Дом Мудрости насаждал ее, оскопляя еще первогодков. Хуже всего было то, что тех, кто не сумел продвинуться в учебе, попросту казнили. Выжившие же вознаграждались тем, что отдавались на откуп классу имри, чтобы вечно служить чаен-привязанными советниками. Большую часть времени, когда Пратик был полностью одет, легко забывались увечья, скрытые под одеждой. Только вот теперь его суровая история обнажилась в прямом смысле этого слова.

Все это послужило суровым напоминанием о том, что Канте находится на чужой земле, собираясь связать себя узами брака с представительницей культуры, которая все еще

во многих отношениях ужасала его.

«Наверное, Шайн'ра в чем-то и правы...»

Погрузившись в парящую воду, чааен вроде не заметил неловкости Канте. Черты лица Пратика оставались безмятежными, как будто он с готовностью принимал подобную жестокость как часть жизни. И был по-прежнему сосредоточен на насущном вопросе.

– Тем не менее засада на улице беспокоит меня куда меньше, чем халендийские бомбардировки на севере, – напомнил им чааен. – Если разразится война, нам никогда не добраться до места захоронения Спящего близ Казена.

Фрелль скрестил руки на груди.

– Не исключено, что попытка похитить принцессу в итоге сослужит нам добрую службу. Может, у нас выйдет использовать это нападение, чтобы перенести дату свадьбы...

– Каким образом? – спросил Канте.

Фрелль потер темную щетину на подбородке, явно заново оценивая ситуацию.

– Императору Хэшану нужно, чтобы эта свадьба обязательно состоялась. Он уже объявил об этом. Его воля считается в народе божественной. Он потеряет лицо, если свадьба не состоится.

При мысли о таком ускорении событий желудок у Канте болезненно сжался.

Фрелль продолжал:

– Возможно, нам удастся убедить императора, что если

с Аалией что-то случится, срыв его планов касательно свадьбы еще больше опорочит Его Блистательность. Такая угроза может заставить его перенести дату бракосочетания.

Пратик покачал головой:

– Такие доводы потерпят неудачу. Император Хэшан уже принял меры. Он будет держать ее взаперти во дворце, под усиленной охраной. И не станет рисковать вероятностью повторной попытки со стороны Шайн’ра.

Фрелль нахмурился:

– Но...

Пратик оборвал его на полуслове:

– Зимнее солнцестояние – очень важный момент. В этот день полная луна будет сиять высоко в небе, а солнце – находиться в самой низкой своей точке. Это редкое событие, считающееся среди нашего народа знаменательным. Император Хэшан захочет, чтобы его единственная дочь вышла замуж при такой благоприятной луне. Потребуется что-то посильней неудавшегося похищения, чтобы перенести бракосочетание с этой даты.

– И что же конкретно? – спросил Канте, изо всех сил стараясь скрыть свой страх.

– Мне нужно будет еще разок все как следует обдумать, – признался Пратик. – Но это могло бы помочь нашему делу, если б ты сумел убедить Рами поддержать это изменение плана. Пожалуй, тебе все-таки стоит переспать с принцем. Это может нам помочь. Говорят, в таких делах он считается

довольно искусным.

Лицо у Канте вспыхнуло.

– Я... я уже дал согласие на брак с принцессой! Разве этого мало?

Пропустив его слова мимо ушей, Пратик повернулся к Фреллю:

– Если нам все-таки удастся изменить дату свадьбы, то стоит подумать и о *другой* нашей миссии здесь, в Кисалимри.

Фрелль поморщился:

– Найти знания, скрытые в библиотеке Кодекса Бездны.

Пратик кивнул:

– Если получится перенести дату свадьбы, у нас будет гораздо меньше времени для выполнения этой задачи. – Он махнул в сторону двери. – Кстати, как прошла твоя утренняя встреча с Дреш'ри?

Фрелль пожал плечами:

– Я познакомился с Зенгом ри Перрином, их главным инквизитором, и еще двумя старейшинами. В течение всего утра Зенг расспрашивал меня о моем прошлом – где я учился, какую научную стезю избрал, – а потом сосредоточился на самом важном вопросе: какие именно знания я намереваюсь сыскать в их древних фолиантах. Я решил, что лучше не увिलивать, тем более что у меня не выйдет скрыть направление своих исследований, как только я получу доступ в библиотеку. Так что сказал им все как есть – что ищу апокалиптические пророчества времен Забытого века.

Прадик кивнул:

– Было мудро не лгать. Название «Дреш’ри» переводится как «Запретный Глаз». Говорят, что их старейшины способны безошибочно определить, говорит человек правду или врет.

– И как они отреагировали? – спросил Канте.

Фрелль коснулся сгиба своей левой руки.

– Пока неизвестно. После расспросов они взяли у меня кровь, а затем ушли, сказав, что сообщат мне о своем решении позже.

– Насколько я понимаю, взятый образец крови будет использован для оракульских предсказаний, – объяснил Прадик. – Чтобы составить о тебе окончательное суждение. Неужели они даже никак не намекнули на свою оценку?

Фрелль принялся расхаживать по краю бассейна.

– В конце беседы Зенг посоветовался с двумя другими Дреш’ри, которые за все утро не проронили ни слова. Я подслушал всего одну фразу – только лишь потому, что она была повторена дважды, по одному разу каждым из старейшин, – прежде чем они ушли.

– Какую фразу? – спросил Прадик.

– Если я правильно разобрал, то звучало это как «Вик дайр Ра».

Канте нахмурился:

– Что это значит?

– Не знаю, – признался Фрелль. – Но один из старейшин

произнес это как проклятие. А другой пробормотал эти слова вроде как с благоговением.

Прадик выпрямился в воде. Глаза у него стали такими огромными, что вылезли белки.

– Вик дайр Ра... – прошептал он.

Фрелль сосредоточился на чааене.

– Ты знаешь эти слова?

Прежде чем тот успел ответить, вокруг них поднялся низкий гул. Вода в ванне задрожала и затряслась. Фонари над головой закачались. Все затаили дыхание, пока волнение не улеглось.

– Еще одно землетрясение, – мрачно буркнул Фрелль. – Уже третье с тех пор, как мы прибыли на эти берега.

Канте знал, что тревожило его бывшего наставника – и что, по мнению алхимика, это предвещало. Фрелль уже поделился с ними своими опасениями: по его мнению, источником этих возмущений было постепенное приближение луны к Урту, свидетельствующее о том, что гибель всего живого все ближе.

Канте попытался выбросить эту мысль из головы.

– Я уже спрашивал об этом Рами. Он сказал, что Южный Клаш регулярно страдает от подобных встрясок.

– Но не с такой частотой, – возразил Фрелль. – Я недавно просмотрел архивы стратиграфики в Бад’и Чаа. Уходящие в самую глубь веков. Землетрясения становятся все сильнее и чаще. Даже отраженные в реестрах приливы, похоже, взды-

маются все выше, особенно за последние два десятилетия.

Канте покачал головой. Даже если у Фрелля обычная паранойя, с этим все равно ничего не поделаешь. Повернувшись к Пратику, он вернулся к их предыдущему разговору:

– Так насчет этого Вик дайр Ра, о котором упомянул Фрелль... Что ты про это знаешь?

Пратику пришлось дважды сглотнуть, прежде чем ответить.

– Это имя. На древнем клашанском. Оно переводится как «Царица Теней».

Канте и Фрелль позволили чаену собраться с мыслями, чувствуя, что ему нужно время.

– Я... я лишь однажды слышал эти слова, – произнес наконец Пратик, глядя куда-то вдаль. – От одного ученого из Бад'и Чаа. Он был моим наставником – историком-алхимиком, изучавшим Забытый век. Однажды он пригласил меня в свой личный схолярий. И утверждал, будто наткнулся на единственное упоминание об этой демонической богине – Вик дайр Ра – в одном из своих алхимических текстов, хотя это существо и не является частью клашанского божественного пантеона.

Канте представил, как плывет мимо Каменных Богов в заливе Благословенных, где на всех островках высятся статуи этих небесных обитателей.

– Мой учитель был убежден, что сделал важное открытие, и обратился к Дреш'ри. Спустился в Кодекс Бездны, чтобы

продолжить свои исследования, – и больше его никто не видел. Позже имя его было вычеркнуто из архивов Дома Мудрости, как будто и нога его никогда туда не ступала.

Фрелль нахмурился:

– Странно... Так что там говорилось в тексте твоего наставника об этой Царице Теней?

– Совсем немного, помимо кое-каких ужасных вещей. Существует пророчество, что однажды эта демоница обретет плоть и кровь и это приведет к огненному концу Урта. Но я убежден, что Дреш'ри знают больше – что они заманили моего учителя в свою библиотеку, чтобы заставить его замолчать навсегда. Похоже, он умолчал о том, что поделился со мной этим знанием, иначе меня наверняка постигла бы та же участь. С тех пор я осторожно слушал, но больше ничего не узнал. Только лишь слухи о том, что Дреш'ри поклоняются некоей богине – той, у которой нет никаких знаков или символов. Это имя никогда не произносится вслух, так что полной уверенности у меня нет, хотя я давно подозревал...

– Что это и есть то самая Вик дайр Ра, – закончил за него Канте.

Прадик кивнул и встал. Несмотря на жар ванны, кожа у него покрылась холодными пупырышками от страха. Он повернулся к Фреллю:

– Тебе ни в коем случае нельзя спускаться в эту библиотеку, даже если тебя пригласят! Откажись под каким-нибудь

благовидным предлогом. Допустим, ты решил заняться другим направлением исследований...

Фрелль хранил молчание, но Канте знал своего наставника. Эта история явно разожгла любопытство алхимика. Кодекс Бездны так и манил его – столь же верно, как куча дерьма манит муху, если воспользоваться его собственными словами.

Хотя, учитывая предупреждение Пратика, Канте пришла в голову более подходящая аналогия. Невзирая на опасность, его учителя тянуло туда...

«Как мотылька к обжигающему пламени».

Глава 16

Фрелль расхаживал по тесной комнатке, предоставленной ему императором. За пределами ее он делил с Канте более просторные покои, но это пространство стало личным схолярием алхимика.

После обсуждения в банной комнате все трое разошлись в разные стороны. Принц отправился на поиски Рами, дабы попытаться склонить молодого человека ускорить события. Пратик исчез, чтобы посмотреть, сможет ли он узнать еще что-нибудь интересное после допроса Фрелля, учиненного Дреш'ри. У чааена имелись обширные связи по всей огромной цитадели – уши, которые слушали для него.

Оставшись на последние три колокола в полном одиночестве, Фрелль намеревался провести кое-какие собственные исследования здесь, в этом кабинете. Помещение было вчетверо меньше его схолярия в Тайнохолме. Алхимику очень не хватало его привычного рабочего места, центром которого был гигантский бронзовый дальноскоп, который он использовал для своих астрономических исследований, раз за разом подтверждавших медленное, но неуклонное увеличение видимой поверхности спутника Урта – свидетельство грядущего апокалипсиса.

«Обрушение луны...»

Припомнив недавнее землетрясение, Фрелль остановил-

ся у окна, чтобы посмотреть на эту угрозу в небе. Согласно вере халендийцев, луна была домом двух богов-близнецов – светлого Сына и темной Дочери, которые постоянно гонялись друг за другом по кругу, увеличивая и уменьшая лик Луны. В данный момент полный серебристый лик Сына ярко сиял на вечернем небе, с последним колоколом Вечери потемневшим до пурпурного. Солнце уже скрылось из виду, сияя у горизонта за одной из башен.

Фрелль изучал этот небесный танец на протяжении всего своего пребывания в Тайнохолме. Занятия астрономией всегда завораживали, еще с самых ранних дней его детства. Он потерял левое плечо, где на коже у него было выжжено семейное клеймо, отмечающее родовые корни. Фрелль был родом из холодных северных степей Аглероларпока, протянувшихся вдоль самого западного края Венца, где каждую зиму солнце почти полностью опускается за горизонт, позволяя проявиться сверкающей дуге звезд и давая возможность заглянуть в обычно скрытую от глаз пустоту и ее необъятные тайны. Еще мальчишкой он частенько забирался на крышу их семейного амбара и зачарованно любовался этим великолепием – иногда даже наблюдая сияющее изумрудно-голубое мерцание Вуалей, колышущихся над северным горизонтом.

Казалось, будто подобная жизнь была целую вечность тому назад – и что она даже не его собственная. Его семья владела коневодческим хозяйством, где разводили выносливых и высоко ценящихся аглероларпокских пони. Нередко

Фрелль мог поклясться, что до сих пор чувствует мускусный запах их пота, тяжелые завитки их грив. Этот запах словно исходил от его собственной кожи, как будто его молодое тело навеки пропиталось им.

«И все же это было так давно... – Он повернулся спиной к окну. – Какой же простой была тогда жизнь!»

Ритм и темп тех дней были уютно предсказуемы и размеренны: пробуждение, едва только солнце целиком явит свой лик, перегон пони на пастбища, нескончаемый цикл сезонов жеребления... Казалось, что это была жизнь какого-то совершенно другого человека – как будто читаешь какой-то старый текст по сельскому хозяйству.

Когда ему было всего восемь, Фрелль проявил себя в учебе настолько многообещающе, что учитель посоветовал ему искать место в одной из халендийских школ. Лицо его матери так и сияло от гордости, тогда как отец, похоже, просто испытал облегчение, наверняка радуясь тому, что можно наконец сбросить с плеч своего седьмого сына – сына, который был скорее мечтателем, чем всадником. Фрелль успешно сдал все экзамены и был принят в Обитель Брайк – школу, укрывшуюся в самой глубине миррских болот. Поднявшись по всем девяти ступеням и заработав черную мантию алхимика, он получил перевод в школу Тайнохолм, став самым молодым членом ее правящего Совета Восьми. Именно там Фрелль и встретил принца Канте, и именно там его исследования выявили опасность, в буквальном смысле слова

нависшую у них над головами, – угрозу, которая вскоре подтвердилась видениями одной юной девчушки.

«И вот теперь, вечный странник, я вновь пустился в путь – на сей раз в Южный Клаш...»

Страхнув с себя эти размышления, Фрелль подошел к своему широкому письменному столу, заваленному пыльными книгами и стопками хрупких свитков. Некоторые из них он привез с собой – в основном те астрономические трактаты, что касались луны, а остальные собрал в библиотеках по всему огромному городу Кисалимри. Фрелль даже отважился заглянуть в Бад'и Чаа, чтобы порыться на тамошних книжных полках – библиотека этой школы была раз в десять обширней, чем в Тайнохолме. И все же он был только рад наконец покинуть Дом Мудрости – унылый и чопорный город в городе. Ему казалось, что это скорее тюрьма, чем школа. Лишь немногие встречались с ним взглядом, никто не заговаривал с ним. Кроме того, Фрелль был вынужден прикрывать лицо вуалью, указывающей на то, что он из числа Раскованных. Даже прохожие на улице сторонились его, как будто одно лишь прикосновение к нему могло понизить кастовую принадлежность, система которой была здесь настолько сложной и запутанной, что он так до сих пор и не сумел до конца ее постигнуть.

Прадик пытался пролить для него свет на эти тайны – объяснить, как именно каждый местный житель служил винтиком в огромной машине, которую и представлял собой Ки-

салимри. Каждый здесь знал свое место и свой долг и находил утешение в своей роли. И, наверное, чааен был прав. Большинство из них казались смирившимися, если даже не довольными своей судьбой, поскольку у каждого имелась своя задача, которой можно было гордиться. Говорили, что нефть, питавшая этот город, была кровью его жителей. И, несмотря на все сомнения Фрелля, все это успешно действовало на протяжении восемнадцати столетий. Кисалимри оставался старейшим городом Венца. А также домом самого древнего ученого ордена страны – Дреш’ри, который был на несколько столетий старше даже халендийских Ифлеленов, боготворивших демонов. Ифлеленская клика поклонялась темному богу Дрейку, чьим символом была рогатая гадюка и кровавые жертвы которому приносились на Его алтарях глубоко под Тайнохолмом.

Фрелль нахмурился, обдумывая недавнее предостережение Пратика.

«Есть ли у Дреш’ри свой собственный темный бог, которому они тоже поклоняются, – или в данном случае богиня?»

Он никогда даже не рассматривал такую возможность, но теперь не сомневался, что это так. И не только из-за утверждений Пратика. Кое-кто еще когда-то, давным-давно, выдвинул подобное обвинение. Вот почему его мысли унеслись в печальное прошлое. Во время учебы в Обители Брайк он подружился с главой школы – настоятельницей Гайл, которая была родом из Южного Клаша. После событий прошло-

го лета, когда она помогла Никс и ее союзникам, до Фрелля дошли слухи о том, что настоятельницу в цепях притащили в Азантийю, где, как многие считали, ее беспощадно казнили.

Фрелль прикрыл глаза, пытаясь подавить боль в сердце, вызванную чувством вины.

Они вдвоем провели бесчисленное множество долгих вечеров, глубоко погрузившись в разговоры, а частенько – и еще глубже – в свои кубки. Обсуждали философию, эзотерические теории алхимии, даже пускались в еретические рассуждения о религии. Недавние слова Пратика всколыхнули старое воспоминание, которое преследовало его до сих пор. Как-то раз настоятельница Гайл взялась рассуждать о том, как дюжина халендийских богов нашла своих двойников в Клаше, только распределенных по тридцати трем различным божествам. Заплетающимся языком она настаивала на том, что на самом-то деле у клашанцев не тридцать три, а тридцать четыре бога. Фрелль попытался это оспорить, но вид у нее вдруг стал задумчивым. Он до сих пор помнил, что Гейл сказала дальше. «Некоторые боги слишком уж хорошо упрятаны во тьме, чтобы свет мог добраться до них, особенно когда похоронены они под садами Имри-Ка...» Тогда она и предостерегла его: «Молись, чтобы такое божество никогда не вырвалось из тьмы! Это означает конец света».

В то время Фрелль отмахнулся от ее пьяного бреда как от

какой-то невероятной басни.

Но теперь уже нет.

Стоя у письменного стола, он вытащил из стопки пухлый том и смахнул пыль с переплета. Золоченые буквы на нем гласили: «Фа Мадба Абди’ри», что переводилось как «У алтаря Вечного Ока». Это была древнейшая письменная история Дреш’ри. На обложке были изображены перепончатые крылья черной летучей мыши с золотым глазом в центре – символом этого тайного ордена.

Фрелль провел пальцем по этому знаку, напомнившему ему о Никс и ее спутнике.

Оставалось лишь гадать, как там она и все остальные. У него не было возможности это узнать. Все, что он мог сделать, – это сосредоточиться на своей собственной задаче.

Фрелль уже просмотрел эту конкретную книгу, надеясь, что это поможет ему лучше понять порядок событий. В ней утверждалось, что Дреш’ри были основателями не только Дома Мудрости, но и вообще всех школ Венца. Что вполне могло оказаться правдой. Хотя все эти школы были по-своему уникальными – одни с более свободными нравами, другие с куда более строгими, – в основном они придерживались девятиуровневой структуры. Еще больше подкрепляя это утверждение, Дреш’ри строго сохраняли численность своего ордена, вытребовав себе право первого выбора из выпускников Дома Мудрости и оставив за бортом претензии всех прочих соискателей. Говорят, что перед этим орденом скло-

нялись даже императоры.

Конечно, в книге имелись и более дикие утверждения, некоторые явно фантастические: будто бы Дреш'ри умели общаться с мертвыми, вызывать духов, подчинять других своей воле одним дыханием и даже создавать уникальные алхимические препараты из крови, специально приспособленные под ее обладателя – от приворотных зелий до ядов самого разного действия.

Испытав при этой мысли легкий озноб, Фрелль потер сгиб руки, из которой высосали его собственную кровь, – как утверждал Пратик, скорее всего для того, чтобы составить о нем окончательное суждение. Оставалось лишь надеяться, что никаких иных целей при этом не преследовалось.

подавив беспокойство на этот счет, он взял книгу, намереваясь перечитать ее еще раз, в поисках любого намека на Вик дайр Ра – эту Царицу Теней, бродящую между строк.

«Я должен узнать как можно больше, прежде чем отважусь спуститься в их библиотеку».

* * *

Когда отзвенел еще один колокол, Фреллю уже едва удалось держать глаза открытыми, что явно не способствовало его благим намерениям читать всю ночь напролет. Строчки текста расплывались перед глазами, подбородок клонился на грудь. Сидя в кресле у окна, он наконец захлопнул книгу,

лежащую у него на коленях.

«Хватит... Пока что тут ничего нового».

Фрелль со стоном встал. Ноги едва держали его и при первых же шагах к письменному столу безвольно подкосились. Ему было всего тридцать семь, но он вдруг почувствовал себя древним стариком. Когда удалось восстановить равновесие, на него вдруг пахнуло знакомым запахом. Алхимик замер и поглубже втянул ноздрями воздух.

«Как это понимать?»

Пахло летним сеном и теплым мускусом кобылы, готовой к размножению. Он приподнял край своей мантии и понюхал его, полагая, что этот аромат исходит от его собственной кожи, что опять дает о себе знать его аглероларпокское прошлое, – но ощутил лишь запах собственного пота и шерстяной одежды, которую давно было пора освежить.

Фрелль выпрямился и оглядел комнату.

«Это еще что за странности?»

Запах привлек его к закрытой двери. С каждым шагом тот становился все сильнее. Он заметил струйки дыма, тянущиеся из-под двери в комнату. Опасаясь того, что Канте мог оставить горящие угли в очаге и устроить пожар, поспешил к двери и распахнул ее.

Дым сразу же окутал его, неся с собой все тот же запах. Комната за дверью была погружена во тьму. Фрелль шагнул было вперед, но остановился на пороге, охваченный ледяным страхом. Несмотря на все свои подозрения, еще глубже

втянул воздух ноздрями, не в силах остановиться. Запах дома был слишком уж манящим – он так и взывал к тому мальчишке, что некогда бегал по полям и бился с пони палкой, делая вид, будто это меч.

Мир поплыл вокруг него, ноги окончательно ослабли.

Прошлое и настоящее размылись между собой.

Алхимик повалился на каменный пол. И в этот момент сквозь дым к нему устремились смутные фигуры, облаченные в белые одежды с расшитыми золотом капюшонами.

«Дреш’ри...»

Фрелль упал на спину, руки и ноги у него налились свинцом. Попытался поднять голову, но она казалась слишком тяжелой. Он лежал ничком, совершенно неподвижно, лишь его грудь ходила вверх-вниз, втягивая в легкие еще больше колдовской алхимии. Хотя все перед глазами кружилось, Фрелль оставался в сознании, по-прежнему чувствуя запах своего прошлого, пропитавший клубящуюся пелену, ощущая его вкус на языке. Только вот мышцы отказывались подчиняться его воле.

Чьи-то руки схватили его за руки и за ноги. Не в силах сопротивляться, он ощутил, как его подняли с пола и вынесли из схолярия.

«Куда они меня тащат?»

Над ним склонилось чье-то лицо. Вышитый капюшон мужчины съехал набок, открывая знакомую раздвоенную бородку, ястребиный нос и темные глаза. Это был тот эмис-

сар Дреш'ри, что допрашивал его.

Зенг ри Перрин быстро заговорил:

– Фрелль хи Млагифор, ты был признан достойным ступить в Кодекс Бездны! Это неопиcуемая честь. Особенно для того, кто был сослан в наши края... Возрадуйся же сему любезному приглашению!

Фрелля захлестнули было облегчение и надежда, но они были вдребезги разбиты следующими словами Дреш'ри:

– Хотя знай одно – единожды войдя, ты уже никогда не выйдешь оттуда!

Глава 17

Отняв трубку с длинным черенком от губ, Канте с трудом подавил кашель.

– Уф, до чего же крепкий лист! – выдавил он. – Даже сердце заколотилось где-то в горле... Что тут?

Рами улыбнулся, показав белоснежные зубы.

– Табачный корень, змеиная трава и щепотка гуляй-ноги.

Канте положил трубку на колено, стараясь не ронять пепел на свои начищенные сапоги. Даже в свежих штанах и расстегнутой рубашке он буквально изнывал от жары, чувствуя себя чрезмерно одетым, хоть и сидели они на открытом балконе в личных покоях клашанского принца.

Рами же был облачен лишь в халат с неплотно затянутым поясом, открывающий заросли волос на груди, которые поднимались к горлу и переходили в коротко подстриженную бородку, выглядевшую так, словно ее там нарисовали. Клашанский принц тоже решил принять ванну после трудного дня, да так и остался босиком. Кудри его высохли непричесанными, что придавало молодому человеку определенный щегольской шарм.

Канте было трудно выкинуть из головы недавнее предложение Пратика переспать с Рами. Особенно когда клашанский принц уже довольно долго сидел здесь, развалившись в своем мягком кресле и задрав ногу на ногу, отчего време-

нами проглядывало слишком уж много из того, что скрывалось под его халатом. Тем не менее, даже несмотря на очевидный недостаток одежды, Рами не выказывал никаких попыток соблазнить Канте.

После того как Канте приехал сюда, они вдвоем наскоро перекусили тушеной уткой с пряными бобами и выпили по бутылке аайлийского вина, после чего удалились на балкон с видом на город, чтобы покурить и наконец-то затронуть тему визита Канте.

Во время еды Рами избегал говорить о свадьбе, явно посчитав это неуместным. Клашанский обычай не одобрял обсуждения во время трапезы каких-либо серьезных вопросов. Вместо этого они оживленно говорили об охоте – увлечении, близком обоим. И даже делились историями из своего детства, находя между собой много общего. Оба были младшими сыновьями без всяких надежд когда-либо взойти на престол, которым оставалось рассчитывать лишь на роль советников при своих более блистательных родичах. В случае с Рами это был его брат, старше его на десять лет, – принц Джубайр.

Клашанец глубоко затаился, невероятно надолго задержав дыхание, а затем выпустил дым из обеих ноздрей. Указал тлеющей чашечкой трубки на клубящийся дым.

– Этот замечательный лист выращивается на императорских фермах в окрестных землях М’вен. Надо бы нам как-нибудь скататься туда. Это просто поразительное зрелище,

когда поля в полном цвету.

Канте сразу же воспользовался удачно подвернувшейся возможностью затронуть тему своего визита.

– Пожалуй, можно было бы заскочить туда с праздничной процессией после моей свадьбы...

– Вообще-то да. – Рами приподнял бровь. – Значит ли это, что я тоже приглашен? У моей сестры может оказаться иное мнение по этому вопросу.

– По-моему, будь у Аалийи право голоса, она вообще отменила бы эту свадьбу, – пробормотал Канте, делая еще одну осторожную затяжку из своей трубки.

Рами улыбнулся:

– Она никогда не пойдет против воли нашего отца. Ваша с ней свадьба слишком важна для империи. Как сейчас, так и в будущем, особенно если она родит тебе сына.

– Ну да, который мог бы по крови претендовать на трон Халендии... – Канте слишком хорошо понимал ситуацию. – И все же на то, чтобы как следует накалить это железо в огне, может уйти целая вечность – если такое вообще произойдет. Война должна быть выиграна, а некий брат отставлен в сторону.

Рами пожал плечами:

– Мой отец всегда мыслит за рамками текущего момента. Как и сам древний Кисалимри, наш народ весьма терпелив и умеет ждать. Любая стратегма, как и лучшее наше вино, более всего ценится, когда у нее есть время для надлежащей

выдержки. Поспешность в таких делах совсем ни к чему.

Взгляд Рами слишком уж надолго задержался на Канте, безмолвно намекая на то, что клашанский принц тоже готов подождать того, чего хочет.

Канте отвернулся и прочистил горло.

– Кстати, о спешке... Ясно, что ситуация между королевством и империей накаляется с каждым часом. Насколько я понимаю, император уже мобилизует свои собственные силы.

Канте указал за перила балкона. Кисалимри – целый лес мраморных башен и шпилей, большей частью позолоченных, – раскинулся до самого горизонта, сияя под полной лунной и пылая в лучах заходящего солнца. Это было и захватывающее, и в равной степени пугающее зрелище. Казалось, ему нет конца. Как будто этот город был всем миром, а весь мир – этим городом.

И над всем этим нависала флотилия из четырех огромных линейных летучих кораблей, которые медленно двигались над городом, поддерживаемые в воздухе гигантскими газовыми пузырями. Они затмевали все, чем располагали вооруженные силы халендийцев. Сами корабли были защищены броней из серого железа, но даже на таком расстоянии можно было различить ряды баллист и пушек, сверкающих в лучах низкого зимнего солнца. И, как будто этого было мало, по бокам каждого корабля зависли десятки похожих на акул охотничьих челнов и быстроходников с лисьими но-

сами. Весь этот флот направлялся на север, готовый защищать береговую линию после нападения королевства – а не исключено, что и преодолеть дымное Дыхание Урта, дабы достичь южных берегов Халендии и отплатить тем же.

– Скоро на нас обрушится война, – продолжал Канте. – Пожалуй, имеет смысл окончательно укрепить те узы, что свяжут наши земли, и чем скорей, тем лучше. Дожидаясь зимнего солнцестояния, можно с этим и опоздать.

Рами переменял позу, опершись на локоть и глядя прямо на него.

– Ты желаешь ускорить свою женитьбу на моей сестре? – Клашанский принц, видимо, прочел нерешительность на лице у Канте и решил высказать все без обиняков. – Это то, чего ты и *сам* хочешь?

– Это... это могло бы наилучшим образом всем нам послужить.

Глаза у Рами сузились:

– В том числе и тебе?

Канте понял, что врать не стоит.

Рами с тяжелым вздохом откинулся назад.

– Так вот почему ты сегодня явился сюда на ночь глядя? Ходатайствовать передо мной по этому поводу?

– Да, – прямо ответил Канте. – И это вовсе не значит, что я не ценю нашу дружбу – наше будущее родство. Но я слишком хорошо знаю своего отца. Он наверняка прознал о предстоящей свадьбе и спалит весь Венец, чтобы остановить ее.

Но если я уже буду женат, это ослабит ветер, дующий в его паруса.

– Или еще больше его разозлит.

– Верно. Но если есть хотя бы один шанс остановить полномасштабную войну, то мы должны попытаться это сделать. Перенос даты бракосочетания – довольно простой ход, который может быть вознагражден прекращением враждебных действий. По крайней мере, на какое-то время. А может, и достаточно надолго, чтобы уладить дело обычной дипломатией.

Рами еще раз глубоко затянулся своей трубкой и медленно выпустил дым, прежде чем заговорить.

– Ты вот говоришь, что хорошо знаешь своего отца... Как и я своего. Император подобен горе, которую нелегко сдвинуть с места. Поскольку он уже объявил свою волю, перенести эту дату будет нелегко.

– Но день зимнего солнцестояния...

– Позволь-ка мне кое-чем по секрету поделиться. – Рами вновь встретился взглядом с Канте. – Дело не только в том, что этот день считается у моего народа наиболее благоприятным, – император уже посоветовался с Ораклом из Казена, пророком-чародеем, к которому мой отец прислушивается больше, чем к любому из своих тридцати трех чааенов. Эта личность имеет большое влияние на императора.

– Я знаю кое-кого подобного. – Канте стиснул зубы, представив себе Исповедника Врита, продажную ифлеленскую

свинью, вечно нашептывающую на ухо его собственному отцу.

– И я сильно подозреваю, что причина, по которой император столь редко покидает дворцовую цитадель, заключается в каком-то полученном им в Казене прорицании, хотя я не могу это доказать или опровергнуть. – Рами глубоко нахмурился. – Это Оракл выбрал дату вашей свадьбы.

Канте со стоном откинулся на спинку кресла.

– Выходит, императора Хэшана никак не сдвинуть с места?

– Как упрямейшего из буйволов.

Канте поник головой, в основном разочарованный, но также испытал и некоторое облегчение.

– Спасибо тебе, Рами, что поделился со мной этим откровением...

– Всегда пожалуйста, друг мой. Но хочу попросить тебя взамен об одном очень маленьком одолжении.

Канте натужно сглотнул, догадываясь, о чем именно его собираются попросить. Стараясь не смотреть в сторону двери спальни, он изо всех сил пытался придумать, как бы помягче отговориться от подобной расплаты.

Однако в намерения Рами входило вовсе не это.

– Я поделился правдой, – произнес клашанский принц, – и теперь вынужден попросить о том же взамен.

Канте с облегчением выдохнул:

– Спрашивай все, что угодно!

Рами выпрямился, повернулся и посмотрел Канте прямо в глаза:

– Так все-таки *зачем* вы все явились сюда? Вы утверждали, будто отправились в добровольное изгнание, дабы избежать преследования за предательские действия, кои были ложно возложены на вас...

Руки и ноги у Канте похолодели. Он был уже близок к тому, чтобы выронить трубку, из которой выпало несколько крупинок тлеющего пепла, и пришлось покрепче сжать ее в пальцах. Никто из них так и не поделился истинной причиной, по которой их группа оказалась здесь. Апокалиптические предзнаменования редко приветствовались, особенно во время войны. Это было доказано еще в Халендии, где все их попытки предостеречь остальных привели лишь к кровопролитию и гибели людей.

Рами подался ближе к нему.

– Так в чем причина, по которой вы на самом деле оказались здесь? – Глаза его ярко горели, выдавая немалую проницательность, которую он до сих пор скрывал. – И при чем тут луна?

Глава 18

Влекомый через императорские сады четырьмя Дреш'ри, Фрелль пытался дышать поглубже. Каждый глоток свежего воздуха понемногу прояснял голову. Вращающийся мир обретал некое подобие порядка.

И все же собственное тело отказывалось повиноваться ему. Отчетливо ощущая железную хватку на своих руках и ногах, Фрелль никак не мог сопротивляться ей. Даже не мог поднять голову, которая безвольно свесилась набок, покачиваясь при каждом шаге по благоухающей земле.

Под сандалиями хрустел гравий. Мимо проносились подстриженные кусты. За мантию цеплялись шипы пурпурных эмпирейских роз. В каменных фонтанах журчала вода. В тени двора, обнесенного высокой стеной, горели фонари.

Фрелль замечал и каких-то других людей в балахонах биор-га, которые поспешно убирались с их пути, – слуг, которые наверняка хорошо знали, что лучше помалкивать о том, чему они стали свидетелями.

Наконец группа достигла высокой мраморной арки в самом центре садовой территории. По бокам от нее стояла пара стражников, держа на цепи огромных боевых псов, которые угрожающе зарычали. Но и тут никто не предпринял ни малейших попыток остановить или допросить отряд Дреш'ри во главе с Зенгом ри Перрином.

Фрелля протащили за порог, но путь там сразу же преградила пара черных железных дверей. Зенг воздел белый посох, украшенный древними символами, и двери распахнулись внутрь, приветствуя возвращение хранителей библиотеки.

К этому моменту свежий воздух уже достаточно очистил легкие Фрелля от оцепеняющей алхимии, чтобы ему удалось получше сосредоточиться. Миновав двери, группа вошла в небольшой каменный закуток, из которого вроде не было никакого иного выхода. Семеро Дреш'ри тесно прижались друг к другу, освобождая место для опоздавшего, еще одного члена их ордена.

Никто не произнес ни слова.

Зенг переместился к рычагу на полу, ухватился за него и опустил вниз. Каменная плита дрогнула, затем мелко затряслась. Фрелль уже достаточно овладел своим телом, чтобы приглушенно ахнуть, когда пол начал опускаться, сопровождаемый звуком льющейся воды.

Фрелль не смог скрыть своего изумления. «Какая-то хитроумная механика, приводимая в действие водяным давлением...»

И все же ему не стоило столь удивляться. Что касается всяких замысловатых механизмов и приспособлений, то тут клашанские алхимики просто не знали себе равных.

Пока пол опускался, над Фреллем открывался все удлиняющийся колодец. Каменные стены его были настолько гладко

отполированы, что взобраться по ним было нечего и думать. Что лишь подтверждало недавнее предупреждение Зенга: «Ты уже никогда не выйдешь оттуда».

Когда каменная плита наконец остановилась, свет факелов у входа наверху был уже почти едва различим. Открылась еще одна железная дверь. Фрелля встретил знакомый и приветливый запах – запах пыли, высохшей кожи и потемневшего пергамента. Это было все равно как опять оказаться дома. Он понял, куда они вот-вот попадут.

«В Кодекс Бездны...»

Фрелля пронесли по короткому коридору в освещенное фонарями просторное помещение, от невероятных размеров которого у него захватило дух.

Куполообразный потолок располагался так высоко, что его вершина терялась в тени. Многочисленные стеллажи, плотно уставленные томами и запечатанными свитками, поднимались почти на такую же высоту. К самым верхним ярусам тянулись длинные стремянки, на перекладинах которых примостились несколько закутанных в капюшоны ученых, освещенных прикрепленными к их плечам крошечными фонариками. На огромном пространстве тут и там мерцали маленькие яркие звездочки, отмечая других Дреш'ри.

Несмотря на бешено колотящееся сердце, Фрелль не мог не испытать благоговения, даже робости. Ряды стеллажей исчезали где-то вдаль, переполняя его чувства. Эта библиотека затмевала даже ту, что он видел в Бад'и Чаа, которая была

просто-таки огромной.

Пока его тащили дальше, он так и не мог определить, было ли это пространство когда-то естественной пещерой или же оно высечено в скале человеческими руками. Ряды стеллажей вроде как расходились лучами от какого-то круглого центра, к которому его и несли.

Глаза Фрелля так и метались по сторонам, пытаясь все это объять. Он жалел, что шея по-прежнему не слушается, не позволяя двинуть головой, чтобы охватить взглядом весь размах Кодекса. Любопытство в нем пересиливало страх.

И тут тени наверху словно разорвались в ключья. На Фрелля и его сопровождающих обрушился шквал крошечных черных крыльев, пронзительного писка и дурно пахнувшего помета, забрызгавшего одежду. Затем слаженным вихрем орда устремилась прочь.

Фрелль попытался проследить ее путь обратно в тень, сразу узнав этих крылатых существ. «Летучие мыши...»

Это подтвердил и Зенг, который чуть отстал, шагая теперь рядом с Фреллем, и взмахнул своим посохом, отгоняя последних заплутавших зверьков. Похоже, он ощутил замешательство своего пленника.

– Эта колония сохранилась здесь еще со времен основания Кодекса, – объяснил Дреш’ри. – Это настолько же их дом, как и наш. Они служат верными хранителями, помогая защищать наши сокровища. Вот уже многие века наши крылатые собратья питаются здесь всевозможными вредителя-

ми, грозящими повредить кожу и древний пергамент.

Услышав про этот хитроумный альянс, Фрелль испытал одновременно и отвращение, и изумление. А еще припомнил символ Дреш'ри, который видел вытисненным на древней книге в своем схолярии, – крылья черной летучей мыши со светящимся в центре золотым глазом.

«Не таков ли источник этого символа?»

– Разумеется, совместное пребывание с этими юркими охотниками требует некоторых предосторожностей. – Зенг склонился ближе и указал в сторону, на группу столов, укрытых заляпанной мышинным пометом кожей. – И, естественно, немалых усилий по уборке.

Фрелль уже заметил множество спящих между стеллажами прислужников в серых балахонах биор-га, которые еще больше подчеркивали ослепительную белизну одеяний Дреш'ри. Как и город наверху, подземная библиотека казалась столь же упорядоченным миром, выстроенным согласно иерархии принятой здесь кастовой системы.

Группа наконец добралась до центральной части Кодекса, откуда вниз уходила винтовая лестница.

Когда Фрелля потащили к ней, Зенг заверил его:

– Уже недалеко. Венины ждут.

* * *

Несмотря на все попытки сохранять ясность мыслей,

у Фрелля закружилась голова, пока его несли вниз по узкой винтовой лестнице. В ходе этого петляющего круг за кругом спуска открылся новый сюрприз.

«Оказывается, библиотека распространяется и сюда!»

Группа проходила уровень за уровнем, где от лестничного колодца отходило все больше уставленных стеллажами помещений. Когда они добрались до черных железных дверей в самом низу, Фрелль насчитал уже десять ярусов. Он был совершенно ошеломлен невероятными размерами библиотеки, в которой могли скрываться все знания мира.

«И, возможно, так оно и есть».

Фрелль также отметил, что по мере их продвижения каждый обнесенный кольцеобразными площадками уровень вроде как уменьшался в размерах, как будто они спускались по перевернутой пирамиде, балансирующей на своей вершине.

«И вот теперь мы добрались до этой упрямой от посторонних глаз вершины...»

Оставалось лишь выяснить, что там скрывается.

Зенг подошел к дверям и трижды постучал своим посохом. Через нескольких томительных мгновений заскрежета-ло железо и двери широко распахнулись. Изнутри упал мерцающий, словно от горящего очага, свет, отбрасывая тени на стены маленькой круглой площадки перед входом. Наружу вырвался теплый туман, пропитанный благовониями.

Фрелль затаил дыхание, опасаясь, что в этом аромате

содержится еще какое-нибудь обездвиживающее вещество, тем более что парализовавшие его миазмы уже начали выветриваться. Пальцы на руках и ногах начало покалывать. Он мог даже слегка пошевелить ими, хотя это требовало больших усилий.

Зенг повернулся к остальным:

– Отнесите его к алтарю!

Сердце у Фрелля забилося сильнее. «Неужели они собираются принести меня в жертву?»

Его перенесли через порог и спустили по нескольким ступенькам. С каждым шагом мерцающий и переливающийся свет становился все ярче. Фрелль так и ощущал на себе всю тяжесть библиотеки, громоздящейся у него над головой и давящей на эту маленькую комнату.

Когда его внесли, вокруг разнеслось тихое пение.

Его носильщики наконец остановились и опустили Фрелля на колени в центре комнаты, продолжая поддерживать его, хотя он наконец-то ухитрился самостоятельно поднять подбородок.

И едва не повалился на спину от потрясения.

Маленькая камера была высечена прямо в скале, обнажающей искривленные и расколотые балки из древней стали. Некоторые утверждали, что Кисалимри уходит своими корнями в очень далекое прошлое, во времена Забытого века.

«Именно эти его древние корни я сейчас и вижу?»

Камень между стальными выступами прорезали светящи-

еся ядовито-изумрудным светом прожилки, образуя зловещую паутину. Распространялась она от дальней стены, где горели два ритуальных костра, дымясь неизвестными алхимическими веществами.

Между кострами стоял каменный алтарь. На его плите лежала раскрытая книга в целый обхват шириной – некая иллюстрированная рукопись, возраст которой наверняка насчитывал несколько столетий, если не тысячелетий. На открытых страницах виднелись нарисованные фигурки, корчащиеся и ухмыляющиеся среди строк выцветшего текста – в мерцающем свете костров они словно двигались сами собой.

Фрелль натужно сглотнул.

«Если такой том спрятан здесь, в самом низу, то он наверняка намного ценней всех этих книг наверху».

Он попытался присмотреться к открытым страницам – любопытство ученого пересилило страх.

«Что же там написано?»

Увы, алхимик не мог подойти ближе. А кроме того, книга не оставалась без защиты. У нее были свои жуткие хранители.

Вокруг нее, словно пауки в этой светящейся паутине, стояло кольцо стражей в плащах и капюшонах – как мужчин, так и женщин. Все они были одеты в белые рясы Дреш’ри, но это сборище было явно чем-то гораздо более зловещим. Веки у всех были зашиты. Ушам приданы острые кончики. Нозд-

ри взрезаны, вывернуты наизнанку и так и пришиты к лицу. Даже зубы у них были заострены, словно звериные клыки.

Фрелль с ужасом осознал цель этих увечий – внешность, которую они стремились передать.

«Их изуродовали так, чтобы они походили на летучих мышей».

Глава 19

При виде этих фигур, кольцом окружавших его, Фрелль съежился от ужаса.

Именно с их губ и исходило то поначалу еле слышное пение, которое становилось все громче. Он попытался зажать уши, но руки по-прежнему не слушались. Фрелль понял, что именно слышит. Узнал это низкое гудение, вторящее распеву. Этот звук буквально разьедал череп, плясал огнем в мозгу.

Чувства Фрелля смешались, путая мысли, мешая сосредоточиться. И все же он понял, кто окружает его и что за дар у них в крови.

«Это люди, владеющие обуздывающим напевом...»

Перед ним возник Зенг – поклонившись каждой из фигур, он повернулся к Фреллю.

– Венины приветствуют тебя! И ищут твоего наставления!

Поднеся к лицу ладонь, Дреш'ри выдул в лицо Фреллю какой-то порошок вроде пепла. Застигнутый врасплох, тот не смог удержаться и машинально вдохнул его. Серая пыль обожгла ему нос. Легкие судорожно сжались, словно пытаясь отторгнуть яд.

Он задохнулся и закашлялся, согнувшись пополам, схватился за лицо – и только тут осознал, что вновь владеет своим телом. Все еще стоя на коленях, Фрелль слегка выпря-

мился – остальные Дреш’ри его больше не поддерживали, – поднес руки к лицу и уставился на свои все еще дрожащие ладони.

Порошок тонким туманом висел в воздухе.

«Выходит, это не яд, а противоядие...»

Зенг коснулся его плеча:

– Мы знаем, зачем ты явился сюда, Фрелль хи Млагиффор!

И даже то, что ты держишь в секрете.

Фрелль попытался помотать головой, возразить, но не сумел. Это пение, эта алхимия в дыму... все это подкосило его волю.

Зенг взмахнул своим посохом. Двое Дреш’ри подошли к ритуальным кострам. Каждый бросил в пылающий перед ним огонь пригоршню серебристого порошка. Языки пламени взметнулись к потолку, затанцевав по обе стороны от алтаря.

– Смотри же! – провозгласил Зенг. – Вот та, кто положит конец миру и возродит его заново!

Его посох нацелился на картину, открывшуюся в свете пламени на дальней стене за алтарем – то ли намалеванную черной нефтью, то ли выжженную чадящим факелом, то ли образовывали изображенное на ней сами темные тени, пляшущие по комнате. От нее и расходились эти светящиеся изумрудные прожилки.

Фрелль лишь ахнул при виде этого зрелища.

Высоко на стене поднималась огромная полная луна,

на фоне которой вырисовывался силуэт гигантского зверя с распростертыми крыльями, устремившегося к алтарю. Крылья его переходили по краям в языки пламени, пляшущие в свете двух ритуальных костров. Верхом на этой твари сидел темный всадник, столь же недобро подобравшись, как и само чудовище, и оба смотрели на тех, кто находился в комнате. Только вот глаза всадника были озерами того гнусного изумрудного света, который теперь сиял еще ярче, так и излучая угрозу.

– Пред тобою Вик дайр Ра! – нараспев произнес Зенг.

Не успев вовремя прикусить язык, Фрель проговорился, что знает это запретное имя.

– Царица Теней...

Зенг повернулся к нему. На лице у него застыл благоговейный экстаз, близкий по своей силе к безумию.

– Мы знаем, что Ифлелены разыскивают девушку, коя властна над одной из огромных миррских летучих мышей – зверем поразительных размеров и злобности! Девушку, с которой ты очень близко знаком!

Прежде чем Фрель успел ответить, Зенг высоко поднял свой посох.

Венины вокруг него отреагировали, запев в унисон на древнеклашанском, и от их накатившего грозной волной напева сердце у Фреля заколотилось от ужаса. Он заткнул уши, но все равно мог их слышать.

– Вик дайр Ра се шан бенья! Вик дайр Ра се шан бе-

нья! Вик...

Зенг силой опустил одну из прижатых к ушам рук Фрелля и сунулся к нему еще ближе.

– Ты не можешь отказать Ей! В глубине души своей ты знаешь это! Все мы ясно это видим. Слушай и знай, что это правда!

Монотонное песнопение все продолжалось.

– *Вик дайр Ра се шан бенья! Вик дайр...*

Глаза Зенга лихорадочно блестели, когда он переводил эти слова:

– Она – новое воплощение Царицы Теней!

Венины продолжали распевать, добавляя новые слова, вливая в свое пение вес истории и убежденность. Звучало оно пророчеством.

Зенг держался рядом, декламируя в такт певцам:

– Она – та, кто однажды возродится во плоти и крови...

Та, что примется сжигать дотла все, чем обладала, оставляя после Себя лишь первобытную тьму... Ужасающее создание сие будет сеять огненные руины на Своем пути, покуда весь Урт не обратится в пепел!

Фрелль, морщась, попытался отвернуться. Обуздывающий напев штормовым ветром бил ему прямо в лицо, вбивая убежденность в этих предзнаменованиях в самое его нутро, глубоко укореняя ее.

Зенг все не унимался:

– Скажи нам, кто Она такая – где Она прячется!

Фрелль понял, что они имеют в виду Никс, но даже под бурным натиском их истовой веры никак не мог сам в это поверить. Однако он был по-прежнему одурманен неведомой алхимией, опутан сетями обуздывающего напева. Попытался прикусить язык, затаить дыхание, но не смог.

– Она... Ее зовут...

Зенг не отставал.

– Скажи нам!

– Никс! – выдохнул Фрелль. Слова произвольно срывались у него с языка: – Дочь рабыни... связанная кровными узами... и обуздывающим напевом... с летучей мышью. Вскормленная ею и взлелеянная... Она не такая... как все.

Говорил он то, что лежало у него на сердце, но чего никогда не осмеливался произносить вслух. Это был ужас, который Фрелль всегда таил где-то глубоко внутри. По щекам у него потекли слезы.

– Она – это пустой колодец... ожидающий, чтобы его наполнили. Сосуд, предназначенный для такой силы, какой не обладает никто другой!

Фрелль знал, что это так. Там, в Саванах Далаледы, Шийя утверждала, будто у него тоже есть какие-то начатки дара обуздывающего напева. Древняя Спящая верила, что именно этот дар, взывающий из его крови, и побудил его изучать луну. Тогда он хотел попросту отмахнуться от такого заявления, но так и не смог. Когда Никс пела, Фрелль ощущал в ней непечатую силу – почти бездонный колодец силы.

«Если этот колодец когда-нибудь наполнится...»

Он помотал головой, даже сейчас боясь встретиться с этим ужасом лицом к лицу. Это была одна из причин, по которой Фрелль согласился сопровождать Канте и Пратика в эти земли – в глубине души Никс пугала его. Он поднял голову и уставился в эти сияющие глаза над алтарем, по бокам от которых плясали языки пламени.

Где-то глубоко внутри него все росла и укреплялась уверенность в неизбежном.

«Она станет этой темной богиней!»

Плечи у Фрелля затряслись. С губ сорвался вскрик, когда он осознал еще одну непреложную истину.

«Но она – наша единственная надежда...»

Поддавшись этому убеждению, Фрелль пал ниц и высказал эту истину вслух:

– Только она способна остановить обрушение луны!

Зенг, которого это явно не удовлетворило, наклонился к его уху.

– Где она? Где сейчас Вик дайр Ра?

Фрелль не стал противиться ответу на этот вопрос, радуясь, что толку от этого им все равно не будет.

– Вне твоей досягаемости. Далеко в Студеных Пустошах.

– Где именно? – Зенг притянул его к себе нос к носу. – Скажи нам, где! Мы сразу пойдем, если ты солжешь!

Фрелль осел на пол. Голова его поникла, пот стекал с лица вперемешку со слезами. Ему не требовалось ничего вы-

думывать. Можно было ответить правдиво.

– Даже я этого не знаю.

Зенг выпрямился. Лицо его побагровело, костяшки пальцев на посохе побелели. Он указал им на Фрелля.

– Тогда ты нам больше не нужен. – Предводитель Дреш'ри повернулся к одному из своих собратьев: – Убей его!

Тот шагнул вперед, высвобождая кинжал, ярко блеснувший в свете костра. Когда он приблизился, Фрелль не двинулся с места – окончательно побежденный, окончательно запуганный.

«Ну и пускай...»

Встав перед ним, его палач схватил Фрелля за волосы и запрокинул ему голову, обнажая шею. Кинжал взметнулся высоко в воздух.

Но не успел он опуститься, как из груди у мужчины в белом вырвалось острие длинного клинка. Дреш'ри на миг застыл, напрягшись всем телом от потрясения и неожиданности. Кинжал выпал у него из руки и со звоном упал на пол. Жрец лишь слабо вскрикнул, когда клинок выдернули обратно, а его самого отшвырнули в сторону.

На его месте как по волшебству возник другой Дреш'ри, который сразу ухватил Фрелля за мантию.

– Вставай!

Тот повиновался, с трудом поднявшись на ноги и абсолютно ничего не понимая, – когда вдруг заметил фиалковые глаза и железный ошейник, скрытые под белым капюшоном.

Фрелль потрясенно закашлялся.

«Пратик...»

Чааен попытался подтолкнуть его к двери, размахивая во все стороны своим окровавленным мечом.

– Беги!

Однако Фрелль сопротивлялся – вывернулся из рук своего спасителя и, спотыкаясь, вернулся к алтарю. Жар от двух ритуальных костров обжег ему лицо. Темное лицо Царицы Теней молча взирало на него со стены.

– Да ты что? – выкрикнул Пратик, неистово размахивая мечом. В голосе у него слышалась паника.

Фрелль потянулся к священной книге, которая все так же лежала открытой на алтаре, и подтащил ее к себе. Он и все остальные приехали в Южный Клаш, чтобы побольше узнать о древних апокалиптических пророчествах. Может, как раз тут о них и говорится? Бросив взгляд на полный лик луны, поднимающейся за Царицей Теней, алхимик опустил взгляд на освещенные пламенем страницы.

«Нельзя оставлять здесь эту книгу!»

Но прежде чем он успел захлопнуть тяжелую обложку, мимо Пратика прорвался еще один из жрецов, который тоже ухватился за книгу, громко выругавшись по-клашански. Несколько мгновений они пытались вырвать ее друг у друга. Все еще слишком слабый, слишком ошеломленный, Фрелль понял, что победы ему не видать.

В полном отчаянии – хоть это и шло вразрез со все-

ми его инстинктами ученого, – он бросился вперед, сграбастал скрюченными пальцами несколько страниц и вырвал их, осквернив древний фолиант.

То ли потрясенный этим кощунственным поступком, то ли потеряв равновесие, когда Фрелль внезапно выпустил книгу, Дреш’ри отшатнулся в сторону, по-прежнему держа ее в руках, ударился бедром о край алтаря и с криком ужаса упал прямо в один из ритуальных костров. Вопли его эхом заметались по тесному помещению, пока он бился и извивался среди языков пламени – не столько для того, чтобы выбраться из него, сколько чтобы спасти драгоценную книгу.

Ни того, ни другого ему не удалось.

Языки пламени взметнулись еще выше, облизывая края страшного пророчества, изображенного на стене. Густо повалил дым, воняя горелой плотью.

Фрелль прижал украденные страницы к груди. Метнувшийся к нему Пратик схватил его и потащил к ступенькам, ведущим наружу. Чааен взмахнул мечом, удерживая остальных на расстоянии.

– Беги! – повторил Пратик.

На сей раз Фрелль повиновался.

Царица Теней, изображенная
на стене святилища
Коллеоса Безданы
Иллюстра из эфисского

Часть V

Акулья стая

Перво-наперво знайте, что Ноор воистину выродком был, хоть и рыцарем! Безжалостным в своих амбициях, неумолимым в своих убеждениях, упрямым в своем стремлении пересечь Драконий хребет – но хуже всего была его непоколебимая вера в свои собственные ошибочные представления о том, что лежит за этими ледяными вершинами. Во-вторых, знайте же и другое. Я скучаю по своему другу, ибо не заслужил он столь холодного конца своей истории – хотя и мыслю, что по-иному и быть не могло.

Из предисловия ко второму изданию «Хроник» Реги си Ноора, написанного картографом первого его похода, отказавшимся сопровождать Регу во время его катастрофической второй экспедиции, когда корабль и команда исследователя исчезли во льдах

Глава 20

Прошлепав по прибрежному мелководью Америлового моря, Даал выбрался на берег и воткнул тупой конец своего гарпуна в красный песок, тяжело опершись о древко и глубоко дыша после долгого погружения. На холоде пляжа от его

мокрой кожи шел пар.

Повернувшись, он посмотрел на морскую гладь, на маслянистые волны, окрашенные во все оттенки зеленого и более густого америлового – мерцающее зеркало, исчезающее вдаль. Море раскинулось под сводом ледяной пещеры, простирающейся на сотни лиг в ширину и на вдвое большее расстояние от берега. Свод этот вздымался на пол-лиги над поверхностью воды, а морское дно скрывалось в неизведанных глубинах – в окутанных вечной тьмой пределах, охраняемых Сновидцами.

Эти воды усеивало несколько скалистых островков, но большая часть суши здесь представляла собой бесконечный песчаный пляж, протянувшийся вдоль кромки воды и нависающего над ним свода и обрамленный с другой стороны высокой ледяной стеной, уходящей куда-то в туман. Прямо над головой ледяной мир разрывался полоской неба – такого далекого и холодного, что мало кто осмеливался даже поднять туда взгляд.

«Наверху лежит только смерть».

Здесь, внизу, жизнь оберегал Приют – колыбель, вскормившая все живое.

Даал вытер влагу со лба.

Над морем в отдалении от берега парил порожденный областями кипящих вод теплый туман, клубами поднимаясь из-под высокой ледяной крыши. Сквозь серую дымку проглядывали разглаженные паром поверхности льда и острые

как копыа сосульки, очерченные наростами светящегося лишайника и фосфоресцирующими оборками грибов.

Вконец измученный, Даал позволил сети соскользнуть с плеча и упасть на пляж. Несколько черных блестящих ракушек-абилинов откатились в сторону.

– Сейчас соберу! – крикнула у него за спиной Хенна, метнувшись к нему прямо через песчаную деревню, которую слепила на берегу, ожидая его.

Даал улыбнулся ей. Ей было всего восемь – вдвое меньше, чем ему самому, – но она уже здорово вымахала в рост, что свидетельствовало о примеси ноорской крови. Хотя ручки и ножки у нее были все еще тоненькими, как водоросли. Длинные темные волосы Хенны, перемежающиеся унаследованными от пантеанцев зелеными прядями, оставались все столь же дикими и неухоженными. Пройдет еще года четыре или пять, и эти кудри будут острижены в знак ее вступления в пору девичества.

«Я возненавижу этот день...»

Даал провел пальцами по своим коротко подстриженным волосам, которые, как и у сестры, представляли собой смесь черного и америлового. Его обнаженная грудь тоже покрылась пушком, вопреки его молитвам. Он пытался сбривать эту унизительную растительность острым краем ракушки, но в основном все заканчивалось лишь болезненными порезами. Даалу хотелось иметь такую же гладкую кожу, как у остальных мужчин, чистокровных пантеанцев – хотя

не то чтобы от этого был бы какой-то толк.

Он поднес к лицу растопыренные пальцы, разочарованно глядя на едва заметные перепонки между ними – не то что у остальных. Опустил руку и покачал головой. Даже уши у него были слишком большими и слишком уж оттопыренными. Вдобавок практически круглыми, лишь с намеком на характерные для здешних мест острые кончики. «Их-то уже не обрежешь...» Все было проще, пока он был еще мал – когда волосы были длиннее и удавалось скрывать норскую кровь, текущую в его жилах. Но кое-что не так-то легко скрыть. В первую очередь безошибочно узнаваемый блеск его голубых глаз. Даже у его сестры были америловые, густо-зеленые глаза их отца – чистокровного пантеанца, как и у большинства обитателей Приюта. Даал был рад за нее, пусть даже и немного завидовал.

Закончив собирать ракушки, Хенна с трудом потащила тяжелую сеть по песку. Он двинулся, чтобы помочь ей.

– Мы в двух лигах от дома, Хенна. Таким шагом мы доберемся туда не раньше завтрашнего дня.

Она сердито посмотрела на него.

– Я справлюсь! Я не ребенок! – Оттолкнув его руку, указала на зеленую пену, накатывающую на берег. – Присмотри-ка лучше за Неффой, покуда она не выползла сюда и не расцарапала себе брюхо о камни!

Сестра была права – не следовало оставлять давнюю подругу без внимания. Он протянул Хенне ладонь.

– Дай-ка мне одного из этих абилинов.

Просияв, она порылась в сети и бросила ему ракушку. Несмотря на все ее усилия, та упала на песок между ними.

– Хорошая попытка.

– Я как раз туда и целилась! – отозвалась Хенна, показав ему язык и вновь хватаясь за сеть.

Покачав головой, Даал подошел и поднял большую раковину. Потянулся к поясу и вытащил из ножен стальной кинжал, одно из своих самых ценных сокровищ – подарок отца на день острижения волос, знаменующий расставание с детством. Подковырнул лезвием и отбросил в сторону одну из половинок раковины, открыв мясистую мякоть. На поверхности ее извивались несколько червячков-слюнявок, которых пришлось выковырять и бросить на песок.

Покончив с этим, Даал отступил назад, к набегающим на берег волнам.

Неффа уже выбралась на мелководе, показав над водой часть спины. Однако это означало, что Даалу все равно предстояло зайти в прибой в пояс, чтобы добраться до нее. Его штаны из тюленьей кожи, плотно облежавшие бедра, уже почти высохли, но Неффа ждала своей награды.

Предвкушая ее, она слегка подпрыгнула на своих похожих на крылья перепончатых передних лапах, выбросив на берег еще несколько волн поменьше. Приближаясь, ему пришлось остерегаться спирального рога, пикой торчащего вперед у нее изо лба, чтобы в нетерпении она случайно не ткну-

ла им в него.

Когда Даал протянул ей приготовленное лакомство, Неффа сунулась вперед и нежно прикоснулась губами к предложенному сокровищу, высунув розовый язык, чтобы извлечь им моллюска из его раковины. Перемолов его своими острыми зубами, фыркнула от удовольствия – из двух отверстий по бокам от длинного торчащего вперед рога вырвались струйки пара.

Даал улыбнулся и провел ладонью по ее гладкой серой щеке, пальцем потерев складки вокруг правого глаза.

– Кто у нас самая лучшая орксо во всем море?

Неффа издала низкое урчание. Он попытался изобразить этот звук, очень похоже заурчав в ответ – давая ей понять, как сильно ее любит. И стоило ему это сделать, как его захлестнула волна гораздо более глубоких ощущений. Конечно, Даал и без того чувствовал запах ее мокрой кожи, ее влажных испарений, рыбный душок ее дыхания. Но еще вдруг ощутил шершавый песок под мягким животом Неффы, биение двух ее сердец – одного в груди, другого возле хвоста... Даже переполняющую ее в этот момент нежность.

Пораженный, он примолк, и эти ощущения сразу же покинули его.

«Странно...»

Даал хотел отмахнуться от всего этого как от чистой фантазии, проявившейся из-за его привязанности к ней. Он вырос рядом с Неффой, и с его юных лет они были неразлуч-

ными товарищами в этих водах. Вместе пережили немало бурь – и не только на морских просторах. На протяжении многих лет Даал уже не раз смутно ощущал нечто подобное, но никогда еще настолько сильно и четко. Причем такое бывало у него не только с Неффой. Абсолютно все обитающие в здешних водах орксо слушались его так, как никого другого в Приюте – даже Рифового Фарера, возглавлявшего все местные кланы.

Даал гордился этим своим талантом. Его могли сколько угодно дразнить, порой даже грубо, за его смешанную кровь, но никто не мог оспорить его умение обращаться с орксо.

«И не только с этими огромными созданиями...»

Даал сглотнул, прогоняя эту мысль, но перед этим на миг мысленно перенесся в темные морские воды – в тот момент, когда Неффа тащила его вниз во время охоты, а его лодыжка запуталась в седельной петле. Стая кельских акул нырнула за ними следом, а затем...

– Нет... – выдохнул он, даже не осознав, что произнес это слово вслух.

Хенна бросила сеть.

– Тогда тащи сам! – объявила она, неправильно поняв его неожиданную вспышку.

Даал прочистил горло, отгоняя эти воспоминания.

– Гм... Да, давай-ка я лучше сам понесу.

Плюхая по воде, он подошел к Неффе сбоку и ослабил шейные ремни, чтобы снять у нее со спины маленькое ко-

жаное седло. Перекинув его через плечо, похлопал орксо по боку. Неффа повернула голову и пристально посмотрела на него, отрывисто выдохнув свое беспокойство струйками пара из ноздрей.

Даал еще раз похлопал ее:

– Всё в порядке. А теперь возвращайся в деревню. Я встречу тебя в загоне. Наверное, у меня даже найдется еще парочка вкусных абилинов, которые не попадут на праздник.

Неффа пристально посмотрела на него, молчаливо требуя от него обещания именно так и поступить, затем с ворчанием оттолкнулась передними лапами-плавниками и скользнула на более глубокую воду. Вскинула голову, высоко воздев свой рог, и нырнула, исчезнув из виду.

Даал побрел обратно к берегу. Подобрал сеть и гарпун, махнул его вильчатым концом вдоль берега. Путь предстоял неблизкий. Он выбрал это отдаленное место для охоты на абилинов из-за густых зарослей морской травы – а еще потому, что мало кто из рыбаков туда заглядывал. Отец ругал Даала за то, что он охотится в одиночку, но мало кто в деревне хотел присоединиться к нему. Чтобы хоть как-то успокоить отца, Даал взял с собой Хенну – вряд ли в случае чего ей удалось бы спасти его, но она могла, по крайней мере, указать остальным место, где он погиб.

Напоследок осмотревшись по сторонам, они вместе направились по пляжу к деревне.

Примерно на полпути к дому, когда они миновали торчащую из песка большую каменную плиту с изображением карпа, балансирующего на свернутом хвосте, Даал уже еле переставлял ноги.

Хенна убежала вперед, гоняясь за крабами, которые поспешно удирали с их пути. Он попытался припомнить, когда у него самого было столько бесполезного энтузиазма. Даал уже окончательно выдохся. Не помогало и то, что каждый шаг в сторону дома все сильнее давил ему на плечи. Здесь, вдали от кривящихся губ и пренебрежительных замечаний, он чувствовал себя гораздо свободней – никто не провожал его многозначительным взглядом и не тыкал в него пальцем.

Кроме того, нынешний вечер был непростым – деревня готовилась отмечать Ночь Кристнелла, бога домашнего очага. Чествования его открывались грандиозным праздником танцев, на который со всех окрестных деревень съезжались молодые мужчины и женщины, чтобы подыскать себе пару.

С уже остриженными волосами, свидетельствующими о его мужской зрелости, Даал впервые в жизни мог выставить на эти праздничные смотрины и себя. Хотя не то чтобы он питал на это особо большие надежды.

Пока юноша брел по песку, старый стыд опять обжег ему щеки. Полгода назад у него было единственное свидание

с женщиной, на два года старше его – изрядно накачавшейся вином из соленых ягод. Они возились в темноте – больше она, чем он, – на задворках какого-то рыбного склада. Даал едва знал, что делать. Он не мог даже дышать, вся кровь отхлынула от головы, напрочь сковав его. Эта женщина раздела его, уложила на спину, чуть было не села на него верхом, но затем вдруг попятилась, тыча ему пальцем между ног. «Все эти волосы... – с отвращением произнесла она. – Как спутанные водоросли. Я просто не могу!» Подхватив свою сорочку, женщина убежала, оставив его униженным и еще больше стыдящимся своей ноорской крови.

Пару дней спустя Даал стал ловить на себе взгляды других молодых женщин, которые с хихиканьем перешептывались, прикрывая руками рты. Некоторые посматривали на него с жалостью, некоторые с таким же отвращением.

Пока он едва волочил ноги, Хенна продолжала свою самозабвенную погоню за крабами. К этому времени она уже почти исчезла в туманной дали.

– Давай-ка помедленней! – крикнул ей Даал.

Несмотря на всю свою неохоту, он ускорил шаг и почти догнал сестру, когда от ледяного утеса, обрамляющего дальнюю сторону пляжа, эхом отразился сильный раскат грома. Опасаясь ледопада – постоянной опасности в этих краях, когда целые глыбы замерзшего утеса обрушивались на берег, – Даал бросил свою сеть и еще сильнее затопал по песку. Пока он бежал, раскаты грома переросли в странный рев, напо-

минающий рев дракона из старых сказок. А через миг, подкрепляя это сравнение, клубы пара над головой окрасились вначале розовым, а затем огненно-красным.

Даал бросился к Хенне, которая остановилась, глядя в небо.

Прямо у нее над головой, оседлав эти языки пламени, из тумана выпало что-то темное, похожее на большой рыбацкий челн, только вот прямо над ним в путанице темных веревок дрожал и метался огромный раздутый пузырь.

Даал ускорил бег, зарываясь пальцами ног в песок. Добравшись до Хенны, потрясенно застывшей прямо на пути падающего с неба челна, он подхватил сестру на руки и нырнул в сторону, прокатившись вместе с ней по песку. Накатила волна жара, и странный челн сильно ударился в берег позади него. Напоследок взревев, пламя кашлянуло и затихло.

Даал встал и поспешно отступил подальше, затолкав сестру себе за спину. Подхватил свой гарпун и нацелил его трезубец в сторону опасности.

Свалившийся с неба челн с потрескиванием дымился на волнах у берега, наполовину зарывшись одним бортом в песок. Пузырь над ним пьяно покачивался. Затем часть кормы у него с грохотом откинулась, и из открывшегося проема, шатаясь, выбрались какие-то фигуры. Мужчины и женщины. Все незнакомцы. Они вроде даже и не заметили брата с сестрой, застывших на берегу.

Даал ахнул, когда вслед за ними появился какой-то огром-

ный зверь, покрытый темным мехом, со вздыбленной шерстью – понюхал воздух, а потом, протолкавшись сквозь остальных, метнулся прямо к нему.

Со стороны челна тут же строго рявкнул чей-то грубый голос – причем на языке из очень далекого прошлого.

Зверь резко остановился, заскользив на задних лапах. Низко опустив башку и высоко задрав уши, зарычал, обнажая клыки. Даал по-прежнему нацеливал на него свой гарпун.

К этой жуткой твари присоединилась маленькая фигурка, выступив вперед и положив руку ей на холку. Это была молодая женщина в какой-то странной одежде. Волосы ее тенистым водопадом спадали ей на плечи. Голубые глаза с серебряными крапинками так и сияли, глядя на Даала. Она что-то напевала себе под нос, обращаясь и к зверю, и к нему.

И в этот момент Даал заметил исходящее от нее свечение, окутывающее ее золотистым коконом, а еще поймал себя на том, что и сам вибрирует горлом, инстинктивно пытаюсь подстроиться к ней.

– Никс... – предостерегающе произнес высокий мужчина с мечом, выходя вперед.

Женщина не обратила на него внимания. Ее глаза продолжали сиять, глядя на Даала. И точно так же, как и совсем недавно с Неффой, он ощутил гораздо больше, чем следовало бы.

«Кем бы они ни были, они не причинят нам вреда».

Даал чуть опустил гарпун и поднялся с корточек. Хенна по-прежнему цеплялась ему за бедро.

– Кто это такие?

Он покачал головой.

Странная женщина внезапно вздрогнула. Отступила назад и уставилась в густой туман, вытянув свою длинную шею. Облегченно рассмеялась, и румянец у нее на щеках запылал еще ярче.

– Баашалийя...

Даал всмотрелся в туман и заметил какую-то скользящую вниз тень – вначале расплывчатую, а затем более четкую, на глазах обретающую темные зазубренные крылья. Он ахнул. Такие крылья преследовали в ночных кошмарах всех обитателей Приюта.

Тварь устремилась к земле, показав себя во всей красе – обнажив свою истинную природу.

– *Raash'ke!* – испуганно выкрикнул Даал.

Хенна взвизгнула и упала обратно на песок.

«Нет, ты ее не получишь!»

Размахнувшись, Даал изо всех сил метнул гарпун – целясь в самое сердце демона.

Глава 21

У Никс было всего мгновение, чтобы отреагировать. Краем глаза она увидела, как какой-то молодой человек – бо-сой, голый по пояс – метнул свой гарпун. И когда тот пролетал у нее над головой, бросила Кальдеру единственную ноту обуздывающего напева. Здоровенный варгр, уже взведенный как пружина, моментально откликнулся на ее мольбу.

Вытянув к небу башку с разинутой пастью, зверь прыгнул, полностью взмыв в воздух, и перехватил гарпун в воздухе. Когда он приземлился, его зубы уже переломили древко пополам. С резким рычанием варгр отбросил обломки в сторону.

Никс повернулась к двум фигурам на песке. Теперь в руке у мужчины был кинжал – он по-прежнему был готов защитить маленькую девочку. Глаза у него были широко раскрыты, губы решительно сжаты. Его взгляд сосредоточился на Баашалийе, который кружил над ними, причитающим пискom выражая свое смятение – явно ощутив напряженность обстановки внизу.

Никс переключила внимание на Баашалийю, призывая его держаться повыше. Потом подняла обе ладони, пытаясь успокоить двух незнакомцев. Она понимала ужас молодого человека. Вид миррской летучей мыши, выныривающей из клубящегося тумана, мог любого выбить из колеи. Никс

сразу припомнила свою собственную первую встречу с подобным зверем на девятом уровне Обители.

– Не бойтесь! – Она бросила взгляд вверх. – Это друг.

Мужчину это явно не убедило – вероятно, он даже не понял ее.

Никс положила ладонь на холку Кальдера и помахала остальным, тяжелым взглядом призывая Грейлина держаться подальше – рыцарь уже обнажил клинок, готовый защитить ее. Прикрывая его плечом, старшина Викас держала в обеих руках по широкому палашу. Джейс и алхимик Крайш держались в сторонке.

Никс услышала, как Джейс, так же широко раскрыв глаза, как и неизвестный молодой человек, благоговейно пробормотал:

– Все-таки в Пустошах есть люди!

Крайш напомнил ему, процитировав гджоанский текст:

– Преопасные люди.

Вид у судонаправителя «Пустельги» Фенна, который так и не сошел с откинутой кормовой двери, был скорее удивленный, чем испуганный. Он ждал, пока Брейль закончит осмотр шлюпки на предмет повреждений.

Никс вновь сосредоточилась на юном незнакомце, который так и не отрывал глаз от кружащей у них над головами летучей мыши. Приложила ладонь к груди.

– Я Никс, – сказала она, подчеркнув свое имя, после чего подняла руку, указывая вверх. – А это Баашалийя.

Мужчина взглянул на нее, а затем снова поднял взгляд к небу, покачав головой.

– *Ньян, ба рааш'ке!*

Никс нахмурилась, вспомнив, что совсем недавно он уже употребил это слово.

– *Рааш'ке?*

Он ткнул кинжалом в сторону Баашалийи, явно непреклонно настроенный.

– *Рааш'ке!* – Отчаяние притупило его страх. Свободной рукой мужчина изобразил, будто разрывает себе горло пальцами. Его взгляд метнулся к Джейсу и Крайш. – Преопасный!

Никс застыла от удивления, услышав, что он употребил слово из древнего манускрипта. «Понимает ли он нас в какой-то степени?» И в то же время догадалась, за кого он принимает Баашалийю, представив себе покрытых лохматой шерстью тупорылых существ, которые напали на них и загнали сюда.

Никс покачала головой и снова указала на Баашалийю.

– Не рааш'ке. Друг.

Она знала, что есть лишь один способ убедить его. Отойдя в сторонку, Никс спела Баашалийи, приглашая его приземлиться – только подальше от всех. Тот снова взмыл ввысь, взволнованно пища. Все тем же напевом она заверила его, что опасность миновала.

Наконец он спланировал вниз. Приземлившись, широ-

ко раскинул крылья, взметнув песок. Затем сложил крылья и вразвалку подошел к ней. Никс уткнулась носом ему в голову и потрепала за ушами. Баашалийя подался к ней, мяукая в поисках утешения. Его бархатистый нос обнюхивал ее шею, его дыхание согревало ей кожу. Рука Никс вдруг наткнулась на какие-то влажные пятна у него в шерсти, и отняв ее, она увидела, что пальцы стали пунцовыми.

«Кровь...»

Никс так и съежилась, представив, как он борется с кем-то из рааш'ке. Баашалийя выжил, но не остался невредимым. Она стала успокаивающе напевать ему – смягчая ему сердце, обещая ему, что он в безопасности.

«Но так ли это на самом деле?»

Потом повернулась к явно ошеломленному молодому человеку. Никс не знала, насколько хорошо эти люди знали облик летучих мышей, обитавших надо льдом, но все равно взялась пальцами за уши Баашалийи, вытягивая их во всю высоту. Другой ладонью провела по гладкой шерсти у него на груди. Потом пристально посмотрела на мужчину.

– *Не* рааш'ке.

Наконец он опустил кинжал, выглядя скорее растерянным, чем обрадованным. Маленькая девочка попыталась обхватить его за бедро и подтащить ближе, влекомая тем ярким любопытством, которым обладают лишь самые маленькие. Мужчина удержал ее.

– *Ньян*, Хенна!

Никс оставила Баашалийю, чтобы снова приблизиться к ним. Опять приложила ладонь к груди.

– Я Никс, – повторила она.

Мужчина облизнул губы и тоже положил ладонь на грудь.

– Даал. Я буду Даал.

Крайш подошел ближе.

– По-моему, он понимает какую-то зачаточную версию нашего языка.

Даал хмуро посмотрел на алхимика.

– Мама учит нас. Заставляет нас учить. Быть... – Он нахмурился, подбирая слова, затем нашел их: – Гордым нашей кровью!

Никс изо всех сил пыталась понять.

«Как такое могло случиться?»

Ответ пришел от девочки по имени Хенна – судя по всему, сестры молодого человека. Она чуть отодвинулась от своего брата, чтобы приподнять свои длинные темные волосы, в которых просвечивали зеленые пряди. Выбрала самые темные пучки и указала на черные волосы Никс.

– Ты ноор. Как и я.

Джейс застыл, разинув рот. Никс посмотрела на него:

– Что-что?

– Эти двое... – Его глаза стали еще шире. – В них течет кровь Ноора!

Она все еще ничего не понимала, хмуро глядя на него.

Джейс попробовал еще раз:

– Реги си Ноора. Рыцаря, который был капитаном корабля, направившегося в эти края более двух столетий назад – и исчез. – Он указал на брата и сестру. – Я думаю, что это его потомки.

* * *

Никс держалась поближе к Даалу, пока его сестра опасно приближалась к Баашалийе. Молодой человек попытался остановить ее, но Хенна сильно пнула его ногой в голень. Когда девочка протянула руку, ее глаза засветились детским желанием, полным любопытства и изумления.

– *Кар'ада*, – предостерег ее Даал, придвигаясь ближе и держа одну руку на торчащей из ножен рукояти кинжала.

Никс коснулась его руки.

– Ничто ей не грозит. Он не причинит ей вреда. Я обещаю.

Даал остался стоять на месте, но руку с кинжала не убрал.

В нескольких шагах от него Баашалийя переминался на задних лапах, раскачиваясь с боку на бок, что вызвало у Никс легкую улыбку. Раньше, когда он был не больше гуся – до того, как погиб и воскрес в этом более крупном теле, – Баашалийя пританцовывал так всякий раз, когда был чем-то взволнован. Это было напоминанием о том, что, несмотря на свои внушительные нынешние размеры, в глубине души он все еще оставался ее младшим братом.

Хенна протянула ладонь, чтобы коснуться его груди.

– *Гри ли рещ!*

Никс бросила взгляд на Даала, который выглядел примерно на год или два старше ее самой и был на полголовы выше. В такой близости пахло от него солью и кисловатым потом.

– Что она сказала?

Даал взглянул на нее и перевел:

– Он очень теплый.

Никс на мгновение была захвачена ледяным блеском его глаз – таких голубых, что они казались почти серебряными. Поняв, что откровенно пялится на него, она отвела взгляд.

– Баашалийя наверняка все еще разгорячен после своей битвы. Поэтому он такой теплый.

Чуть раньше, когда они уже обработали раны Баашалийи, воспользовавшись мазью из целительской сумки Крайша, Никс успела поведать Даалу некоторую часть их истории – в первую очередь касательно столкновения с рааш'ке, – хотя и не была уверена, много ли он понял. А еще представила остальных, пусть даже и чувствовала, что голова у него и без того основательно перегружена – правда, не то чтобы могла его в этом винить. Джейс буквально засыпал Даала вопросами, пытаясь понять все сразу – его историю, на что похожа жизнь здесь, внизу, и так далее, и тому подобное.

Наконец Никс отвела Даала в сторонку, чтобы дать ему немного прийти в себя. Это позволило остальным заняться шлюпкой и оценить, что делать дальше. Хотя Грейлин все равно редко позволял себе отвести от нее озабоченный

взгляд.

И все же это вроде помогло. Даал стал более раскованным, даже любопытным, задавая вопросы о Баашалийи и о том, откуда они сюда заявились. И опять она постаралась изъясняться как можно более кратко. С более подробными и длительными разговорами приходилось обождать.

Хенна весело захихикала, привлекая ее внимание.

Возвышаясь над девчужкой, Баашалийя склонил к ней свою усатую морду и обнюхал ее макушку, затем обе щеки. Что-то попискивал, посвистывал и мяукал ей, вдыхая ее запах, прощупывая ее своим обуздывающим напевом.

Хенна все это время ерзала, расплывшись в широкой улыбке.

– *Гри-хили-и!*

Даал впервые улыбнулся и сам, и улыбка эта была подобна лучам солнца, пронзившим грозовые тучи. Прищурил один глаз, явно пытаясь сообразить, как это перевести. Затем убрал руку с кинжала и пробежался пальцами по своей обнаженной груди.

Никс поняла.

– Щекотно. Он щекочет ее.

– *Дат*, – кивнул Даал. – Щекотка.

Грейлин помахал ей, показывая, что пора подойти к остальным.

Никс подняла ладонь, прося чуть-чуть обождать, и повернулась к Даалу:

– А не хотел бы ты и сам познакомиться с Баашалийей?

Он немного подумал, перевел дыхание, а затем кивнул:

– Хенна не боится. Негоже и мне.

Сестра услышала его и настойчиво помахала рукой:

– *Дат! Да мист!*

Никс подвела Даала к Баашалийе. Хенна попятилась, ее глаза все еще были огромными от благоговейного восторга. Подойдя достаточно близко, Даал нерешительно поднял руку. Баашалийя подался вперед, чтобы обнюхать ее, а затем наклонил голову и уткнулся макушкой в ладонь мужчины. Уши летучей мыши откинулись назад, прижавшись к черепу.

Никс нахмурила брови. Она еще никогда не видела, чтобы Баашалийя так привечал незнакомца.

Из горла летучей мыши вырвался тихий щебет. На миг Даал повторил его, только более мелодично – вероятно, даже сам того не сознавая. Рука его скользнула по голове Баашалийи, пальцы расчесали шерсть между ушами. Глаза мужчины были полужакрыты.

– *Гри реш*, – пробормотал он, подтверждая мнение сестры о теплоте летучей мыши. Потом опустил руку, отступил на шаг, и его мелодия затихла, как задутая свеча. Даал вновь уставился на Баашалийю. – *Гри прел...*

– *Гри прел?* – вопросительно повторила за ним Никс.

Он посмотрел на нее, и его глаза заблестели ярче. С трудом перевел дыхание, а затем указал на ледяную дугу, которая светилась сквозь густой туман.

– Сияет, – произнес Даал, переводя свои слова. – Он сияет.

Никс пристально посмотрела на Даала, который все приглядывался к далекому мерцанию. «Заметил ли он ауру обуздывающего напева, которая возникла, едва только эти двое соприкоснулись? У него тоже дар?»

В глубине груди у нее опять зародился напев, протягивая светящиеся щупальца к загадке, стоящей перед ним на песке. Никс пыталась прочесть Даала, как тогда Джейса в трюме «Пустельги» – когда она непреднамеренно зацепила своими прядями своего друга, обнажив его сокровенное сердце. Тогда это казалось чем-то запретным и насильственным, но сейчас Никс просто не могла остановиться. В Даале было что-то особенное – нечто большее, чем просто зачатки обуздывающего напева у него в крови.

«Но что?»

Она протянула к нему свои пряди – но, не успев коснуться его, они превратились в туманное облако и унеслись прочь. Никс потрясенно вздрогнула.

Даал взглянул на нее – выражение лица у него ничуть не изменилось. Он вроде и не сознавал, что сейчас произошло. Его взгляд метнулся к Баашалийе, надолго остановившись на нем. Следующие слова юноши прозвучали сдавленно, пронизанные опасением.

– *Гри неф ошкапи...* Он как ошкапиры... – прошептал он, вновь переключая внимание на Никс. Сглотнул, явно пыта-

ьясь объяснить: – Он... как *ошкати*... видит сны... Спит глубоким сном, как Сновидцы на дне морском...

Никс покачала головой:

– Что ты подразумеваешь под...

Даал с затравленным видом схватил ее за руку:

– Не ходи туда! Никогда!

Она высвободилась, изо всех сил пытаясь понять.

Грейлин заметил их короткий спор и направился к ним.

– У тебя всё хорошо? – окликнул он ее.

– Всё в порядке, – заверила его Никс, понимая, что Даал всего лишь выражает беспокойство о чем-то.

«Только вот о чем?»

Грейлин помахал ей:

– Нам пора.

Она хотела возразить, но при виде смятения в глазах у Даала просто кивнула, отбросив на время эту загадку.

– Ты по-прежнему готов отвести нас в свою деревню?

– *Дат*, – подтвердил он.

План, уже известный Никс, состоял в том, чтобы добраться до его дома. Даал был не единственной загадкой, которую им предстояло разгадать. Их группа ждала на пляже, держась неподалеку от потерпевшей крушение шлюпки – выгружая из нее предметы первой необходимости и не оставляя надежды обнаружить какие-либо признаки второй шлюпки и ее пассажиров. Не говоря уже о «Пустельге», которую в последний раз видели удирающей в туман и уводящей за собой

стаю рааш'ке.

Присоединившись к остальным, Никс посмотрела вверх – на туман, мерцающий в сиянии переливающегося льда.

«Где же вы все?»»

Глава 22

Райф уже в шестой раз обошел валяющуюся на берегу шлюпку, но с пятого раза ничего чудесным образом не изменилось.

Он уставился на полоску песка, усеянную колючими кустами с малиновыми ягодами – которые, несомненно, были в здешних краях ядовитыми и которые могла бы оценить разве что подземная богиня Нефина. Куда бы он ни посмотрел, повсюду эта полоска заканчивалась зелеными морскими волнами, окружающими их со всех сторон.

– Зачем тебе понадобилось высаживать нас на остров? – проворчал Райф, поворачиваясь обратно к шлюпке. – Мы здесь как в ловушке!

Белокурая дочь пирата, Глейс, расхаживала по палубе, пробираясь сквозь лохмотья разорванного летучего пузыря. Его останки свисали с плота, как детородный орган какого-то изнуренного бурной ночью бога.

Она сердито опустила взгляд на Райфа, и ее смуглая кожа еще больше потемнела от гнева:

– Радуйся, что ты цел и невредим!

Хиск, механик «Пустельги», тоже сидел там на корточках, осматривая обломки. На влажной жаре тощий старик снял рубашку, обнажив все свои выступающие ребра. Ощупав пальцами рваную дыру в ткани пузыря, он отбросил обо-

лочку в сторону.

– Это уже никак не залатаешь.

– Не важно, – отозвалась Глейс, сурово нахмурившись. – У нас все равно нечем его надуть. И быстропламени для горелки всего лишь жалкие остатки. Никуда мы отсюда не улетим.

– Выходит, мы здесь застряли, – проворчал Райф, убирая со лба потные пряди рыжеватой челки. – А поскольку вокруг нет ничего, кроме соленой воды, скоро нам придется сосать лапу.

Братья-близнецы, пираты Перде и Херль, уже вытаскивали из трюма последние припасы, складывая ящики и бочки на песке. Это не заняло много времени. В спешке покидая «Пустельгу», они не успели запастишь провизией. Пара тоже сняла свои грубые рубашки, обнажив широкие плечи и россыпи татуировок на спине, изображающие различные сцены резни и разврата – вероятно, с целью сохранить истории подобных подвигов для потомства. Лишь сюжеты этих наколок позволяли кое-как отличать братьев друг от друга – а еще кривой нос Херля, сломанный в какие-то незапамятные времена. Оба этих здоровенных, как гюны, детины были родом – а вернее, сбежали – из закрытой и отгороженной крепостными стенами Гегемонии Харпа, что выдавали их свойственные харпийцам желтушного цвета лица и раскосые глаза.

Херль обратил внимание на жалобу Райфа.

– Да, вор прав насчет сосания лапы... У нас всего один

бочонок воды.

Перде пожал плечами:

– Зато целых *два* бочонка эля.

– Что ж, кому что важней, – признал Райф. – По крайней мере, можно будет хорошенько набратъся, пока мы не упо-теем до смерти на этом проклятом богами острове.

Он взгляделся в смутную дымку.

С одной стороны острова, где вода кипела и плевалась, поднимая более густой пар, туман выглядел заметно плотней. Высоко над головой мир был накрыт ледяной крышей – нижней стороной могучего Щита наверху. Поверхности его светились сквозь горячую дымку малиновыми, голубыми и изумрудными оттенками, которыми переливались напластования и завесы какой-то похожей на плесень растительности.

Райф знал, откуда здесь исходит свет, лишь потому, что в какой-то момент их шлюпка подошла слишком близко к этой зазубренной крыше. Спускаясь в массивный разлом в Щите, Глейс едва увела их шлюпку подальше от ледяного утеса, возвышавшегося с противоположной стороны. Она боялась столкнуться с ним, особенно почти ослепленная туманом. Это уклонение и привело к тому, что их суденышко скользнуло в зев огромной пещеры, скрытой под Щитом. Повидимому, она образовалась за бесчисленные тысячелетия таяния, создав богатое минералами соленое море внизу.

Они даже не осознавали, что оказались в этом похожем

на огромную пещеру пространстве, пока один из ледяных клыков, свисающих с этой крыши, не разорвал их газовый пузырь, отправив корабль в дикое, закручивающееся по спирали снижение.

Даже сейчас Райф не мог полностью отдышаться. Сердце у него продолжало бешено колотиться в груди.

И все же, несмотря на его ворчание, Глейс и вправду всех спасла. Сдерживала их падение достаточно долго, чтобы разглядеть море под ними, – только вот оно бурлило, пузырилось и изрыгало пар. От жары они чуть не сварились заживо, как крабы в горшочке с кипятком. Глейс с трудом увела шлюпку подальше от опасности, заметила впереди пляж и направилась к нему, полагая, что это береговая линия. Они рухнули на него, проделав глубокую борозду в песке и камнях – и заработав зияющую пробоину в днище.

И только оказавшись там, осознали свою ошибку.

Это оказалась не материковая береговая линия, а полоска песка, огибающая серповидный островок, протянувшийся на поллиги в длину и чуть больше в ширину. Если не считать чахлах кустиков, эта полоска суши казалась совершенно бесплодной.

– И как мы отсюда выберемся? – спросил Райф.

Спрыгнув с палубы, Хиск предложил свой вариант. Хотя, судя по кислому выражению лица механика, сам он был в своем плане не особо уверен.

– У нас есть два топора. Может, получится вырубить часть

корпуса и соорудить плот. Сделать из других досок весла и спокойно уплыть отсюда.

Райф нахмурился, указывая на самый большой изъян в этом начинании:

– Только вот куда именно?

Глейс это тоже явно не убедило.

– А вдруг эти кипящие воды окружают нас со всех сторон? Мы можем отчалить и погибнуть от жары или испарений.

Райф снова вытер лоб. В воздухе пахло серой и еще какой-то едкой дрянью, которая щипала глаза и обжигала ноздри.

– Но что еще хуже, – добавила Глейс, – у нас недостаточно веревок, чтобы соорудить достаточно прочный плот. Особенно такой, который сможет всех нас вместить.

Она посмотрела на того члена их группы, который весил столько же, сколько Херль и Перде, вместе взятые. Райф тоже повернулся туда, где в излучине острова стояла Шийя. Бронзовая женщина смотрела на море.

Шийя, должно быть, услышала их разговор.

– По-моему, я вижу вдалеке свет костров.

Райф подошел к ней, увлекая за собой остальных – даже Глейс ловко прыгнула с палубы на песок. Вгляделся в густой туман, но не увидел ни проблеска пламени.

– Где? – спросил он.

Шийя указала куда-то в туман.

Райф прищурился, но по-прежнему видел перед собой

лишь все ту же серую пелену. Он обвел взглядом остальных.

– Не слишком ли стары мои глаза? Я ничего там не вижу.

Все пожали плечами, одинаково сбитые с толку.

– Это там, – настаивала Шийя. – Мерцающие огоньки.

Много.

Райф доверял Шийе. Ее стеклянные глаза были куда острее и смотрели на мир с пронизательностью, недоступной любому из них.

– Как далеко отсюда? – спросила Глейс.

Шийя повернулась к ней:

– Пока не могу как следует разобрать.

– Может, это остальные пытаются подать нам сигнал? – предположил Райф, сразу представив себе и шлюпку, на котором находилась группа Никс, и «Пустельгу». Надежда так и захлестнула его.

– Я не знаю, – призналась Шийя. – Но Глейс права насчет этих вод. Они опасны. Я слышу, как отдельные участки там кипят ключом.

– Тогда что же нам делать? – спросил Хиск.

Она повернулась к нему:

– Я пойду туда пешком.

Райф схватил ее за руку:

– Шийя...

Она обратила на него свои стеклянные голубые глаза.

– Мне не нужен воздух. Мой вес удержит меня на морском дне, позволив туда переправиться. Хотя это может за-

нять какое-то время. Я подозреваю, что некоторые из источников магмы способны навредить мне, поэтому мне придется держаться подальше от самых опасных из них.

Райф сглотнул, пытаясь придумать, как отговорить ее, но знал, что Шийя права. При такой жаре и зловонном воздухе не стоило оставаться на этом острове больше чем на день или два.

– Я сделаю все, что в моих силах, чтобы привести помощь, – сказала бронзовая женщина.

И уставилась на остальных, ожидая их согласия.

Все обменялись встревоженными взглядами, но возражений не последовало.

Райф сдавленно вздохнул:

– Просто будь осторожна.

Глаза Шийи мягко светились, глядя на него. Она дотронулась рукой до его щеки. Ее ладонь ощущалась как теплая плоть любой женщины. Вьющиеся пряди ее волос темно-бронзового цвета мягко касались лба. Кожа переливалась насыщенными медными оттенками – от розоватого до темно-красного, особенно губы.

Райф поднял руку и накрыл ее ладонь своей. Он вспомнил, как впервые повстречал ее в глубине меловых шахт. Увидев Шийю, уютно устроившуюся в своей стеклянной нише, вор принял ее за статую, ожившую благодаря какому-то божественному чуду.

«Но теперь уже нет...»

В обществе друг друга они провели на борту «Пустельги» уже многие месяцы. Райф давно понял, что она представляет собой нечто гораздо большее, чем просто шедевр какого-то искусного мастера, сработанный в бронзе. Проведя с ней столько времени, он распознал ее уникальный разум, ее способность к истинному состраданию, даже ее юмор, вселенные в бронзовое тело. Хотя Шийя наверняка и не вышла из материнского чрева, она была такой же женщиной, как и любая другая – а может, даже еще и в большей степени.

Райф натужно сглотнул – ему было ненавистно видеть, как она уходит. Проведя вместе с ней столько времени, он уже не мог выбросить ее из сердца. Он привязался к ней, как привязался бы к любой женщине из плоти и крови. И даже желал ее. Шийя была невыразимо прекрасна, воплощая собой его самые сокровенные мечты.

Увы, Райф знал, что она неспособна ответить на его низменные желания, но это не уменьшало его нежности к ней. Шийя признавала эту его привязанность и даже по-своему отвечала на нее. Она часто пела в его каюте, пробуждая в его собственной крови дар обуздывающего напева, унаследованный от матери. В такие моменты наедине это казалось таким же интимным, как объятия.

Шийя опустила руку.

– Я вернусь, – пообещала она ему, легко прочитав его опасения.

Райф отступил, позволяя ей уйти. Попытался откашлять-

ся, а затем окликнул ее, прежде чем бронзовая фигура повернулась к воде.

– На обратном путихвати немного льда!

Шийя ухмыльнулась ему:

– Конечно. Я знаю, что ты терпеть не можешь теплый эль.

Он улыбнулся в ответ:

«Как хорошо же она меня понимает!»

Махнув всем рукой, Шийя зашла в море. Райф смотрел, как ее бронзовая фигура медленно погружается в волны, а затем исчезает.

* * *

Он сидел на песке, мечтая о долгой прохладной ванне. Скинул сапоги и окунул ноги в шлепающие о берег волны. По крайней мере, море было немного прохладней воздуха. Рядом с ним стояла одинокая жестяная кружка, воткнутая во влажный песок.

«Может, я все-таки смогу научиться ценить теплый эль...»

Мысленно Райф попытался прикинуть, сколько времени потребуется Шийе, чтобы добраться до какого-нибудь далекого берега. Ее уже довольно давно не было. Однако он не имел ни малейшего представления о том, как далеко может находиться ее пункт назначения или даже какой темп она способна поддерживать, перемещаясь по морско-

му дну – особенно такому, которое представляло собой лабиринт из огненных жерл.

Прея на жаре, Райф пытался вообразить, каково ей сейчас там, внизу. Представил себе свою родину. Вырос он в окутанном дымом городе под названием Наковальня, центре территорий Гулд’гула – засушливого и негостеприимного края шахт и карьеров. Вдоль его северного побережья раскинулся Кипящий залив, названный так по множеству вулканов, больших и малых, которые поднимали пар в этих водах. Райф представлял себе здешнее море примерно таким же – вдруг разлившимся вширь Кипящим заливом, затопившим множеством вулканов.

Однако он быстро отогнал эту мысль прочь – она лишь усиливала его тревогу. Пусть даже Шийя и была отлита из бронзы, но в самых горячих печах способен расплавиться любой металл.

Он потянулся за своей кружкой, полный решимости постигнуть вкус теплого эля. Когда его пальцы сомкнулись на ней, на поверхность воды вдруг всплыл камень размером с дыню. Райфу приходилось слышать, что поверхность Кипящего залива усеивают огромные куски пемзы, извергаемой из жерл вулканов, иногда образуя огромные плавучие каменные острова.

Заинтригованный, он выпрямился – но тут этот камень вдруг открыл глаза.

Райф ахнул, отползая на спине подальше от линии при-

боя. Огромная башка поднялась из волн, вытягивая за собой длинную змеиную шею. Со свистящим шипением раскрылись мощные челюсти, обнажая несколько рядов зазубренных зубов.

«Ну я и влип...»

Когда Райф бросился бежать, из воды появилось еще больше подобных тварей, образовав позади него колышущийся лес, поднимающийся из моря. Вслед за шеями из волн показались мускулистые тела, покрытые накладывающимися друг на друга гребнями жесткой чешуи. Звери быстро выползали на берег на мощных лапах, вонзая когти во влажный песок.

Отвернувшись от них, Райф помчался вверх по склону песчаной дюны. Его босые ноги заплетались и скользили, но он не замедлял бег, преследуемый этим шипящим хором.

Взлетев на вершину дюны, наконец заметил впереди разбитую летучую шлюпку. Херль и Перде сидели на ящиках, играя в кости. Глейс неподалеку от них склонялась над картой, прихваченной с «Пустельги».

– Хиск! – заорал Райф, бросаясь вниз по склону.

К этому времени все остальные уже заметили его панику. Механик, который до этого безмятежно покуривал трубочку, сел прямее, а затем встал, прикрыв ладонью глаза.

– Топоры! – крикнул ему на бегу Райф, припомнив план Хиска построить плот.

– А что топоры? – спросил тот.

Райф махнул себе за спину.

– Нам понадобятся *оба!*

Он увидел, как на лицах остальных отразилось потрясение, и понял, что изголодавшаяся стая уже преодолела подъем позади него. Херль отбросил свои кости в сторону. Глейс нырнула в шлюпку – оставалось надеяться, что за оружием. Хиск последовал за ней.

Райф оглянулся через плечо. Одна из тварей вырвалась вперед – покрупней остальных, здоровенная, как буйвол. Уже спускаясь по склону дюны, она опустила башку и высоко взмахнула хвостом – длинным отростком, заканчивающимся шипастым веером. С конца его в сторону Райфа слетела туча крупных острых шипов, дождем посыпавшихся на песок вокруг него.

Ощувив острый укол в верхнюю часть бедра, он побежал лишь еще быстрее, не обращая внимания на боль.

Появился Хиск, который бросил каждому из братьев-близнецов по топору. Те подхватили рукояти в воздухе и выбежали вперед. Позади них из трюма шлюпки с мечом в руке выскочила Глейс, почти сразу же обогнав обоих братьев – размытое пятно черной кожи, которое, казалось, пролетело прямо над песком, не потревожив ни крупинки.

– Ложись! – приказала она Райфу на бегу.

Тот не нуждался в дополнительном предупреждении – глухого топота за спиной было более чем достаточно. Он бросился вниз головой, проскользив грудью по песку.

Челюсти щелкнули там, где он только что был, – и тут же перелетели через его распростертое тело.

В считанных шагах от него Глейс уже упала на бегу на колени, проехавшись по песку. Остановилась, зажав голову Райфа между бедер. Высоко взмахнула мечом и рассекла шею все еще налетающего на них чудовища. Огромная башка улетела вперед, преследуемая потоком крови.

Ноги распростертого Райфа глубоко вдавило в песок. Кусок обрубленной шеи, все еще корчащийся в предсмертных судорогах, тяжело упал ему на спину. Горячая кровь залила его.

Глейс быстро вскочила и рывком поставила его на ноги.
– Марш в трюм!

В стороне Перде и Херль расправились с еще двумя тварями. Размахивая окровавленными топорами, бросились на оставшихся.

Устроившийся на палубе шлюпки Хиск вскинул арбалет на плечо и выпустил короткую стрелу, угодив одному из зверей прямо в глаз. Судорожно выгнув шею, тот помотал головой из стороны в сторону, а затем рухнул на песок и покатился вниз по песчаному склону.

Остальная стая – отреагировав на запах крови и на вид своих мертвых соплеменников – ревом выразила свой испуг и затопала обратно, под защиту воды, вскоре исчезнув за дюной.

Однако Райф, нога у которого уже горела огнем, поспеш-

но заковылял к трюму шлюпки. Ощупав рану, наткнулся рукой на воткнувшийся в ногу шип. Попытался выдернуть его – и тут же вскрикнул, упав на одно колено. Зазубрины крепко держали его на месте. Райф попытался снова встать, но поврежденная нога больше не держала его.

Он перекатился на бок.

Заметив его бедственное положение, Хиск спрыгнул на песок и подбежал к нему. Глейс тоже попятилась в ту же сторону, но держала меч наготове, повернувшись лицом к дюне – изготовившись на тот случай, если к чудищам вернется жажда крови и они снова нападут.

Хиск опустился рядом с ним:

– Что с тобой?

Райф изогнулся настолько, что стал виден конец шипа, торчащий из верхней части бедра.

– Не двигайся! – предостерег его механик, снимая с пояса кинжал.

– Что ты собираешься...

Хик быстро разрезал заднюю часть широких штанов Райфа, обнажив ягодицу и ногу. Хлынула кровь, которая потекла на песок. Жгучая боль продолжала распространяться по телу, пожирая остатки разума. Райф потерял контроль над своим мочевым пузырем, обмочив себя и песок. У него свело желудок. Агония превратила его дыхание в судорожные вздохи.

Хик указал кончиком кинжала на вытекающую из раны

кровь. Та уже начинала закипать и чернеть.

Глейс сразу поняла, что он этим хотел сказать.

– Яд...

Глава 23

Со скалистого возвышения на пляже Грейлин обозревал деревню впереди. Та замысловатым извилистым лабиринтом поднималась от кромки воды до самого возвышающегося над ней ледяного утеса. Перед глазами рыцаря мерцали сотни фонарей, а также языки пламени, поднимавшиеся из осветительных горшков и урн.

С его наблюдательного поста деревня – а скорее, даже приличных размеров городок – выглядела как разрезанная пополам и раскрытая морская раковина, красновато-бежевыми изгибами и завитками растекаясь от главной улицы. Казалось, будто она вылеплена прямо из песка – как, собственно, и оказалось. Поскольку деревья в этих краях не росли, все дома, низенькие ограды и прочие строения – некоторые из которых поднимались на высоту четырех или даже пяти этажей – были отформованы прямо из окрестного песка, превращенного в камень при помощи какой-то непонятной алхимии. Все крыши были покрыты высушенными водорослями или тростником, зеленоватый оттенок которых гармонировал с соседними водами, отчего деревня еще больше напоминала морскую раковину, выброшенную на пляж.

Только вот эта оболочка не была пустой.

Над песками разносились смех и крики, сопровождаемые бречаньем струн и задорным барабанным боем.

– Кристнелл, – объяснил стоящий рядом с Грейлином Даал. – Празднество. Начнется со световым отливом.

Фенн, стоявший с другой стороны от Грейлина, пожал плечами.

– Если мы собираемся заглянуть туда, что может быть лучше праздника?

Грейлин держал ладонь на рукояти своего меча, хотя из ножен его не вынул. Входя в деревню, нужно было избегать любых внешних признаков враждебности. Он не хотел никаких недоразумений. Рыцарь покосился на Даала.

«Вроде недавних».

Никс уже отвела Баашалию к скоплению массивных валунов, образующих небольшую укромную пещеру. Миррскую летучую мышь было решено спрятать там до тех пор, пока остальных не представят местным. Там же оставили и старшину Викас с ее палашами, наказав охранять Баашалию. Равно как и Кальдера. Тот наверняка вселил бы ужас в любого жителя деревни, заметившего его, поэтому пришлось оставить в пещере и варгра. Кроме того, к ним приставили Крайша – чтобы тот позаботился о ранах Баашалии, которые вновь начали кровоточить во время перехода до деревни.

Лишь на этих условиях Никс согласилась на время расстаться с Баашалией – Грейлин не хотел, чтобы она хотя бы ненадолго оказалась вне пределов его досягаемости.

«Только не в этих чуждых краях».

План состоял в том, чтобы войти в деревню небольшой группой и тем самым сделать свое появление менее устрашающим. Кроме Никс, к Грейлину присоединились Джейс и Фенн – при всем своем намерении выглядеть как можно более мирно, рыцарь решил, что его подопечной не помешает и дополнительная защита.

Джейс закинул за плечи свою обоюдоострую боевую секиру – грозное оружие, выкованное из гулд’гульской стали, с рукоятью из каменного дерева. После нескольких месяцев упражнений на борту «Пустельги» молодой ученый уже довольно ловко управлялся с ним.

Не оставался безоружным и Фенн, который нес на поясе пару коротких бхестийских полумечей – на борту пиратского корабля даже судонаправитель всегда готов к бою. И этот парень учился владению мечом у Даранта – непревзойденного мастера в этом деле. Даже Грейлин отточил свои навыки, фехтуя с капитаном.

Даал тоже поклялся в случае чего помочь прикрыть Никс, а его сестра Хенна пообещала держать ее за руку, чтобы еще больше продемонстрировать отсутствие угрозы с их стороны. Хотя не то чтобы это требовало от Хенны каких-либо торжественных клятв – она и без того вилась вокруг Никс, как пчела над горшочком меда.

В качестве последней меры предосторожности Грейлин оставил дочь Даранта Брейль на шлюпке. Ей было поручено подготовить маленький летучий корабль, выбросив из него

все ненужное и облепив настолько, чтобы запасов быстро-пламени хватило на один короткий полет – пусть и не за пределы Приюта, но хотя бы в какое-нибудь безопасное место. В случае чего Грейлин был готов удерживать всю деревню на почтительном расстоянии, чтобы дать Никс возможность добраться до шлюпки.

Внимание его привлек шорох песка. В сопровождении Джейса к нему приближалась Никс, все еще продолжая оглядываться на скопление валунов. Грейлин спустился с каменного склона ей навстречу.

– Ты готова?

Она кивнула, хотя выглядело это не особо убедительно.

Подбежала Хенна, едва не оттолкнув Грейлина в сторону, – схватила Никс за руку и потащила ее за собой.

– *Ки вон!*

Бурлящий энтузиазм ребенка вызвал у Никс улыбку.

– Ладно, – отозвалась она. – Ну как я могу отказаться от столь решительного приглашения?

Грейлин еще раз изучил их маленькую компанию, оценивая каждого. Он предпочел бы войти в эту деревню с королевскими легионами, но этой группы должно было хватить. Развернувшись, рыцарь повел их вверх по каменистому склону.

По мере того как он взбирался все выше, мир вокруг него как-то странно темнел. Грейлин потер глаза, полагая, что что-то туманит ему зрение. Хотя, судя по замедлившим-

ся шагам и прищуренным взглядам, остальные чувствовали то же самое. За исключением Даала, который продолжал размеренно идти вперед, а затем остановился.

Юноша хмуро обернулся на них:

– Что не так?

Фенн указал наверх:

– Смотрите!

Грейлин вытянул шею. Лучезарное сияние, пробивавшееся сквозь дымку, быстро тускнело, словно его душил сгущающийся туман. Изумрудные и красноватые оттенки уже почти исчезли, оставив лишь мерцающие голубоватые полосы, похожие на россыпь звезд в ночном небе.

Даал проследил за взглядами остальных, явно сбитый с толку их замешательством.

– Световой отлив!

Уставившись вверх, Джейс предположил:

– Все эти светящиеся лишайники и плесень... они наверняка регулярно тускнеют к ночи – таким же естественным образом, как морской прилив сменяется отливом.

– Световой отлив, – кивнул Даал.

Фенн изумленно улыбнулся:

– Поразительно! Наверное, здешние кланы используют это свечение, чтобы ориентироваться в своем мире во времени, как мы используем солнце и луну...

– Разберемся с такими загадками позже. – Грейлин вытянул руку вперед. – Пошли дальше.

Когда они поднялись на вершину пологой скалы, внизу опять показалась деревня, и сотни ее огней теперь сияли ярче. Даал уже сообщил им, что называлась она Искар, и означало это попросту «крюк». Вдоль береговой линии на всей протяженности гигантского разлома, расколовшего Ледяной Щит, раскинулось еще около дюжины подобных деревень. Одна даже располагалась на острове. Весь этот мир моря и пара именовался здесь Приютом.

Даал ускорил шаг. Послышался звон каменных колоколов, эхом разнесшийся по песку и сопровождаемый радостными возгласами. Грянула музыка, яркая и радостная. Большая центральная площадь у кромки воды осветилась еще ярче, когда вокруг нее вспыхнуло кольцо костров.

– Празднество начинается, – объяснил Даал, который повел их прочь от моря. – Домой – вон туда.

Он нацелился в самый темный угол этой похожей на распахнутую раковину деревни, где светились лишь редкая россыпь фонарей. План состоял в том, чтобы сначала познакомиться с родными Даала – его матерью и отцом. Если группа Грейлина не сумеет убедить семью молодого человека в своих наилучших намерениях, то любые надежды завоевать доверие деревни будут обречены на провал.

К тому же Даал заверил их, что его мать гораздо лучше него владеет «ноорским наречьем», как он выразился. Пришельцам требовался умелый переводчик, если они надеялись заручиться поддержкой местных жителей.

Наконец они добрались до внешнего края деревни, где несколько домов превратились в груды песка и камней – как будто магия, которая поддерживала их, давно иссякла. Хотя, скорее всего, все объяснялось просто заброшенностью и течением времени.

Даал повел их пыльными узкими улочками, сворачивая то в одну, то в другую. Они миновали темные дома, все приземистые, с низкими крышами. Совсем в немногих горели свечи, свет которых едва проникал сквозь крошечные окошки с грубыми, едва прозрачными стеклами. Однако свет придавал стеклу очаровательное перламутровое сияние, опять напомнимшее Грейлину о вывернутых наизнанку морских раковинах.

Даал обвел рукой пустую улицу:

– Все ушли на гулянье.

Грейлин подозревал, что отсутствие людей в этом уголке Искарра объяснялось не только этим, но не стал настаивать. Ему не хотелось задерживать Даала вопросами.

Чего нельзя было сказать про Джейса. Тот провел кончиками пальцев по одной из вылепленных из затвердевшего песка стен, явно оценивая ее замысловатые изгибы.

– Поразительно! Как им это удалось?

Грейлин лишь хмуро посмотрел на него.

– И взгляните вот на это! – не унимался Джейс, замедляя шаг, чтобы заглянуть в одну из больших, высотой ему по пояс урн, в которой горел единственный огонек, танцую-

щий на полой тростинке с множеством отверстий. Та была погружена в поблескивающую в свете пламени лужицу, растекающуюся поверху какой-то желеобразной субстанции. – Похоже, это какой-то жир или расплавленный воск!

Даал кивнул в ответ:

– *Китэ воравап.*

– Пахнет довольно сладко, – сказал Фенн, глубоко втягивая воздух ноздрями, когда они проходили мимо. – Как пряное вино.

Одна лишь Хенна вроде как понимала всю срочность ситуации, хотя и с другой точки зрения. Она потянула Никс за руку, чтобы заставить свою новую подругу прибавить шагу.

– *Ки вон!*

Грейлин мысленно согласился с ней, взмахом руки подгоняя остальных.

– Не отставайте!

Наконец они добрались до скромного дома, выглядевшего довольно ухоженным, за окнами которого светились целые гроздья свечей. По бокам от плетеной из тростника занавески, служившей дверью, стояли две осветительные чаши. Языки пламени в них весело плясали, словно приветствуя нежданных гостей. Свет их падал на обложенный камнями пяточок затвердевшего песка, расчерченный замысловатым узором из треугольников. В центре его красовалась пятиконечная звезда, увенчанная скрещенными стрелами.

Подходя к нему, Джейс даже сбился с шага, но тут же метнулся вперед.

– Этот знак... – Он уставился на остальных через плечо. – Это фамильный герб Реги си Ноора!

Никс подошла ближе, восхищенно глянув на него.

– Тогда ты был прав, Джейс. – Она уставилась на Хенну, затем перевела взгляд на Даала. – Значит, они и вправду его потомки.

Даал лишь что-то раздраженно буркнул, встав у них на пути и подняв ладонь:

– Я пойду первым. Лучше...

Парень прищурился, с трудом подбирая слова. Никс помогла ему:

– Чтобы подготовить твоих родителей к нашему неожиданному появлению.

Даал недоуменно поджал губы – он явно ничего не понял. Грейлин просто махнул рукой:

– Давай тогда.

Юноша кивнул, направился к двери и, бросив последний обеспокоенный взгляд за спину, нырнул за занавеску.

Грейлин вместе с остальными остался ждать у входа – и тут в доме поднялся крик.

* * *

Даал лишь поморщился перед лицом налетевшей на него

бури, молясь, чтобы она поскорей закончилась. Перед ним стоял его отец – раскрасневшийся, разъяренный, с каплями слюны на губах. Палец его уткнулся в грудь Даала.

– Уже далеко за полночь! – ярился отец. – Разве ты не слышал звон колоколов? Гулянье уже началось! Мы должны быть там. Вместе со всей деревней. А мы тут всё ждем, ждем и ждем, не зная, где ты и твоя сестра... Твоя мать уже собиралась поднять людей на поиски! И это в первую ночь Кристнелла!

– Отче, послушай...

– Больше никаких оправданий, Даал! Эта ночь Кристнелла уже пару месяцев не давала тебе покоя! Я знаю: именно поэтому ты так опоздал – надеясь улизнуть от этих смотрин, отложить их на следующий год.

– Я опоздал вовсе не из-за этого, – буркнул тот, и сам уже начиная злиться. Хотя, по правде говоря, отец был не так уж и не прав. Даал и в самом деле замешкался на берегу как раз по этой причине. Если б он сразу двинул домой, то, скорее всего, так и не повстречал бы всех остальных.

«И, наверное, это было бы только к лучшему».

– Тогда почему? – Отец подался еще ближе, а его америловые глаза так и светились разочарованием.

Мать наконец пришла Даалу на выручку, коснувшись руки своего супруга:

– Дай ему сказать, Мерик!

От одного ее прикосновения часть его пыла погасла. Отец

поник и пренебрежительно махнул рукой:

– В чем же тогда дело, Даал? Почему ты так поздно при-
тащил сюда свою волосатую задницу?

Мать насупилась:

– Мерик, нет никаких причин вести себя так грубо и при-
нижать ноорскую натуру твоего сына. Он ничего не может
с этим поделать, равно как и я. Неужели из-за крови, теку-
щей в моих жилах, ты находишь меня такой отвратительной?

Даал с благодарностью глянул на мать. Из-за своего но-
орского происхождения она была на голову выше его отца.
Ее намащенные волосы были темными как смоль, а глаза та-
кие же, как у Даала, – голубые, словно отполированный па-
ром лед.

Его отец нежно прикоснулся тыльной стороной ладони
к ее щеке:

– Конечно же нет, Флораан. Ты остаешься такой же кра-
сивой, как и тогда, когда я впервые повстречал тебя.

Она прильнула к его руке.

Даал знал их историю. Редко когда чистокровный панте-
анец отказывался от своих корней и смешивал свою родо-
словную с ноорами. По крайней мере, в течение последнего
столетия.

До этого же в этом не было абсолютно ничего необычно-
го. В течение долгих десятилетий после Небопришествия –
того дня, когда Ноор нежданно свалился из тумана и по-
терпел здесь крушение, – оба клана счастливо смешивались

между собой. Поразительная натура рыцаря, происходящего из земель как мифических, так и фантастических, вызвала немалое любопытство и интерес. Пришельцев с их странными обычаями и умениями радушно принимали в деревнях, в домах и в постелях. Но с течением времени эта их уникальность исчезла, а различия стали раздражать. Пантеанцы – которые жили здесь еще со времен первого таяния – начали возмущаться смешением с ноорами, считая, что это портит их собственную чистую кровь, доведенную паром и льдом до полного блеска. Росло единодушие в том, что нооры осквернили ее, ослабили их династии. Так что эти две касты стали все больше отдаляться друг от друга. Тем, в чьих жилах текла ноорская кровь, оставалось довольствоваться лишь самыми тяжелыми, грязными и презираемыми занятиями – теперь к ним относились без всякого уважения, им запрещалось иметь хоть какое-то отношение к власти. Однако нооры упорствовали, находя утешение среди своих – по-прежнему следуя ритуалам, восходящим к Небопришествию, сохраняя свой язык и гордясь своим наследием.

Отдав свое сердце и кровь матери Даала, отец его жестоко за это поплатился, отвергнутый и изгнанный всей своей родней – путь в родную деревню был ему с тех пор заказан. Однако, несмотря на такое падение, Мерик ни разу не пожалел о своем решении – даже воспитывая такого упрямого сына, как Даал.

Отец вздохнул, теперь уже спокойнее, но выражение лица

у него оставалось разочарованным.

– Давай начнем сначала. Почему ты...

Дверная занавесь у него за спиной откинулась, и Хенна просунула голову внутрь.

– Ты уже сказал им, Даал? Мы торчим здесь уже целую вечность!

Даал отмахнулся от нее, но она лишь показала ему язык.

Мать придвинулась ближе, глаза ее сузились.

– Кто там еще?

Даал глубоко вздохнул:

– Мы с Хенной повстречали нескольких незнакомцев.

На берегу, далеко отсюда. После того, как я закончил собирать абилинов для завтрашнего пира.

– Незнакомцев? – переспросил его отец. – Из другой деревни?

– Ну да, наверное.

– Так откуда?

– Они нооры.

Его мать оживилась, шагнув вперед.

– Нашей крови? Из какой деревни?

Даал сглотнул:

– Они не из Приюта.

Его отец раздраженно фыркнул:

– Не говори глупостей! Хватит уже! Откуда на самом деле эти люди?

Отступив на шаг, Даал указал вверх.

– Они вынырнули из тумана. Как во время Небопришествия. – Он уставился на свою мать, безмолвно умоляя поверить ему. – Они откуда-то с родины нооров.

Его отец закатил глаза:

– Что еще за вздор? Разве я так воспитывал тебя, Даал?

Хенна, все еще стоявшая в дверях, потеряла остатки терпения и вошла, таща Никс за руку. Остальные гурьбой последовали за ними.

У Мерика отвисла челюсть. Он попятился, прикрывая мать Даала поднятой рукой.

– Это что еще за демонские проделки?

Никс склонила голову, говоря по-ноорски:

– Демоны тут совсем ни при чем, уверяю вас. Перед вами просто усталые путники, нуждающиеся в помощи.

Приподнявшись на цыпочки, Хенна так и подпрыгивала от нетерпения.

– И, ма, ты обязательно должна посмотреть на Баашалию! – Она широко раскинула тоненькие ручки. – У него вот такие крылья!

Даал прикрыл лоб ладонью:

– Хенна, ты сейчас все испортишь...

Глава 24

Никс пристроилась за маленьким каменным столиком. Скамьи были сделаны из таких же каменных плит, только устланных мягкими подушками. Гостям уже предложили подкрепиться поджаренным хлебом с разнообразными вареньями. Еда казалась одновременно и чужой, и знакомой на вкус. Запивали они ее сладким вином.

Поковыряв хлебную корку, Джейс уткнулся носом в мякиш.

– Я бы поклялся, что он сделан из ржи и ячменя.

Мать Даала – Флораан – поправила его, ставя перед ним блюдо с каким-то заплесневелым сыром.

– Из морского овса и квашеных водорослей, – сказала она. – По старинному ноорскому рецепту.

Фенн с набитым ртом пробубнил:

– После нескольких месяцев сухарей и солонины просто язык проглотишь!

Флораан улыбнулась. Кожа ее так и сияла в свете пылающего в горшке огня, глаза блестели. Проведя ладонью по бедру, она расправила подол своего простого, зеленого как мох платья, достигающего ей до колен и подпоясанного на талии. Ее короткие темные волосы, умащенные маслом и туго стянутые тонкой сеточкой, были украшены маленькими розовыми цветочками. Флораан явно принарядилась для празд-

ника, который был уже в самом разгаре. Откуда-то издалека до них доносились грохот барабанов, брэнчание струн и резкие взрывы смеха.

Напоследок кивнув им, она вернулась туда, где возле друтого горшка с горящим в нем огнем стояли Грейлин и Мерик. Отец Даала говорил по-ноорски столь же бегло, как и его супруга, хотя иногда та помогала ему с переводом, когда это было необходимо.

Никс и все остальные предоставили Грейлину возможность изложить схематическую версию своей истории, оставив суть дела на потом и особо избегая затрагивать тему Башалийи.

Отец Даала в данный момент восхищался Тернием – мечом Грейлина.

– До чего же искусная работа... – пробормотал он, возвращая клинок. – У нас тоже есть рудники, далеко на севере. Мы научились выплавлять металл у сошедшего с небес Ноора. Но это большая редкость, им очень дорожат.

Пока они продолжали общаться между собой, Никс оглядела стол. Рядом с ней сидела Хенна, намазывая ломоть хлеба толстым слоем варенья. С другой стороны от Никс стоял Джейс, прислушиваясь к разговору и явно желая тоже принять в нем участие.

Напротив них Даал, опершись локтем о стол, пытался объяснить судонаправителю Фенну устройство местных лодок.

– Мы сплетаем водоросли. Как для крыши. Кладем слой

за слоем, пока они мокрые. Потом даем высохнуть в формах. Орксо тянут. Или мы ныряем на них верхом в глубину.

– Орксо? – переспросил Фенн. – А что это такое?

Никс тоже заинтересовал этот вопрос, но прежде чем Даал успел ответить, ее внимание отвлек Джейс, который кивнул в сторону Мерики.

– Эти пантеанцы, – произнес он, понизив голос, – явно жили в Приюте многие тысячелетия, прежде чем сюда свалился Рега на своем корабле. Ты обратила внимание на перепонки между пальцами у Мерики, достающие до первых суставов? И на их гладкую, без морщин, кожу? Даже уши у них маленькие, заостренные и плотно прилегают к черепу, совсем как у наших тюленей. А цвет волос... такой же, как их родное море. Как будто их тела со временем приспособились к этому суровому окружению, пропитанному влагой.

Никс посмотрела на отца Даала. Одет тот был в облегающие штаны, сандалии на плоской подошве и свободную шелковистую рубашу до пояса, переливающуюся всеми оттенками зеленого. Глубокий вырез воротника открывал большую часть его гладкой груди. Темно-зеленые волосы Мерики были гладко зачесаны назад, открывая маленькие аккуратные ушки. При ближайшем рассмотрении Никс отметила, что наряд у него явно поизящней, чем у Флораан, и сшит из более дорогого материала. Тем не менее местами рубашка была протерта до дыр и обтрепана по краям, явно от долгого использования. И все же, на ее взгляд, по-прежнему намека-

ла на более богатое прошлое своего обладателя.

Словно ощутив внимание Никс, Мерик повернулся и повел Грейлина и свою жену обратно к столу. Флораан приглашающе помахала всем рукой.

– Если мы надеемся заручиться помощью деревни в поисках ваших друзей, то нам пора идти. Танцы сватовства в честь Кристнелла вот-вот начнутся. Ну а после будет уже полная неразбериха.

– Кроме того, к тому времени прольется слишком много вина, – добавил Мерик. – Лучше добраться до Рифового Фарера, пока этого не случилось.

При упоминании о танцах Даал издал глухой стон, что вызвало хмурое выражение на лице его отца. Тем не менее все поднялись со своих мест.

Грейлин придвинулся к Никс:

– Держись поближе ко мне!

Ее разозлил этот отрывистый приказ, но она поняла, что им *всем* лучше держаться вместе.

«Неизвестно, какого приема ждать».

* * *

Несмотря на приказ Грейлина, Никс поймала себя на том, что шагает по извилистым улочкам Искарара рядом с матерью Даала. Ее очень привлекали теплота и материнская любовь Флораан. Женщина крепко держала свою дочь за руку, едва

не отрывая Хенну от земли при каждом шаге.

Никс краем глаза поглядывала на обеих. Она никогда не знала свою собственную мать, Марайну, беглую рабыню для плотских утех. Грейлин часто делился всякими историями, восхваляя свою возлюбленную, в основном в печальных тонах – рассказывая о ее красоте, чувстве сострадания, волевом характере. Никс вытянула из него все, что смогла. Тем не менее эти рассказы были историей Грейлина, а не ее собственной. Как бы ей этого ни хотелось, она так и не смогла извлечь из них никакой истинной теплоты или связи.

Осиротевшая и воспитанная крылатой обитательницей болот и ее двумя сыновьями, Никс никогда не знала матери. И хотя отец щедро одаривал ее своей любовью, она все еще чувствовала зияющую дыру в своей жизни. Никс думала, что все это из-за того, что она ничего не знала о своем прошлом и о матери, которая ее родила. Однако даже теперь, заполнив эти пробелы, ей все равно не удавалось еще хоть как-то стянуть края этой дыры. Во всяком случае, это знание лишь усиливало боль от того, что она потеряла.

Припрыгивающая рядом с Никс Хенна хихикнула и с полным восторгом посмотрела на свою мать. Флораан, в свою очередь, наклонилась и поцеловала свою дочь в макушку.

Никс печально улыбнулась, горюя по тому, что у нее отняли.

Идущий с другой стороны Джейс привлек ее внимание, указывая вверх. Никс была только рада отвлечься.

– Там, в Венце, – произнес он, – алхимики верят, что это Отец Сверху – солнце – дарует жизнь, заставляя семена прорасти, а листья распускаться. Но здесь, в этом лишенном солнца краю, я задаюсь вопросом: излучает ли это свечение наверху хоть что-то животворящее? Или, может, вся здешняя жизнь подпитывается теми горячими газами, что выбрасываются вместе с паром? Или каким-то сочетанием того и другого?

Джейс громко, с тоской вздохнул:

– Я мог бы провести здесь целую вечность.

– Будем надеяться, что этого не случится, – отозвалась Никс. – Нам еще многое предстоит сделать.

Флораан услышала их разговор.

– Не переживайте. Если что, вы сможете очень даже неплохо обосноваться и здесь, в Приюте. Надо будет только немного привыкнуть. И вам, и нам. После Небопришествия нооры – ваш народ, мой народ – были не сразу приняты в местное лоно. Неудачи и недоразумения унесли много жизней, пока не было достигнуто некое подобие мира. Потребовалось время, чтобы нооры смирились с тем, что их собственный народ не спасет их, и научились жить в гармонии с пантеанцами.

– И как раз это и привело к миру? – спросила Никс. – Отказ от надежды на спасение?

– Это – и, возможно, одно пророчество.

Никс обменялась взглядами с Джейсом, а затем вновь по-

вернулась к Флораан:

– Какое пророчество?

Та улыбнулась и обвела рукой их группу.

– Что однажды нооры вновь посетят эти края. – Потянувшись к Никс, она притянула ее к себе. – Хотя я подозреваю, что «пророчество» о вашем возвращении было вызвано к жизни не столько надеждой, сколько *необходимостью*.

– В каком это смысле? – спросил Джейс.

– Такой слух пустили для того, чтобы убереечь нооров – как в прошлом, так и сейчас. Еще с самого начала пантеанцы пришли к пониманию того, что нооры обладают талантами и знаниями, намного превосходящими их собственные. Пока они верят, будто некие кланы нооров способны в будущем вновь посетить Приют, особенно с войском, то не осмелятся уничтожить нас, опасаясь возмездия.

Шаги Никс замедлились.

– Так это *страх* на самом деле сплотил обе стороны?

Флораан весело рассмеялась:

– Лишь отчасти, моя дорогая. Жизнь здесь тяжелая. Требуется много рук, работающих сообща, чтобы обеспечить выживание каждого. Это тоже *необходимость*. Но дело не только в этом. – Она кивнула в сторону своего мужа. – Иногда это просто любовь.

Никс продолжала молча идти, переваривая услышанное. Ее уже терзали угрызения совести. Грейлин поделился большей частью истории их группы, но так и не упомянул

об угрозе, загнавшей их всех в Студеные Пустоши.

«Имя которой – обрушение луны...»

Если Никс и ее товарищи преуспеют в своих попытках заставить Урт вновь вращаться – практически невыполнимая задача, – то эта сторона света будет раз за разом обращаться лицом к солнцу. И закончится это тем, что Ледяной Щит растает и затопит этот мир.

Никс посмотрела на Хенну, затем перевела взгляд на Даала. Музыка впереди гремела все громче. Грохотали барабаны – так, что уханье их отдавалось в груди. Смех и веселье лились рекой. Все это звучало беззаботно и радостно, полное жизни и надежды.

Праздничная атмосфера лишь усилила отчаяние Никс – настолько, что у нее перехватило в горле.

«Мы явились сюда в поисках помощи этих людей – но их единственной наградой будет смерть».

Отец Даала наконец повернулся к ним:

– Ну вот мы и пришли. Я сделаю все возможное, чтобы Рифовый Фарер прислушался к вам. Берент – жесткий, но справедливый человек. И все же давайте молиться, чтобы он был в добром расположении духа.

Никс последовала за ним, пристыженная и вдруг неуверенная, какой исход предпочла бы.

Глава 25

Подойдя к возведенному на площади высокому помосту, Грейлин в сопровождении Мерики и Флораан стал подниматься по его задним ступеням. Никс с Джейсом и Фенном, а также Даалом и Хенной остались стоять внизу.

Отовсюду доносились веселые крики и громкий смех. Вдоль изогнутых стен, огибающих площадь и оставляющих свободным только выход к морю, грохотали большие кожаные барабаны. Оглушительно трубили рожки, сделанные из огромных изогнутых раковин, вторя всевозможным богато украшенным струнным инструментам.

Поднимаясь навверх, Грейлин бросил взгляд на море, где у полудюжины каменных причалов покачивались разномастные лодки. Присмотревшись, он заметил, что часть гавани огорожена плавающими в воде толстыми канатами из водорослей. Внутри этих загонов сновали какие-то крупные существа, пронзая волны своими длинными, торчащими вперед рогами.

«Странно...»

Но не успел Грейлин ступить на помост, как наверху лестницы возникла пара караульных в блестящих кожаных доспехах и шлемах с маленькими крылышками. Скрестив перед ним копья со стальными трезубцами на концах, они преградили ему путь.

– *Рел'н дар ваа?* – спросил один из них.

Подступив к ним, Мерик указал туда, где на тростниково-м троне, украшенном морскими раковинами и всякими золотыми и серебряными финтифлюшками, восседал худощавый мужчина – Рифовый Фарер. На помосте стояли и другие кресла, попроще. Расположившиеся в них дружелюбно болтали друг с другом.

«Похоже, это его родня».

Женщина, которая сидела прямо по соседству с Рифовым Фарером, склонившись к нему и небрежно держа его за руку, вроде была полностью поглощена тем, что что-то шептала местному правителю на ухо, но все-таки моментально заметила Грейлина. Глаза у нее расширились от удивления, а затем сузились от любопытства. Она подалась еще ближе к трону, быстро шевеля губами и все так же не отрывая взгляда от рыцаря.

Мерик впереди вроде о чем-то спорил со стражником.

Флораан объяснила:

– Похоже, Рифовый Фарер не в настроении развлекать пришлых. Но если он поймет, *какого рода* пришлых, то может изменить свою позицию. Это то, что Мерик пытается донести до него.

Второй стражник оглядел Грейлина с ног до головы, явно сбитый с толку его высокими сапогами, штанами из плотной ткани и отороченным мехом жилетом поверх туники с длинными рукавами. И все же гарпуны оставались скрещенными,

преграждая путь на помост.

Тупик был преодолен, когда Рифовый Фарер взмахом руки подозвал к себе одного из своих подчиненных – наверное, племянника или двоюродного брата. Они обменялись несколькими словами, и путь был открыт.

Мерик в сопровождении двух стражников повел своих подопечных через помост. Оказавшись рядом с тронем, он опустился на одно колено и склонил голову, уткнувшись лбом в тыльную сторону ладони. Флораан сделала то же самое, и Грейлин последовал их примеру.

Непринужденно развалившись в кресле, Рифовый Фарер благосклонно кивал в ответ на каждый поклон. Берент явно принадлежал к пантеанцам. По его гладкому лицу было трудно угадать возраст, но волосы на голове, увенчанные диадемой из белого камня с изумрудами, рубинами и сапфирами, были серебристо-седыми. Драгоценные камни, сверкавшие в свете факелов, напоминали своими оттенками дневное небо.

Остановившись на Грейлине, его глаза слегка сузились, сверкая сдержанным интересом. Затем Берент повернулся к Мерику и махнул рукой, призывая его говорить – объяснить это неожиданное вторжение и присутствие чужака.

Мерик выпрямился и быстро что-то затараторил.

Пока эти объяснения продолжались, время от времени прерываемые вопросами, женщина по соседству с Рифовым Фарером не сводила глаз с пришельца. Мерик уже сообщил

Грейлину, что это супруга Берента, Улария. Рыцарю она напомнила статуэтку из белого мрамора, и, судя по темно-изумрудному блеску ее коротких локонов, была намного моложе своего супруга. На ней было длинное свободное платье – такое же бледное, как и она сама, хотя и расшитое переливающимися в свете факелов жемчугом. В глазах ее светился острый ум.

Смутить Грейлина всегда было непросто, но все же он первым отвел взгляд и повернулся к площади.

Празднующие внизу не обращали ни малейшего внимания на происходящее на помосте. Вино лилось рекой. Музыка гоняла их по площади в сложных танцах, которые включали в себя множество кружений на месте и внезапных остановок, заканчивавшихся хлопками в ладоши. Все танцоры были молоды, нарядно одеты, лица их блестели от пота – как от головокружительной быстроты танца, так и от волнения. Еще больше молодых людей ждали своего выхода по краям. Мерик объяснил, что это танец женихов, ищущих себе пару, дабы обновить кровь во многих окрестных деревнях.

Флораан коснулась руки Грейлина, привлекая его внимание:

– Рифовый Фарер Берент хотел бы поговорить с тобою!

Грейлин повернулся к трону и почтительно склонил голову. Предводитель всех собравшихся внизу поднялся со своего места и подступил к нему. Губы у него сжались в тонкую

линию, в глазах светилось сомнение. Он оценивающе посмотрел на Грейлина – видимо, пытаясь определить, нет ли тут какого подвоха. Затем протянул руку и провел пальцем по меховой опушке жилета рыцаря. Склонил голову набок.

– *Ве синк фэй на?*

Флораан перевела:

– Он хочет знать, что это за зверь такой.

Грейлин опустил взгляд.

– Лис. Лисий загривок.

Сглотнув, Флораан прошептала:

– У нас нет слова для обозначения такого существа!

Тем не менее она повернулась к Рифовому Фареру и как могла перевела, сделав ударение на иноземном слове:

– *Гри фэй лис.*

Фарер кивнул, хотя и не особо убежденно. Грейлин подозревал, что тот счел его наряд каким-то замысловатым маскарадным костюмом – некоей праздничной шуткой, призванной позабавить собравшихся. И вообще-то Грейлину довелось сразиться с достаточным количеством противников, чтобы понять: Рифовый Фарер уже теряет терпение, впадая в раздражение, даже гнев.

Прежде чем ситуация успела ухудшиться, Грейлину наконец пришел в голову способ убедить его, что они и вправду не из местных и что его наряд – не какая-то там хитроумная уловка. Поднятием ладоней успокоив обоих стражников, по-прежнему стоявших неподалеку, он потянулся к по-

ясу и очень медленно вынул свой меч из ножен.

Один из них все равно шагнул было вперед, готовый вмешаться, но Берент лишь отмахнулся от него. Глаза пантеанца сузились от любопытства – а может, и от алчности, когда клинок показался во всю длину.

Терний так и сиял в свете факелов. Серебристая поверхность его была исписана выющимися лозами, отяжелевшими от виноградных гроздьев. Этот орнамент посвящался родному уголку Грейлина в Тучноземье – холмистой местности, охлаждаемой тенью скал Кручи, где раскинулись обширные виноградники его семьи.

Берент опять подступил ближе, кончиком языка облизнув верхнюю губу. Прочитав написанное у него на лице желание, Грейлин перехватил меч, положив его плашмя себе на ладони, обеими руками высоко поднял его и бережно опустил прямо в руки Рифового Фарера, чтобы тот мог убедиться в его подлинности.

Бросив взгляд на Мерика, он припомнил слова пантеанца о том, насколько ценится здесь такая редкость, как сталь тонкой ковки. Никто не стал бы подделывать такое сокровище, только чтобы над кем-то подшутить.

Даже супруга Рифового Фарера, Улария, поднялась со своего места и подошла ближе. На данный момент она наконец-то обнаружила что-то более интересное, чем сам Грейлин.

Когда Рифовый Фарер вновь поднял глаза, в них уже

не было и тени сомнения – лишь изумление. Он задал вопрос, который Флораан тут же перевела:

– Берент хочет знать, где находится ваш великий корабль. Он желает его увидеть.

Грейлин заколебался – сразу по нескольким причинам. Во-первых, маленькая спасательная шлюпка наверняка разочаровала бы местного правителя. А во-вторых, он все еще хотел сохранить ее местонахождение в тайне – на случай если что-то пойдет не так и их группе понадобится быстро уносить ноги.

Берент опять что-то вопросительно произнес – вроде как повторяя то же требование, только голос его стал тверже.

Грейлин знал, что ему следует соблюдать осторожность. Присутствие его группы рисковало нарушить хрупкое равновесие, которое складывалось тут веками – с самого Небопришествия, как они это называли. У него сложилось впечатление, что с тех пор в Приюте мало что изменилось. Пантеанцы явно не привыкли к неожиданностям или внезапным изменениям обстоятельств.

А тут еще встрял и Мерик, лишь усиливая любопытство своего предводителя:

– Я бы тоже хотел взглянуть на этот корабль.

Словно в ответ на эту просьбу, от моря эхом отразился глухой рев, словно раскат грома во время грозы. С каждым ударом сердца он становился громче. Все взоры обратились к небу, когда туман превратился в огонь. Музыка зазвучала

нестройно, затем окончательно смолкла.

«О нет...»

Грейлин понял, что сейчас произойдет.

Из облаков пара над морем, освещенный вспышками пламени, выплыл огромный силуэт, вихрями закручивая за собой туман. Ключья летучего пузыря над ним хлестали по воздуху и рвались в небеса, словно пытаясь за что-то уцепиться. Часть пузыря осталась неповрежденной, каким-то чудом удерживая корабль в воздухе. Нацеленные вниз быстропламенные горелки изрыгали пламя, образуя огненные вихри у него под килем.

Но этого было недостаточно, чтобы остановить падение.

«Пустельга» пролетела по воздуху и плюхнулась в воду, едва не задев концы причалов. На берег хлынула огромная волна, срывая лодки с привязи и проносясь сквозь огороженные загоны. Вздвигнувшаяся масса воды накрыла собой половину запруженной народом площади. Танцоры и музыканты хлынули во все стороны.

Погрузившись в момент удара о воду по самые борта, «Пустельга» резко поднялась из нее, пьяно раскачиваясь и разводя еще больше волн. Под днищем у нее сквозь воду еще просвечивали языки пламени, которые вскоре погасли.

Люди на площади кричали, пытаясь спасти тех, кто барахтался в волнах. Все были в полном замешательстве.

Но только не здесь, наверху.

Вдруг что-то резко кольнуло Грейлина в шею. Повернув-

шись, он увидел, что Рифовый Фарер уткнул Терний ему чуть ли не в самое горло. В глаза у Берента горел огонь, губы искривились в яростной усмешке.

«Я вот-вот погибну от своего собственного клинка...»

Но самое худшее было еще впереди.

Дарант появился не один.

С площади донеслись новые крики ужаса. Улария прикрыла рот рукой и бросилась к выходу с помоста. Грейлин проследил за ее взглядом, устремленным к небу.

Высоко над головой из густого тумана вырвались черные тени. Кувыркаясь и кружась в воздухе, они пикировали к морю, полные решимости добить потерпевший крушение корабль. Все больше и больше их появлялось из тумана, создавая темную грозовую тучу, которая быстро опускалась на деревню, привлеченная шумом и светом факелов.

Рифовый Фарер выдохнул их имя, как проклятие:

– *Рааш'ке...*

Орисо, обитающие
в Америловом море
Иллюстра из архивов

Часть VI

Дворец в панике

Никогда не бегите от невзгод – ибо порой храбрецу и суждено встретить смерть, встав у них на пути, но трусы обречены бежать от них до скончанья своих дней.

Приписывается Плине им Кастия

Глава 26

Все еще сидя на балконе личных палат Рами, Канте заметил недоверчивое потрясение, отразившееся на лице клашанского принца. Трубка Рами была напрочь забыта, огненный лист в ней давно остыл.

Канте только что закончил объяснять истинную причину, по которой он и все остальные прибыли в Кисалимри, в земли Южного Клаша. Каким-то образом обнаружив их интерес к луне, Рами явно заподозрил что-то неладное – но не понимал всей степени опасности.

А теперь понял.

Клашанский принц выпрямился в кресле, едва выговорив: – Так вы все... вы и вправду верите, что луна обрушится на нас? Это не какая-то шутка? И Урт будет полностью уни-

чтожен?

Канте почти ничего не утаил из их истории, высказав даже опасения Фрелля по поводу участвовавших землетрясений и более бурных приливов. Он, конечно, понимал, что подобная откровенность явно вызовет у остальных недовольство, но из-за угрозы войны настал момент приоткрыть кое-какие доселе крепко хранимые секреты.

«Нам нужен здесь союзник, иначе ничего из задуманного у нас не выйдет».

Примерно так Канте и пытался оправдать себя в том, что привлек Рами к их тайному предприятию. Хотя в глубине души понимал, что дело было главным образом во все растущей неловкости из-за необходимости лгать молодому человеку, которого он считал своим другом. К тому же тяжесть всех этих секретов давно уже камнем лежала у него на груди. Ему надо было снять с себя хотя бы часть этого бремени, пусть даже и переложив его на плечи другого человека.

Канте всматривался в окаменевшее лицо Рами, в его темные непроницаемые глаза.

И так ничего и не понял.

«Я принял верное решение? Или же все испортил?»

Никак не выдавая свои мысли, клашанский принц вытряхнул остывшее содержимое своей трубки и принялся набивать ее свежим листом. Поднес трубку к губам, горящим фитилем поджег лист, раздувая его ярче. Откинулся назад, глубоко затянулся, задержав дыхание, и выпустил длинную

струйку дыма.

И только тогда повернулся к Канте.

– Что же нам тогда делать?

Канте приподнял обе брови:

– Ты мне веришь?

Рами пожал плечами:

– Во-первых, я не вижу никакого смысла в фабрикации подобной истории. Если что, это лишь выставляет тебя полным безумцем. Во-вторых, поскольку я всего лишь четвертый по рождению принц этих земель, мало кто задумывается, чем я в тот или иной момент занят. Было совсем нетрудно проникнуть в палаты вашего алхимика и заметить его своеобразную линию исследований – луна и апокалиптические предзнаменования.

Канте выпучил глаза:

– Погоди-ка... Ты вломился в схолярий Фрелля? Так, что он даже ничего не прознал? – Он был одновременно и потрясен, и впечатлен. Фрелль расставил у себя предостаточно всяких хитроумных ловушек, чтобы засечь любого, кто сунет нос в его книги или работы.

Рами поднял руку:

– Там, в Халендии, ты использовал свое свободное время, чтобы стать искусным охотником. В то время как мои интересы здесь выходили за рамки простого метания ножей. – Он выразительно пошевелил пальцами. – Один из моих чаенов происходит от нескольких поколений воров. После некото-

рого обучения и прилежных упражнений мои прегрешения теперь остаются без внимания. Вообще-то мало существует на свете замков, которые я не способен открыть отмычкой.

При этом хвастливом замечании взгляд Рами с легкой улыбкой остановился на Канте.

– Можешь научить меня, как это делается? – спросил тот, завидуя такому мастерству.

– Я многому могу тебя научить... – Выгнутая бровь. – Но сколь бы огромное удовольствие это мне ни доставило, давай-ка лучше вернемся к обсуждаемому вопросу. Так что мы все-таки можем сделать, чтобы остановить это обрушение луны, если оно и вправду должно произойти?

Канте все прикидывал, стоит ли раскрывать последний секрет, но уже рассказанного и так хватало с лихвой. Не было смысла в последний момент давать задний ход. Он подался ближе к принцу.

– Есть кое-что важное, почти что мистическое. Это может быть спрятано в южных пределах ваших земель – один древний артефакт, который мог бы помочь пролить дополнительный свет на эту угрозу.

– Какой еще артефакт?

– Спящий из времен, предшествовавших Забытому веку. Рами недоуменно поджал губы.

– В каком это смысле...

Тут его прервал трезвон гонгов. Начался он внезапно, все нарастая и эхом заметавшись за пределами балкона. Затем,

мгновение спустя, стал еще громче, доносясь уже из самой цитадели.

Рами встал, отбросив трубку в сторону. Канте поднялся вместе с ним.

– Это еще что?

Рами так и рыскал взглядом по сторонам.

– Императорский набат. – Его пристальный взгляд вновь остановился на Канте. – Дворец подвергся нападению.

Сглотнув, Канте уставился за балконные перила. К этому времени имперские летучие корабли, недавно замеченные им в небе, уже скрылись из виду. Взрывов он не слышал, характерных следов дыма не видел. Принц изо всех сил пытался понять.

«Неужели мой отец настолько обнаглел, что решился напасть на цитадель императора? Или это очередная атака Шайн'ра – Кулака Бога?»

Тут их внимание привлек внезапный стук в дверь.

После секундного замешательства Рами бросился с балкона в комнату, взмахом руки увлекая Канте за собой.

– Это наверняка императорские паладины, которые проведут нас в безопасное место!

Канте бросился вслед за принцем.

– Если на нас напали, я должен вернуться к Фреллю...

– За твоим алхимиком присмотрят, обещаю тебе.

Добежав до двери, Рами крикнул через нее:

– *Ка райлин ву!* – И, вероятно, для Канте: – Назовитесь!

Последовал приглушенный ответ. Знаний Канте клашанского оказалось достаточно, чтобы его понять.

– Это старшина стражников Тайфн. И чааен Лорин. – Отпирая дверь, Рами кивнул и оглянулся на Канте: – Паладины, я же говорил.

Когда Рами распахнул дверь, внутрь протиснулось несколько фигур в легких доспехах и кольчужных вуалях. Надетые на них плащи были украшены гербом Клаша: парой скрещенных золотых мечей на черном фоне. Рами попятился, впуская их.

– Пока что нам ничего не грозит, – заверил он ввалившихся первыми стражников.

Канте схватил своего друга и оттащил его назад, уже зная, что это не так. Со своего места он заметил что-то бесспорно неправильное – там, в коридоре. Какую-то фигуру, закутанную в балахон биор-га, стоящую рядом с высокой худощавой фигурой Лорина. К горлу чааена был приставлен кинжал.

«Что тут происходит?»

Прежде чем Канте или Рами успели хоть как-то отреагировать, вооруженные мечами стражники бросились к ним и толчками разделили их. Незнакомец в балахоне втащил Лорина в комнату и подпихнул его к Рами. Обоих принцев и чааена окружили обнаженные клинки.

Человек в балахоне вложил кинжал в ножны и снял головной убор биор-га. Канте ожидал увидеть смуглое лицо и глаза, подведенные белой полоской. Но это оказался не предво-

дитель Шайн'ра. Судя по виду, незванный гость даже не был клашанцем. Бледное лицо его сильно обгорело на солнце, голову венчала растрепанная копна седеющих светлых волос. Его зеленые глаза обвели комнату, а затем остановились на Канте.

– Все на выход, – скомандовал он. – Немедленно.

Канте не двинулся с места, придав своему голосу некое подобие венценосного негодования.

– Это король Торант нанял вас, негодяев? – гневно спросил он. – Если это так, то мы способны заплатить вам вдвое от предложенного за голову, если не больше!

Незнакомец рассмеялся:

– Ты и вправду думаешь, что простые разбойники сумели бы проникнуть в цитадель Имри-Ка?

Канте нахмурился:

– Тогда кто же ты такой?

– Ну да, конечно... Мы ведь еще ни разу не встречались. – Мужчина протянул руку и представился: – Саймон хи Раллс.

Канте несколько раз моргнул, не сразу пристроив это имя в голове. И широко раскрыл глаза, когда до него наконец дошло.

– Грейлин предупреждал нас насчет тебя... Прямо перед тем, как мы отправились в эти земли. Он велел остерегаться тебя. Ты из «Попранной Розы».

Мужчина приподнял воображаемую шляпу:

– Коли меня в этом обвиняют – значит, так оно и есть.

Канте помотал головой:

– Ничего не понимаю!

По слухам, «Попранная Роза» представляла собой тайное сообщество шпионов, не связанное ни с одним королевством или империей. Говорили, что состоит оно из бывших алхимиков и иеромонахов, тайно завербованных, чтобы использовать их умения и опыт для высших целей: оберегать и сохранять знания в эпоху возвышения и падения государств. Кое-кто подозревал, что истинная цель сообщества заключается в том, чтобы направлять события в нужное русло, считая «Розу» тайной рукой, раскручивающей колеса мировой истории.

Саймон был прав в одном. Успешно преодолеть многочисленные слои охраны во дворце и добраться до них сумел бы лишь тот, кто располагал столь же серьезными силами и средствами.

– Но здесь-то ты зачем? – не отставал Канте.

– «Роза» способна пребольно колотьяся, но мы знаем, когда лучше всего использовать наши шипы. Мы тайно следили за усилиями всей вашей компании здесь, в городе, и, хотя вы наверняка этого не знаете, направление ветра вот-вот радикально изменится. Даже с учетом почти безграничных возможностей «Розы» у нас едва хватило времени вмешаться. Если вы надеетесь и дальше исполнять задуманное, то вам надо немедленно уходить.

Рами тоже все это слышал.

– Значит, вы напали на наш дворец, чтобы освободить принца Канте?

– Напали? – Саймон повернулся к нему: – Ты имеешь в виду всю эту лязгающую какофонию? – Он проникновенно прижал ладонь к груди. – Только не мы. Мы работаем гораздо тоньше. Просто сочли этот момент наиболее подходящим для выполнения нашей собственной задачи. А именно чтобы вытащить вас из того, во что вы неожиданно-негаданно для себя влипли. Пошли! У нас совсем мало времени.

Саймон попятился к выходу. Канте заколебался, оглянувшись на Рами. Несмотря на новые обстоятельства, ситуация принципиально не изменилась.

«Нам все равно нужен сильный союзник в этих землях».

– Рами... – Канте поднял руку. – А давай с нами!

Его друг уставился на него в ответ. Лицо у него вновь стало каменным.

Саймон нахмурился:

– Заложник нам не требуется.

Канте пропустил его слова мимо ушей.

– Рами, ты ведь знаешь, что именно стоит на кону. Пожалуйста, доверься мне!

Тот долго удерживал его взгляд, затем вздохнул и закатил глаза:

– Ну ладно... Здесь все равно скука смертная.

Чааен Лорин был явно недоволен этим решением. Он протянул было руку к Рами, но не осмелился прикоснуться

к нему.

– Принц мой...

Повернувшись к своему советнику, Рами похлопал его по плечу:

– Давай-ка и ты с нами, Лорин! Когда дело доходит до деликатных вопросов, твое наставничество всегда только приветствуется.

– Но...

Рами схватил чаена за плечо и шагнул к двери, не оставив тому иного выбора, кроме как последовать за ним.

Вспомнив о своем собственном наставнике, Канте повернулся к Саймону:

– Постой! А как насчет Фрелля и...

– Твоего алхимика? – Саймон махнул в сторону двери, поторапливая всех. – А как думаешь – кто поднял на ноги весь этот дворец? Вот почему нам пришлось действовать быстро. Фрелль разворошил змеиное гнездо, из которого ему, похоже, уже не выбраться.

Канте схватил шпиона за руку.

– Да погоди же! Ты можешь ему помочь?

Саймон вырвался и вывел всех за дверь.

– Только не мы. Но есть еще один человек, который уже пытается это сделать.

Глава 27

Прастик держался рядом с Фреллем, высоко воздев свой клинок. Вместе они преодолели последний поворот винтовой лестницы, поднимающейся из недр логова Дреш'ри. За ними по ступеням тянулся след из распростертых тел – как бездыханных, так и беспомощно стонущих. Прастику не приходилось особо гордиться своим мастерством владения мечом – до сих пор Дреш'ри нападали на него безоружными. Здесь, в этом подземном царстве, которым правили страх и алхимия, ученым мужам не требовались носить оружие.

И все же многие Дреш'ри положили свои жизни к ногам Прастика. Он понимал причину столь отчаянного самопожертвования – она ясно звучала с каждым резким ударом гонгов, эхом разносившимся по гулкому пространству. Прежде чем Прастик и Фрель сумели выбраться из помещения с алтарем внизу, Зенг ри Перрин успел убежать и поднять тревогу. Остальные Дреш'ри пытались остановить их даже ценой собственных жизней – задержать до тех пор, пока спустившаяся сюда дворцовая стража не сможет прочесать библиотеку.

Даже кое-кто из прислужников набросился на святотатцев с метлами и швабрами – только лишь для того, чтобы столь же наверняка погибнуть или быть отброшенными

назад. К счастью, большинство низкорожденных – которых здесь, внизу, было значительно больше, чем их хозяев, – держались в стороне, строго придерживаясь выполнения обязанностей, предписанных той или иной касте. Это был один из тех редких случаев, когда Пратик по достоинству оценил регламентированную структуру своей культуры и мантру, вбитую в него в детстве: «Каждый на своем месте, каждый в своей чести». Даже малейшее отклонение от этого курса навлекало позор на семью и клан нарушителя.

Самого Пратика подобные жизненные принципы давно уже не волновали. Как раз поэтому и удалось так легко запудрить мозг одному из Дреш'ри, связать его и присвоить его верхнюю одежду. В городе, где одежда обозначала принадлежность к той или иной касте, никто не задавал ему никаких вопросов.

А еще он вооружился.

«И это было весьма предусмотрительно».

Еще только услышав подробности допроса Фрелля Зенгом ри Перрином, Пратик сразу насторожился – особенно из-за того, что Дреш'ри взяли у его друга образец крови. Поэтому решил сменить облик и как следует все разнюхать. А еще стал внимательно наблюдать за комнатами Фрелля и Канте и, к счастью, вовремя заметил группу Дреш'ри, направлявшуюся туда. Один из них нес на цепи дымящуюся жаровню, а еще двое – ручные кузнечные мехи.

Заподозрив неладное, он сел им на хвост и стал свиде-

телем того, как Фрелля усыпили и вынесли из его покоев. Опасаясь худшего, Прастик следовал за ними, держась на расстоянии, пока они не добрались до той проклятой комнаты. Оказалось достаточно легко проскользнуть туда и до поры до времени не высовываться – трудней всего было не ахнуть от потрясения при виде изуродованных венинов.

Наблюдая за происходящим, он надеялся, что жрецы в итоге освободят Фрелля, так что его хитрость с переодеванием пройдет незамеченной. По местным законам, подобный поступок относился к действиям, караемым смертью в случае разоблачения – никто в Клаше не имел права выдавать себя за представителя другой касты, особенно более высокой. Увы, но Прайя – богиня судьбы, в честь которого и был назван Прастик, – оказалась не столь благосклонной...

– Куда теперь? – спросил Фрелль, когда они добрались до главного помещения библиотеки. Обоим приходилось кричать, чтобы быть услышанными сквозь гул гонгов. – Ты знаешь другой выход отсюда?

Прастик покачал головой:

– Я никогда еще сюда не спускался.

Фрелль ткнул пальцем в проход между громоздящимися впереди стеллажами, по-прежнему прижимая к груди скомканную кипу страниц.

– Тогда уходим тем же путем, каким пришли.

Прастик кивнул и направился туда. Алхимик ощутимо пошатывался, все еще одурманенный затяжным действием то-

го неведомого средства, которым его усыпили. Иногда чаену приходилось поддерживать его свободной рукой.

В краткий миг тишины между ударами гонга Пратик услышал у себя за спиной шарканье кожаных сандалий и сразу же развернулся, взмахнув мечом. Позади них с винтовой лестницы только что сошла какая-то служанка в биор-га. Позвякивание бус указывало на ее принадлежность к касте уборщиц. При виде них она на миг застыла, а затем, ни слова не говоря, метнулась в сторону – просто стремясь поскорей убежать подальше.

«Как же я ее понимаю...»

С колотящимся сердцем Пратик повел Фрелля вперед. Между стеллажей стало гораздо темнее. Горело всего несколько фонарей, да и те были далеко. Помещение выглядело поспешно покинутым. Еще несколько прислужников заранее убрались у них с пути, низко пригнувшись и прикрыв свои фонарики, испускающие лишь тусклые отблески. В остальном же лишь летучие мыши сновали наверху – смутное мельканье теней над головой. Пратик настороженно наблюдал за ними, в то же время пытаясь ускорить шаг. Фонарями им разжиться не удалось, так что было все трудней различать дорогу. Пратик придерживался одного из тех бесконечно длинных стеллажей, которые, как он помнил, лучами расходились от центральной лестницы. И молился, что они не сбились с пути – что и вправду направляются к подъемнику, ведущему в сады.

Подавшись ближе, чтобы быть услышанным, Фрелль высказал то, что давно уже не давало покоя и самому Пратику: – А где же остальные Дреш’ри?

Чааен нахмурился. Попытки напасть на них и вправду прекратились.

И тут впереди них появился ответ.

В проход между стеллажами вдруг хлынул ослепительный свет – как будто прорвало плотину и все вокруг затопило языками пламени. Когда глаза Пратика отошли от внезапной вспышки, можно уже было различить отдельные фонари и факелы, которые быстро двигались во всех направлениях.

Пратик сразу понял, кто это явился сюда, чтобы преградить им путь.

– Императорская гвардия, – с тревогой бросил он, оставив своего спутника.

Зазвучали отрывистые приказы, эхом разносясь по всему необъятному помещению. Темноту прорезал хриплый лай, сопровождаемый звоном тяжелых цепей. Пратик представил себе огромных боевых псов цитадели – жутких зверюг с шипастыми ошейниками, доведенных некоей безызвестной алхимией до устрашающей свирепости. Только их проводники, связанные со своими подопечными обуздывающим напевом и воспитывающие их еще со щенячьего возраста, могли управлять ими. Казалось, будто в библиотеку ворвалось целое войско.

Россыпь фонарей и факелов неумолимо приближалась

к беглецам. Вой и лай звучали все громче, охватывая все бóльшую площадь.

– Что же нам делать? – в отчаянии спросил Фрелль.

Прежде чем Пратик успел ответить, до обоих донеслись какие-то новые звуки, поднимаясь из колодца винтовой лестницы у них за спиной. Голоса... Монотонный речитатив, сопровождаемый еле слышным гудением обуздывающего напева. Но заложенная в нем сила так и клокотала в темноте.

«Венины...»

Пратик поискал их взглядом. Изуродованный хор, судя по всему, успел прийти в себя после нападения Пратика и выбраться из своего логова – наверняка под командованием Зенга ри Перрина. Усилий одного певца, владеющего обуздывающим напевом, обычно недостаточно, чтобы полностью поработить человека, но подобный хор, действуя слаженно и в полную силу, вполне способен обездвижить свою жертву, опутав ее паутиной коварного напева по рукам и ногам.

«По крайней мере, достаточно надолго, чтобы нас схватили или убили».

Увы, но Пратик и Фрелль оказались не единственными, кто услышал этот адский хор.

Летучие мыши в панике захлопали крыльями и завизжали. Гнездящаяся под потолком орда неистовым шквалом обрушилась вниз. Крошечные тельца врезались в полки, задевая и Практика с Фреллем. Крошечные коготки рвали их

одежду и голую кожу, запутывались в волосах.

Оба пригнулись, шлепая друг другу по плечам и спинам, чтобы уберечься от худшего, а тем временем пение становилось все громче. Пратик представил, как венины приближаются к ним из темноты – мерзкие подобиия тех крошечных существ, которые напали на них.

Пратик сорвал летучую мышь со своего капюшона.

«Может, они даже управляют этими зверьками, словно неким раздробленным воплощением Царицы Теней, которой поклоняются...»

Но это была не единственная угроза.

Звон мечей о щиты и дикий лай доносились уже со всех сторон одновременно. Сияние фонарей и факелов с каждым вздохом становилось все ярче.

– Что же нам делать? – снова спросил Фрелль.

В ответе Пратика прозвучала суровая правда:

– Понятия не имею.

* * *

Канте едва поспевал за эскортом из стражников, на плащах которых сверкали гербы Клаша. Рами и Лорин тоже старались не отставать.

Он уже успел запыхаться, хотя и вовсе не от усталости – страх подгонял его так, что принц не чувал под собой ног. Проблема была в другом. Плотная ткань, который было при-

крыто его лицо, при каждом вдохе прилипала к губам, пытаясь задушить его. Канте на ходу потянулся было к подбородку, чтобы сорвать ее. Рами перехватил его руку, силой опуская ее.

– Не вздумай! Низкорожденные никогда не пытаются снять свои головные уборы!

Ругнувшись, Канте отпустил вуаль.

Прежде чем они покинули покои Рами, Саймон приказал Канте натянуть поверх его собственной одежды балахон биор-га. Рами тоже без малейшего намека на стыдливость сбросил свой свободный халат и прикрыл наготу таким же одеянием. И Саймон, и чааен Лорин уже были одеты надлежащим образом, так что им оставалось лишь натянуть головные уборы, чтобы скрыть лица.

Переодетая группа быстро проносилась по просторам цитадели. Мало кто достаивал их даже мимолетного взгляда. Впрочем, большинство ее коридоров уже успели опустеть. Судя по всему, со звоном гонгов все обитатели дворца дружно отступили на заранее подготовленные позиции.

– Куда мы направляемся? – наконец спросил Канте.

– Если ты не говоришь по-кляшански, – мягко предостерег Саймон, – лучше помалкивай, иначе навлечешь на себя подозрения.

Принц оглядел совершенно пустой коридор.

– Чьи?

К тому времени они уже добрались до той части дворца,

которая выглядела давным-давно заброшенной. Пол здесь покрывала девственная пыль, со стропил свисала паутина. Даже темные фонари, висевшие на ржавых крюках, выглядели так, словно ими не пользовались целую вечность.

Канте припомнилась схожая разруха в городе.

«Похоже, что разъедающая Кисалимри гниль проникла и во дворец».

Шаги Рами замедлились. Хотя лицо у него было закрыто плотной вуалью, он безостановочно вертел головой вправо-влево, явно вбирая в себя всю эту картину, и даже пару раз запнулся, словно застигнутый увиденным врасплох. Канте заподозрил, что клашанский принц и понятия не имел о существовании подобных мест, скрывающихся прямо внутри монаршей цитадели. Впрочем, при наличии тут как минимум сотни башен и больше двадцати уровней Рами, как особу императорских кровей, наверняка держали подальше от таких ее закоулков.

Дальше они шли уже в полном молчании, продвигаясь по мрачным коридорам и поднимаясь по темным лестницам. Завидев тусклый свет их единственного фонаря, из-под ног у них разбежались крысы.

К этому моменту Канте уже совершенно не представлял, где находится. Судя по всему, и Рами тоже.

Наконец чуть в отдалении перед ними резко распахнулась дверь. Хотя было уже около полуночи и зимнее солнце совсем низко повисло над горизонтом, вырвавшийся из-за нее

свет обжег глаза.

– Нам туда, – бросил Саймон, прибавляя шаг.

Канте поспешил вслед за ним и сопровождающими его людьми. Пройдя за дверь, он обнаружил, что стоит на дне огромного полутемного колодца. Клочок неба высоко над головой казался таким ярким, что пришлось прикрыть ладонью глаза. Стены без окон, высотой в десятки этажей, поднимались к отверстию без крыши наверху. Потрескавшийся каменный пол зарос сорняками и чахлыми кустиками.

В самом центре его, почти у самого дна колодца, парил в воздухе небольшой летучий корабль, удерживаемый на месте четырьмя тросами, привязанными к вбитым в каменный пол железным костылям. Четыре быстропламенные горелки, по две с каждой стороны, чадили и исходили паром, крепко натягивая привязи. Вокруг корабля расхаживали несколько человек в легких доспехах, проверяя крепления тросов летучего пузыря.

При виде этого корабля Канте лишь разинул рот. Он никогда еще не видел подобных воочию – только их чертежи во флотских справочниках, еще во время учебы в Тайнохолме.

– Крылатка... – прошептал он.

Это была уникальная клашанская разработка – меньше боевого быстроходника, но вдвое крупнее челнока-«охотника». Киль из кованого железа плавно переходил в выступающий нос, образуя застывшую волну из металла и дерева.

По бокам его располагались выпуклые окна высотой с Канте, похожие на большие совиные глаза. Дополняла этот образ пара складных крыльев из парусины, которые и дали название этому типу кораблей. В данный момент перепончатые крылья были зарифлены и прижаты к бортам корпуса.

Говорили, что такие суда удивительно маневренны, что давало им определенное преимущество в воздушном бою, но их основное назначение было гораздо проще. Канте поднял взгляд на далекую горловину колодца, на открытое небо. Крылаткам отводилась примерно та же роль, что и летучим спасательным шлюпкам, только с одной лишь разницей: задачей их было доставить терпящих бедствие не с неба на землю, а наоборот – подобрать попавших в беду с земли и помочь им поскорей убраться в небо от любой опасности, грозящей внизу.

«Прямо как сейчас...»

Саймон указал на откинутую дверь по правому борту.

– Залезайте быстрее!

Канте замешкался:

– А как же Фрелль с Пратиком?

Саймон поморщился, уставившись на луну над головой, а затем покачал головой:

– Можем дать им время только до следующего колокола.

Не больше. А потом сразу же сматываем отсюда.

Глава 28

Вслед за Пратиком Фрелль карабкался вверх по отвесной стремянке. Они добрались почти за самого верха того ряда стеллажей, вдоль которого продвигались к выходу. Сердце у Фрелля стучало уже прямо в ушах, но все равно не заглушало коварного пения венинов – хора, который неумолимо приближался к ним. Он уже чувствовал, как слабеет его воля, а руки и ноги наливаются свинцом. Или, может, дело было просто в усталости...

Единственным благом было то, что приближение венинов отогнало летучих мышей. Кожа Фрелля уже кровоточила от сотен укусов и царапин. Но если они не найдут какого-то выхода из этой ловушки, их с Пратиком постигнет куда худшая участь.

Императорские стражники преследовали их по пятам. Отовсюду доносился угрожающий вой боевых псов. И где-то в этой темной библиотеке наверняка притаились и Дреш'ри, созывая других алхимиков, чтобы помешать их побегу.

Над головой у Фрелля Пратик выбрался на самый верх стеллажа и скрылся из виду. Фрелль поспешил за ним, хотя и понимая, что такая уловка их не спасет – даст лишь небольшую передышку, чтобы выработать дальнейший план действий.

Добравшись до последней перекладины, он подтянулся

на руках, чтобы присоединиться к Пратику. Хотя конечно-сти у него дрожали, шуршание пергамента под одеждой по-прежнему подталкивало его вперед. Перед тем как забраться на лестницу, он спрятал туда страницы, вырванные из древнего фолианта – украденные прямо из-под зловещих глаз Царицы Теней, намалеванной на стене.

«О боги! Помогите мне прожить достаточно долго, чтобы прочесть их!»

Фрелль растянулся на спине, тяжело дыша.

Прадик был уже на ногах и указывал вдоль уходящей в темноту верхней части стеллажа в сторону единственного выхода. На такой высоте пролегающая перед ними дорожка казалась совсем узенькой.

– Если повезет, то, может, и получится проскользнуть мимо наступающей линии стражников. А затем слезть у них за спиной и направиться к подъемнику.

– Он наверняка тоже под охраной.

– Надо попробовать, – настаивал Прадик.

Фрелль знал, что чааен прав. Со стоном перекатившись на живот, он поднялся на ноги. И прежде чем успел сделать шаг, как прямо под ними, у основания лестницы, послышалось низкое рычание, быстро переросшее в хриплый визг.

Фрелль так и съежился.

«Боевой пес... Кто-то явно передал охотникам мой запах».

Припомнилось, как этот треклятый Зенг сцеживал у него

кровь.

Фрелль уставился на Пратика – оба на миг застыли, явно с одним и тем же вопросом в голове: «Умеют ли боевые псы лазать по стремянкам?»

Ответ пришел достаточно быстро. Лестница затряслась и задрезжала. Подвешена она была на длинном горизонтальном стержне, прикрепленном к стеллажу и продетом в стальные кольца у нее на концах, что позволяло двигать ее вправо-влево – и при этом не оставляло никакой возможности отцепить стремянку и сбросить ее вниз. Времени рубить мечом ее деревянные концы тоже не оставалось.

– Быстрей! – поторопил Пратик, устремляясь прочь от лестницы.

Фрелль поспешно последовал за ним.

Собачий лай привлек стражников к тому месту, в котором они совсем недавно находились. Победные крики и топот сапог нацелились в их сторону. Фонари и факелы все плотней смыкались вокруг них.

Фрелль мчался позади Пратика, стараясь сильно не топтать, чтобы не выдать их местонахождение. Но не успели они отбежать хоть на какое-то расстояние, как что-то большое рывком запрыгнуло на их узенький насест, сотрясая его. Обернувшись, Фрелль увидел здоровенную тень, которая в поисках опоры немного посучила лапами, а затем выбралась наверх целиком, когда когти вонзились в дерево.

Пес встряхнул своим шипастым ошейником, угрожая

вздыбил шерсть и бросился за ними.

Фрелль остановился, поняв, что убежать все равно не выйдет. Он намеревался сделать все возможное, чтобы сбросить зверя со стеллажа, дать Пратику шанс спастись.

– Уходи! – приказал он чааену. – Доберись до Канте!

Пратик подступил ближе к нему:

– Я никогда не...

И тут словно весь мир вокруг них взорвался.

От оглушительного грохота заложило уши. По библиотеке пронеслись огненные вихри, освещая Кодекс во всю его необъятную ширь. Стеллажи затряслись, некоторые с треском завалились. Их собственный насест тоже задрожал на своих опорах.

Фрелль упал на четвереньки. Пратик сделал то же самое. К несчастью для боевого пса, зверь был уже в прыжке, когда прогремели взрывы. Приземлившись, он потерял равновесие, и задние лапы его соскользнули с узенькой верхушки стеллажа, свесившись за край. Пес отчаянно заскреб когтями, глубоко впиваясь ими в дерево, чтобы удержаться.

Фрелль понял, что у него есть всего лишь мгновение. Низко пригнувшись, он стрелой метнулся к чудовищу. Оказавшись достаточно близко, завалился на спину и пнул его ногой по передним лапам. Щелкнули челюсти, цапнув его за край мантии, но удар каблука уже сбросил с края полки одну из лап. Пес соскользнул еще ниже, всем своим весом криво повиснув на последних еще цепляющихся за дерево

когтях – а затем сорвались и они.

Падая, зверь упорно цеплялся зубами за мантию Фрелля, всем своим весом подтаскивая его к самому краю. Алхимик перевернулся на живот и попытался ухватиться за дальний край узенькой полки. Одной рукой зацепился, другой не вышло. Держаться пока удавалось, хоть пальцы и сводило от напряжения.

И тут рядом с его плечом мелькнуло серебро.

Взмахнув мечом, Пратик рассек край мантии Фрелля. С яростным воем зверь тяжело полетел вниз – пока этот вой вдруг резко не оборвался тяжелым шлепком.

Чааен помог алхимику выпрямиться, но оба остались сидеть на корточках.

А по всей библиотеке продолжали взрываться новые бомбы. И не только в главном ее зале. Несколько раз подряд грохнуло где-то на нижних уровнях. Высоко над центральной лестницей спиралью взметнулось пламя.

Бросив взгляд на Пратика, Фрелль силился понять.

– Это твоих рук дело?

При виде открывшихся в свете огня разрушений лицо чааена исказилось ужасом.

– Да ты что!

Фрелль нахмурился.

«Чьих же тогда?»

Пламя быстро распространялось по всему необъятному залу, подпитываемое сухим пергаментом и древним дере-

вом. Дым клубами поднимался наверх, на глазах наполняя купол и распугивая летучих мышей. Пелена его сгустилась и вокруг их высокого насеста. Фрелль закашлялся, в глазах у него защипало.

Обрушились и упали еще несколько стеллажей, когда пламя сожрало их основания.

– Нельзя оставаться здесь, иначе задохнемся, – встревоженно произнес Пратик, направляясь к стремянке. – Надо спуститься пониже.

Устремившись за ним, Фрелль огляделся по сторонам, но никого поблизости не заметил. Похоже, что непрекращающиеся взрывы и быстро распространяющееся пламя отогнали стражников. Венины тоже умолкли. Судя по всему, обе группы охотников отступили в какое-то безопасное место.

И все же у Фрелля было мало надежды на то, что подъемник останется без охраны. Скорее всего, стражники поднимутся на его платформе и застопорят ее наверху, заперев свою добычу в этой раскаленной печи до тех пор, пока пламя не утихнет, а потом будут искать их обгоревшие кости.

Нащупав ногой перекладину стремянки, Пратик стал быстро спускаться вниз, чтобы спастись от обжигающего глаза дыма. Фрелль последовал за ним, в спешке чуть не промахнувшись ногой мимо ступеньки. Легкие у него горели, слезы туманили зрение, пылающие угли жалили щеки и руки. Он уже почти ослеп к тому моменту, когда Пратик помог

ему слезть и встать на ноги.

Чааен указал в сторону подъемника.

– Будем молиться, – вот и все, что он произнес, делая первый шаг.

Они опять побежали, пригнувшись и закрывая лица рукавами. Но не успели сделать и нескольких шагов, как кто-то, вдруг возникший между рядами стеллажей, распахнутыми руками преградил им путь.

Прадик резко остановился. Фрелль едва не наткнулся на него.

За первой появились и другие фигуры – все закутанные в балахоны биор-га. Алхимик с удивлением узнал ту, что шла впереди. Это была женщина небольшого роста и довольно хрупкого телосложения, одеяние которой украшали простенькие бусы, обозначающие ее принадлежность к касте уборщиц. Он вспомнил, как совсем недавно она сбежала с винтовой лестницы, поколебалась, а затем бросилась прочь.

Тогда Фрелль подумал, что эта женщина просто пыталась убежать от них. Но теперь подозревал нечто совсем иное. Припомнились замеченные по пути слуги в таких же балахонах, которые прятались за стеллажами, прикрыв свои фонарики.

«Неужели это они заложили все эти бомбы? Если да, то зачем? Просто акт вандализма – или же попытка помочь нам спастись?»

Женщина подступила ближе, срывая с себя головной убор. Откинула назад потную челку своих коротко стриженных светлых волос. На алхимика с чаеном нацелились холодные глаза, отливающие медью.

Пратик ахнул.

Фрелль потрясенно отступил на шаг.

– Ллира?..

Он изо всех сил пытался запустить заевшие шестеренки у себя в голове, чтобы приспособиться к ее внезапному появлению. В последний раз Фрелль видел Ллиру хи Марч прошлым летом. Тогда глава воровской гильдии из города Наковальня на территориях Гулд’гула кое в чем помогла делу Никс, а потом их пути разошлись. При расставании Ллира поделилась своими планами поставить под свои знамена как можно больше себе подобных, создать тайное войско на случай, если оно вдруг понадобится? – войско, рассредоточенное по воровским притонам, домам терпимости и низкопробным кабакам.

Фрелль наконец-то обрел дар речи, все еще не в силах постигнуть невероятное.

– Как... как ты здесь оказалась?

Она нахмурилась:

– Языками можем почесать позже. Давайте-ка выбираться отсюда, пока у вас все волосы на задницах не сгорели!

С этими словами Ллира решительно развернулась и вместе со своей шайкой направилась прочь. Она сразу задала

жесткий темп, сворачивая в неожиданных местах и ни разу не замедлив шаг – вроде как зная наилучший путь сквозь режущее вокруг пламя. Впрочем, это ведь ее люди подложили бомбы... Однако огонь продолжал быстро распространяться. Жара стала адской. В воздухе порхал пепел, затрудняя дыхание.

Сияясь держать свой страх в узде, Фрелль то и дело поглядывал на шагающую впереди женщину. Выглядела Ллира точно так же, как и тогда, когда он видел ее в последний раз. Даже под бесформенным балахоном тело ее оставалось гибким и пружинистым. Роста она была невысокого, как и все гулд'гульцы, но в ней не было присущей им коренастости. Двигалась Ллира словно львица в клетке – сама сила и быстрота.

По мере того как они продвигались вперед, из дыма и теней выныривали все новые фигуры и присоединялись к ним – все в балахонах низкорожденных, хотя некоторые держали головные уборы в руках, выставляя напоказ суровые физиономии со старыми шрамами, красными от крепкого спиртного носами и навеки застывшими глумливыми ухмылочками.

Фрелль огляделся по сторонам, после чего опять сосредоточился на Ллире. Не сумев удержаться, еще раз спросил:

– Так как вы все здесь оказались?

Она раздраженно фыркнула:

– Саймон подумал, что вашей компашке может понадо-

биться моя помощь. Мы с ним работаем в паре еще с тех самых пор, как вы только заявили на эти берега.

– Саймон? – Фреллю не сразу удалось сложить все детали этой головоломки воедино. – Саймон хи Раллс? Из «Попранной Розы»?

Ллира пожала плечами:

– Мы знали, что вы намереваетесь пошарить на здешних полках. Так что, пока вы несколько месяцев бездельничали наверху, я воспользовалась этим временем, чтобы проникнуть сюда и составить план на случай, если потребуется предпринять что-то радикальное. – Она приподняла край своей вуали. – Достаточно легкая работенка, когда тебе не нужно показывать свое лицо.

– И никто ничего не заподозрил?

Ллира усмехнулась:

– Дреш'ри нужно кормить, мыть им полы, стряхивать паутину с их драгоценных книг... – Она смерила Фрелля презрительным взглядом. – Все вы, книжные черви, настолько погружены сами в себя... Уткнувшись носами в свои пергаменты, не достаиваете даже взглядом тех, кто выносит из сортира ваше драгоценное дерьмо – которое, уж поверь мне, на самом деле жутко воняет, как бы вы ни утверждали обратное.

Фрелль почувствовал, как у него запылали щеки – не от бушующего вокруг них огненного ада, а от правдивости ее слов.

С ними поравнялся Пратик, пристальный взгляд которого так и бегал по сторонам.

– Куда мы направляемся? Явно ведь не к подъемнику.

– Это не единственный способ отсюда выбраться. – Повернувшись к чааену, Ллира выгнула бровь: – Ты настолько глуп, что считаешь, будто Дреш’ри станут делить свой парадный вход с презренными слугами?

Пратик пристально посмотрел на нее:

– Здесь есть и другие выходы?

– Еще десять, о которых я знаю. Возможно, даже больше.

Про некоторые из них даже сами Дреш’ри уже наверняка забыли. Здесь, под землей, есть жилые помещения, кухни, бани, кузницы, темницы – что ни назови, которые расположены вокруг библиотеки и простираются далеко во все стороны от нее. Многие из таких закоулков настолько древние, что давно превратились в руины.

У Фрелля имелась еще тысяча вопросов, но он был по-прежнему слишком уж смущен – даже унижен тем, как многое ускользнуло от его внимания.

Ллира ткнула пальцем вперед и ускорила шаг.

– Поберегите дыхание. Нам еще шагать и шагать. А судя по тому немногому, что я знаю о Саймоне, ждать он долго не станет.

Глава 29

Крепко сжав губы, Канте безостановочно расхаживал в тишине перед окутанной паром крылаткой – лишь тросы ее тихо поскрипывали от напряжения, столь же туго натянутые, как и его собственные нервы. Дворцовые гонги тоже зловеще умолкли. В какой-то момент он даже застонал от бессильного раздражения.

Не помогало и то, что Саймон постоянно посматривал на луну, медленно проплывающую над отверстием наверху. Шпион дал им время лишь до следующего колокола, после чего будет отдан приказ взлетать.

Уже в тысячный раз Канте бросил взгляд на темную дверь, ведущую в глубь дворца.

«Ну где же вы оба?»

Чуть в стороне стоял Рами – скрестив руки на груди, с каменным лицом. Лорин держался рядом с принцем. Выражение лица чааена было гораздо легче прочесть – оно колебалось между яростью и страхом.

Охраняли эту пару трое воинов – остальные уже поднялись на борт, чтобы подготовиться к поспешному вылету. Большинство мужчин сняли своих кожаные шапочки и вуали, обнажив красные, покрытые уродливыми шрамами лица. Это была явно жесткая публика, не склонная к улыбкам и не проявлявшая ни малейшего сочувствия к метаниям прин-

ца – лишь едва сдерживаемый гнев. Они явно хотели побыстрей убраться отсюда.

«А я их задерживаю...»

Звон рассветного колокола заставил Канте вздрогнуть. Разнесшийся по дворцу, вскоре он распространился по всему городу. Канте повернулся к Саймону, который с извиняющимся видом уставился на него в ответ.

«Нет...»

Рами вдруг напрягся, расцепил сложенные на груди руки и ткнул пальцем в сторону двери:

– Смотрите!

Канте резко обернулся. Из темного дверного проема в каменный колодец хлынули какие-то фигуры, стремглав бросившись к ним. Все они были одеты в балахоны биор-га, но быстро сняли головные уборы. Несколько мгновений Канте вглядывался в перемазанные сажей лица, пока не заметил Фрелля и Пратика.

Он бросился было им навстречу, но запнулся и даже чуть не упал, когда вперед протолкалась невысокая женщина, отшвырнув в сторону свой головной убор. Потрясенный, он сразу узнал ее.

«Ллира, предводительница воровской гильдии...»

Канте заморгал, восстанавливая равновесие. Припомнились слова Саймона насчет того, что кто-то пытается помочь Фреллю. В тот момент он подумал, что тот имел в виду Пратика, но это явно было не так.

Ллира тоже заметила его и отвесила насмешливый поклон:

– Принц Канте...

И тут же пронеслась мимо него, выкрикивая приказы своей шайке.

Добравшись наконец до Фрелля, Канте заключил его в объятия. Попытался обнять и Пратика, но получил мягкий отпор.

– Вот уж не думал, что у вас получится! – воскликнул принц.

– Мы разделяли то же самое мнение, – отозвался Пратик.

Вновь оказавшись вместе, они последовали за последними бойцами Ллиры, которые уже начали сбрасывать свои балахоны. По пути к кораблю Канте увлек за собой Рами и Лорина.

Рами вновь уставился на сброшенную одежду биор-га.

– Если я когда-нибудь стану императором, то первым же своим указом прикажу изменить политику в отношении этих одеяний... Это явно обуза.

– Пошевеливайтесь! – заорал Саймон, загоняя их на корабль. – Мы больше не можем ждать!

Они повиновались и поднялись по трапу. Саймон остановился у его подножия и, вытянув шею, уставился в небо, где голубизну неба омрачал столб свежего дыма. Когда он попятился от трапа, лицо у него потемнело.

Канте крикнул из люка:

– Ты не с нами?

– Нет. – Саймон пренебрежительно отмахнулся. – У меня есть другие дела, которыми нужно срочно заняться. Вверяю вас всех заботам Ллиры хи Марч.

– Но...

– Не переживай, юный принц. Я уверен, что наши пути еще не раз пересекутся. – В глазах у него промелькнул проблеск лукавого веселья. – Не сомневаюсь, что очень скоро все вы опять угодите в какой-нибудь кипящий котел.

Канте не мог с этим поспорить.

Повернувшись, Саймон с парой своих спутников направился к выходу из колодца. Все они опять напялили свои головные уборы, готовые раствориться в неизвестности.

Фрелль схватил Канте за руку и оттащил его назад, позволив широкоплечему матросу поднять трап лебедкой.

– Остальные уже в рулевой рубке. Надо присоединиться к ним.

Кивнув, принц последовал за алхимиком сквозь битком набитый нижний трюм к узкой лесенке, ведущей наверх. Из своего изучения схем таких кораблей он знал, что ведет та на узкую промежуточную палубу, где располагаются несколько личных кают, небольшая кухня и большой кубрик, занимающий всю корму, хотя большая часть этого уровня отведена под рулевую рубку в носовой его части. А над всем этим простирается совершенно плоская открытая палуба, затененная газовым пузырем с заостренными концами.

Горя желанием увидеть все это собственными глазами, Канте поспешил по крутому трапу наверх. Поднявшись, он втиснулся в царящую в рулевой рубке суету. Лира вжалась в группу мужчин. Рами и Лорин стояли в сторонке, под пристальным взглядом теперь уже единственного охранника, который держал ладонь на рукояти меча.

Когда к ним присоединился Канте, стоящая за штурвалом женщина – очевидно, капитанша – повернулась к гостям.

– Добро пожаловать на «Квисл». – Она взмахом руки обвела корабль. – Поскольку мы попросту украли эту посудину для данного предприятия, я взяла на себя смелость дать ей имя. С рисийского это можно примерно перевести как «отравленный кинжал». Так что лучше следите за каждым своим шагом!

Капитанша смягчила эту завуалированную угрозу улыбкой. Это была длинноногая женщина, затянутая в клашанскую черную кожу, но с белоснежным, почти серебристым лицом и голубыми как лед глазами. Канте предположил, что родом она с далекого архипелага Рис, расположенного почти на самом юге Венца. Это впечатление еще больше подчеркивалось ее гладкими черными волосами, убранными в длинную косу с вплетенными в нее крошечными серебряными колокольчиками. Канте мало что знал о рисийцах, за исключением того, что это было матриархальное общество, известное своими наемными убийцами.

Даже экипаж, который находился по бокам от капитанши,

управляя маневровыми колесами с рукоятками и рычагами, состоял исключительно из женщин, включая молодую судонаправительницу крылатки. У всех был одинаковый цвет лица и темные волосы.

Женщина за штурвалом кивнула ему, и при этом в ее косе не звякнул ни один колокольчик. Канте подавил дрожь. Говорили, что рисийские убийцы способны передвигаться совершенно незаметно и неслышно, даже будучи украшенными этими серебристыми колокольчиками. И что единственным предупреждением о грозящей тебе участи будет лишь тихий звон, возвещающий о твоём скором конце.

Ее улыбка стала еще шире и насмешливей – видимо, капитанша ощутила, что ему слегка не по себе.

– Итак, наконец-то ты на борту. Подойди, если хочешь, и посмотри, как мы взлетаем. Этот спектакль того стоит.

Успокоенный ее приветливым тоном, Канте охотно принял ее приглашение и подошел к одному из гигантских выгнутых окон. Алхимия изготовления таких больших куполов из прочного стекла была у клашанцев строго охраняемым секретом. Когда принц подступил ближе, ему показалось, будто он вышел за пределы корабля и завис прямо в воздухе. Сквозь выпуклое окно было хорошо видно и небо над головой, и то, что находилось прямо под носом корабля. Это нервировало.

Канте сглотнул и отступил на шаг.

– Держитесь крепче! – выкрикнула капитанша, подава-

ясь вперед, чтобы передать свой голос через возвещатель в остальные помещения корабля. — Мы взлетаем!

И потянула за какой-то рычаг, крепко сжимая другой рукой штурвал.

Негромкие хлопки возвестили о том, что корабль свободен от привязей. Удерживающие его тросы отвалились от корпуса, и крылатка чуть приподнялась над каменным дном колодца. Четыре быстропламенных двигателя взревели в унисон, выбрасывая под киль пламя и дым, и корабль резко взмыл в небо.

Придавленный внезапным ускорением, Канте повалился вперед, ударившись ладонями о выпуклое стекло. На какой-то ужасный миг ему показалось, что он сейчас вывалится наружу, но стекло выдержало. Каменные стены у него перед глазами смазались в убегающую вниз размытую серую ленту.

Но тут они выскочили из темного колодца на открытое пространство, и яркий свет ослепил глаза. Однако Канте все-таки заметил столб огненного пепла и дыма, поднимающийся вверх из самого центра обнесенного стеной сада. Прежде чем он успел как следует его рассмотреть, по обе стороны корпуса раскрылись парусиновые крылья, опершись о воздух. Корабль накренился, быстро проносясь над дворцовыми башнями.

Небо усеивали и другие крылатки, описывая плавные круги или уже уносясь прочь. Недавний трезвон гонгов, судя

по всему, изрядно напугал имри, и самые богатые из них теперь стремились покинуть город и пересидеть смутное время в каких-нибудь более безопасных гаванях.

Канте улыбнулся, оценив план Саймона. Другие корабли представляли собой идеальное прикрытие для их бегства – просто еще одна крылатка среди множества прочих.

Капитанша поддразнивающе окликнула его:

– Если ты сейчас залапаешь мне стекла, то вымоешь все окна до единого!

– Прости. – Канте оттолкнулся от стекла, взял себя в руки и отступил к остальным, которые собрались в задней части рулевой рубки.

Когда он присоединился к ним, какой-то шум привлек его внимание к судонаправительскому посту – к шкафчику, в котором хранились карты. Остальные тоже посмотрели в ту сторону. Из-за деревянной дверцы доносился неистовый стук, сопровождаемый приглушенными криками.

Мимо Канте протиснулась Ллира.

– Похоже, кое-кто тут уже очухался...

Предводительница воров распахнула дверцу. На полу за ней лежала согнутая фигура – связанная по рукам и ногам и с кляпом во рту. Подступив ближе и опустив взгляд, Канте с ужасом узнал направленное на него лицо, на котором читалась неприкрытая ярость.

«Аалийя...»

– Твоя нареченная оказалась настоящей львицей, – заме-

тила Ллира.

Канте ошарашенно повернулся к Рами.

– Я не знал!

Глаза у Рами округлились, лицо потемнело. Скрюченные пальцы его метнулись к запястьям – судя по всему, в поисках отсутствующих ножей.

Канте вспомнил недавнее заявление Саймона, сделанное после того, как сам он предложил Рами присоединиться к ним. Шпион утверждал, что заложник им не требуется. Теперь принц все понял.

«Потому что заложник у них уже был».

Ллира махнула на Аалийю:

– Дополнительная подстраховка. Нам это может понадобиться. – Она пожала плечами. – А если нет, то за нее дадут щедрый выкуп.

Канте тяжело дышал. Он ведь тогда просил Рами довериться ему! Принц потянулся к руке своего друга.

– Я и вправду не знал!

Рами попятился, сторонясь его.

– Это большая ошибка, о которой все вы еще сильно пожалеете!

Канте опустил руку. Ему оставалось лишь наблюдать, как Аалийю освобождают от пут. Даже после того, как изо рта у нее выдернули кляп, она оставалась мрачно спокойной, свирепо глядя на него. Ее молчание было гораздо хуже любых проклятий или презрительных замечаний. Аалийю вме-

сте с Рами и Лорином вывели из рулевой рубки и заперли в одной из отдельных кают.

Фрелль вздохнул и похлопал Канте по плечу. Прастик просто выглядел угрюмым, словно соглашаясь с недавней оценкой Рами.

Алхимик повернулся к Ллире. Голос его был мрачен и серьезен, когда он перешел к более насущному вопросу:

– Есть вести из Халендии?

Ллира посмотрела через рулевую рубку на открытое небо.

– Все вы не так умны, как вам кажется, – заявила она. – Даже наполовину.

Фрелль кивнул.

– Король Торант явно знает, что мы здесь. И что Канте помолвлен с клашанской принцессой.

– Знает, конечно, но это далеко не все, что ему известно.

– Что ты имеешь в виду?

Ллира вновь повернулась к ним:

– Ходят слухи, что два месяца назад халендийцы отправили в Студеные пустоши группу боевых кораблей.

Канте вздрогнул, понимая, что это значит.

Ллира подтвердила его подозрения:

– Король... и хуже того, этот проклятый Исповедник Врит... наверняка знают, что Никс сейчас где-то в Пустошах.

Глава 30

Пристроившись в темном углу турнирного двора, Исповедник Врит внимательно изучал сияющую фигуру будущего короля Халендии – и пытался подавить свое беспокойство.

Размышляя над дилеммой, он машинально поглаживал свои длинные серебристо-белые косички, обернутые вокруг шеи и завязанные под подбородком. Косички эти обозначали его статус святого Исповедника, равно как и его серая мантия и татуировка в виде черной повязки на глазах.

Правда, не то чтобы кто-то обращал на него хоть какое-то внимание. На другом конце двора бушевало шумное празднество. Из пирамиды откупоренных бочонков рекой лился эль. Барды горланили песни о древних битвах и доблестных воинах. Весело отплясывали менестрели и шуты – столь же пьяные, как и сотни королевских легионеров, предающихся кутежу среди множества костров. Все они собрались здесь, чтобы отпраздновать успешный штурм северного побережья Клаша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.